

БЕРЛИН.БЕРЕГА

литературный журнал

№ 1 / 2015

Ю

В номере:

- Борис ХАЗАНОВ. „Ута, или Путешествие из Германии в Германию“. Эссе
- Олег ЮРЬЕВ. Из книги „Обстоятельства времен“
- Екатерина САДУР. „Октябрь и сумерки медленно сгущаются над Берлином“. Рассказ
- Илья ЧЛАКИ. Из пьесы „Картинки из провинции“

Редакция / Redaktion:

Главный редактор/Chefredakteur: **Григорий Аросев / Grigorii Arosev**

Редакторы/Fachredakteure:

Поэзия / Poesie: **Женя Маркова / Genia Markova**

Публицистика / Publizistik: **Дарья Сосницкая / Daria Sosnitskaya**

Переводы / Übersetzungen: **Эдуард Лурье / Eduard Lurje**

Связи с общественностью / Public Relations: **Мария Аросева / Maria Aroseva**

Вёрстка / Layout und Satz: InterMedienCenter

Иллюстрации / Illustrationen: **Лилия Лурье / Lilia Lurje**

Kurze Zusammenfassung: **Gerd Bussing**

Herausgegeben von der Redaktion der Zeitschrift

**Журнал выходит при поддержке Владимира Юрьевича Круглова,
директора компании «АРГОС» — оператора электронного
документооборота.**

Bibliografische Informationen der deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen
Nationalbibliografie

Diese Zeitschrift ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urhebergesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmung und die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Gesamtherstellung: Simon Verlag für Bibliothekswissen,

Riehlstrasse 13, 14057 Berlin, Deutschland

www.simon-bw.de

www.berlin-berega.de / berlin.berega@gmail.com

Druck und buchbinderische Verarbeitung

Buchbinderei Art-Druk, Stettin

ISSN 2366-3510

Copyright © 2016 Simon Verlag für Bibliothekswissen, Berlin

Copyright Texte © 2016 liegt bei Autoren

Alle Rechte vorbehalten

Содержание

От главного редактора..... 5

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ЕФИМ ЯРОШЕВСКИЙ — Октябрь смотрит сквозь стекло, стихи	7
ДМИТРИЙ ГРИЦКИЙ — Сто тысяч братьев спали в твоей одежке, стихи.....	12
ОЛЕГ ЮРЬЕВ — Обстоятельства времен. <i>Поэма</i> , фрагмент из книги.....	17
ЕКАТЕРИНА САДУР — Осколки Берлина, эссе; Октябрь и сумерки медленно сгущаются над Берлином, рассказ	28
АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ — Текст, драгз, рок-н-ролл, рассказы.....	54
ЕЛЕНА ИНОЗЕМЦЕВА — Испанский дневник, стихи.....	72
АНАТОЛИЙ ГРИНВАЛЬД — В какой-нибудь уехать городок, стихи	76
ЕВГЕНИЯ ДОБРОВА — Воздух на все пуговицы, рассказы	80
АННА НЕЖНАЯ — Погладить фарфор, рассказ	89

ПЕРЕВОДЫ

ГЕОРГ ГЕЙМ — Танцовщица в гемме. Перевод Леонида Бердичевского	92
РИКАРДА ХУХ — На мосту. Перевод Леонида Бердичевского	94
ГЕРМАН ГЕССЕ — Равенна. Перевод Леонида Бердичевского	96
КУРТ ТУХОЛЬСКИ — Глаза большого города. Перевод Анны Давидян	98
ТЕОДОР ФОНТАНЕ — Старики и молодёжь. Перевод Анны Давидян	102

НОН-ФИКШН

АЛИНА БРОНСКИ — Язык для меня служит скорее прикладным инструментом , интервью	105
ЕКАТЕРИНА КРЫЖАНОВСКАЯ — О Чернобыле весело и с задором , рецензия.....	111
БОРИС ХАЗАНОВ — Ута, или Путешествие из Германии в Германию , эссе	115
МАРК УРАЛЬСКИЙ — Свои среди чужих: Илья Троцкий, Осип Дымов и другие. Из истории русскоязычных литераторов за рубежом ...	129
ЕЛЕНА МАДДЕН — Литература—2, —3, —4, —5? К описанию русскоязычной литературы Германии	144

ТЕАТР

ИЛЬЯ ЧЛАКИ — Телефон для справок , фрагмент из пьесы «Картинки из провинции»	154
Сведения об авторах	164
Kurze Zusammenfassung	170
Информация о подписке	173

От главного редактора

«Да, да, отцы! На это дело крепко надеюсь я». Этой фразой начинается пьеса А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» — и ею же открылся в октябре 1898 года в Москве Художественный театр. Так же стоит воскликнуть и нам — инициаторам нового литературного журнала, который получил название **«Берлин. Берега»**. На первом этапе он будет выходить два раза в год.

О смерти бумаги в журналистике, как и о закате литжурналов в целом, уже сказано столько, что, кажется, можно было бы и поменьше. Но мы рискуем. В первую очередь опасения наши идейного порядка: нужно ли это читателям? Сумеет ли мы убедить их? Удастся ли нам поддерживать журнал на должном уровне?

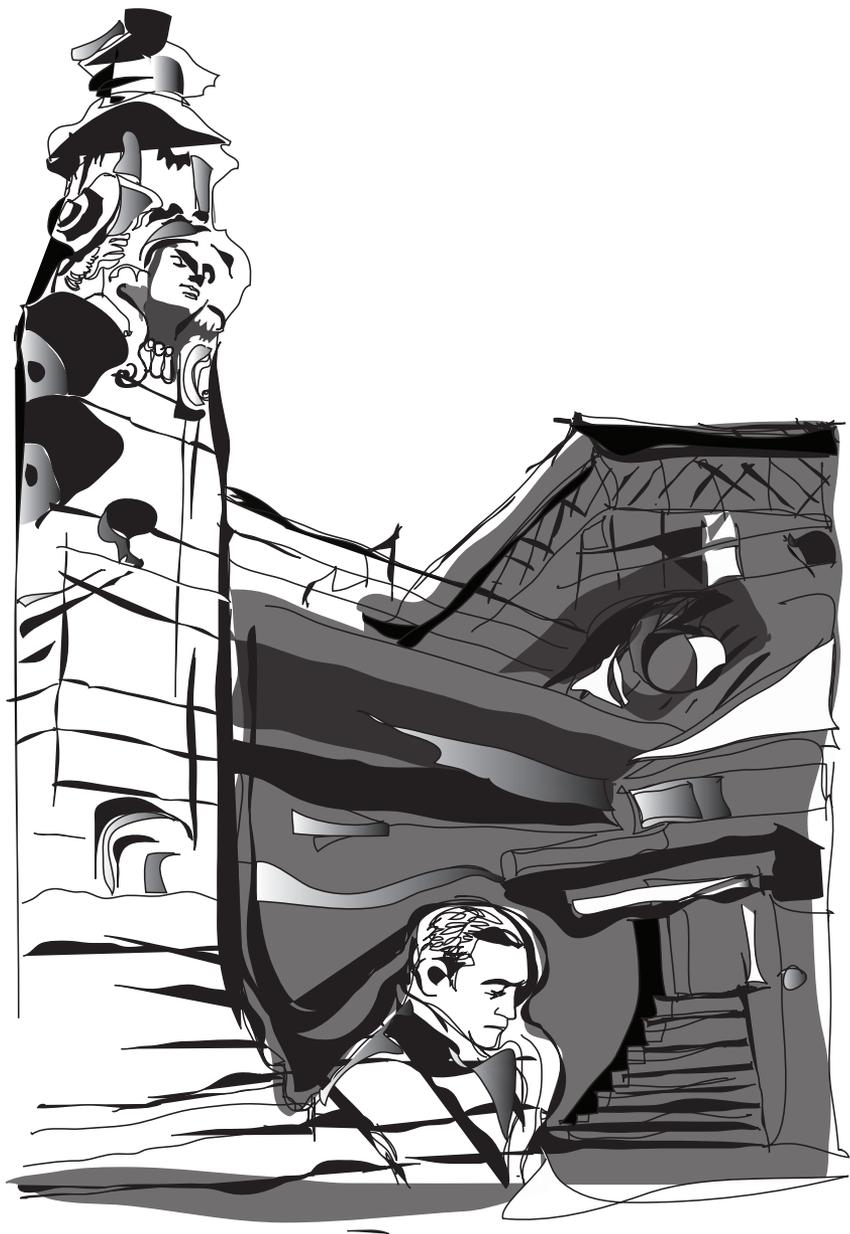
Мы с почтением относимся к иным журналам — предшественникам и ныне выходящим (таким, как «Страна и мир», «Зеркало загадок», «Зарубежные записки», «Студия», «Крещатики»). Но всё же полагаем, что ниша литературного немецкого журнала, чьей генеральной линией стал бы «русский взгляд на Германию», пока что пустует. Её заполнить попытается журнал «Берлин. Берега».

Кстати, о названии. Вся редакция живёт в чудесном Берлине, а слово «берега» хоть и не очень оригинально, но как нельзя лучше подходит и городу, и журналу. Городу — так как граница между Востоком и Западом, между двумя цивилизациями, десятки лет проходила в том числе по реке, а значит, по берегам. А журналу — так как мы пытаемся перекинуть мост (к примеру, такой, как на обложке) от одного языка к другому, от одной культуры к другой, от одного поколения к другому. «Из тени в свет перелетая»...

Я сердечно благодарю всех, кто причастен к рождению журнала «Берлин. Берега» — их имена вы видите на второй странице. Но главную благодарность заслужили прозаики, поэты, критики, переводчики, эссеисты — все, кто смело доверил(ся) нам. Это действительно непростой шаг — отдать свои труды неизвестному изданию. Наши авторы — наши герои. Спасибо им от всей души.

И до встречи в следующих номерах. На это дело крепко надеюсь я.

Григорий Аросев

Ефим Ярошевский

* * *

Октябрь смотрит сквозь стекло.
Глаза закатывает лето.
Уж поздно — время истекло.
Туман ложится на предметы.
Заколотил своё душло
сосед мой, дятел оголтелый.
И старый волк идёт на дело.
А в комнате ещё тепло!
Ещё тепло, но стужа века
подстерегает человека.
Гуляет ветер на дворе.
Барсук уснул в своей норе.
Зима подходит к изголовью,
переполняясь свежей кровью.
И сыплет жемчугом в окно,
и дышит музыка — любовью!
Но ветер, но пурга, но стужа
пугают северного мужа.
Тоскует он в родном лесу,
двустволку держит на весу
— и ждёт (а святки — на носу!)

* * *

Там, где зреют термидоры,
где текут сухие реки,
где живут тореадоры
и играют солнцем греки,

там, где реет профиль Данте,
где заря смыкает вежды,

там живут официанты
подающие надежды.

Где сидят чужие люди
от Хуссейна и Саддама,
там несут на спелом блюде
стих поэта Мандельштама...

...

Там, где родины не будет,
позовут на страшный суд,
и, как голову на блюде,
стих к обеду поднесут.

* * *

...Я узнал, наконец, как лечить голубые леса и тушить ночные
пожары

«Анаис-Анаис» нас научит и в бездне искать оправданье жары,
широта Бержерака и узость трофейных штанов,
широка та страна, о которой сказал бы «родная»,
пирамиды ночного Хеопса

и Помпей глубоких колодцев ночные ширь...

Агротехника леса в процессе глубокого тайного пота
затекает в бюджет и нахрапом берёт и нахрапом берёт города,
на холодной звезде

совершается злая тупая работа,
и на нотной бумаге, на закате Европы
допишет свой труд Деррида...

* * *

...Бог его знает, откуда начнётся срастание леса
с гиблым картофелем, будни асфальта — для срама,
топь чернослива и холод ключей от квартиры,
дождь из соломы, растущие дети на вырост,
губомарание в спальне чужой... Ненароком
встретишь Державина в скуфейке и лисьей порфире,

алый кафтан лиценстам на память оставлен.
Решн̄ убогий напишет убийство Ивана,
Бог его знает зачем...
Разворочены улы Прованса,
там, где зарделось вино, проступает румянец на реях,
катится в дымный тоннель золотое кольцо дилижанса.
Все там погрязли в грехах —
кто в пенатах,
кто в гипербореях...

* * *

Через четыре границы,
через кордоны морей
я пробираюсь к столице,
маленький тихий еврей.

Я оккупировал гетто,
проволокку приволок,
выступил в сумерках лето
и побелил потолок.

Тихо в просторной каморке,
свечи спокойно горят.
Чехов, Скиталец и Горький
между собой говорят.

...

Осени лёгкое бремя,
вечер в закатной пыли.
Медленно движется время,
вечность мерцает вдали.

Стансы времени, или Памяти Чехова

Посмертная слава при жизни,
концертный костюм ледяной.
Всем телом прижаться к отчизне
усталой кремлёвской стеной.
Узбек ли кричит на молитве,
калмык ли справляет нужду —
холодное лезвие бритвы
остудит былую вражду.

Кого не признает эпоха,
того не заметит патруль.
Везде одинаково плохо —
на солнце стоять, на ветру ль.

Гремит огнедышащий полдень,
зияет глубокая ночь,
И нет ни тригорских, ни болдин,
и гений не сможет помочь.

Не будет ни мира, ни хлеба,
войну напроорочит спирт.
Горячее смуглое небо
над городом вечным парит.

И брат ополчится на брата,
и нервы натянут струной.
Холодное небо разврата
повиснет над бедной страной.

Молчит потрясённый оракул,
весталки бормочут во сне.
И сотни проснувшихся дракул
накормлены будут вполне.

И наша Россия не наша,
и спят в опустевших гробах
знакомая Чехова Маша
и бедный барон Тузенбах.

Сквозь кружево пауз и реплик
Тригорин уходит в туман,
за пулю хватается Треплев,
Шарлотта стучит в барабан.

...Дымится вдали синагога,
и в холоде страшных равнин
еврей уповает на Бога
и верит в судьбу славянин.

Поклонимся вечной отчизне.
Натянута время — струной!
Концертная слава при жизни,
посмертный костюм ледяной...

* * *

В устах зимы — таинственная нега.
глухая ночь, без сна, без оберега.
С ночных небес
летит лавина снега.
И далеко до юрты, до ночлега...

Ложится день в измученный гербарий,
там дорожает нефти каждый баррель,
там пахнет лесом сонный сеновал,
там Золушка торопится на бал.

...

там дремлет спирт,
там царствует невроз.
Там кризис власти, кардиосклероз.
(Простуда.
Миозит.
Туберкулёз.)

Дмитрий Грицкий

* * *

сто тысяч братьев спали в твоей одежке
сто тысяч сестер хранят твой покой в неотложке
сто тысяч глаз на небе не спят в сторожке
сто тысяч раз приходят и поят с ложки

сто тысяч птиц не знают твоих убежищ
сто тысяч слов я хранил во рту под водой
сто тысяч сестер не знают чем ты их лечишь
но ты их лечишь и бог с тобой

сто тысяч нот сливаются воедино
сто тысяч капель нам по колено
сто тысяч пальцев вода и глина
сто тысяч звуков одновременно

сто тысяч звезд уместается на сетчатке
сто тысяч раз умирать на детской площадке
сто тысяч молекул на коже твой пасутся
кончается реквием все спасутся

* * *

Как случится большая война мы отступим в горы
в рюкзаке давно собраны пожитки на первое время
станем изгнанные даосы на плантациях мандрагоры
иеролифами считать прожилки перебирать коренья

наша страна в основном отдана равнинам,
по балансу морского боя в раненых и убитых
все меньше дорог закручивающихся серпантином
остается карпаты овечий сыр голоса трембиты

так устроена эта местность, что по пролитою крови
из днепра вылетает муз бессчетное поголовье
веют где захотят на первомае пляшут на арматуре
и чем монтировка крепче тем лучше литературе

будем и мы писать зачем тут как не за этим
на пленэре пулевые пустотами в панораме
ягоды собирая в хвое припрятанные грибы
дождь заклиная скрещенными топорами
всяк народный малахий сыщет себе жестяной трубы
разве сдвинется фразировка обыгрываемой пальбы
когда поменяется власть мы не заметим

как со всем искусством войны доиграют в карты
станут горы прозрачны звонки небесные сферы
это томас рифмач принимает нас в пионеры
это прибыли на авалон нет никакого завтра

* * *

Я ли твоей походке была не рада
Птичья ли журавлиная с костылями
Как мы с тобой на плащах Белграда
На площадях прорастали полынью и пустырями

клюквой следами на выходе у террасы
Сколько там было у нас городов и весен
Я потому так часто бывал бесстрастен
Что представлялся героем песен

как мы бродили под небом с запахом милорада
нашего этого как там гуру или гуру
но ни усов ни трубки одни снаряды
тело гимнаста колеблется на ветру

белые ткани протерты но цел наряд
чад ли лампад на нем и испуганно смотрит заяц
лестницы перевиты строит дорийский лад
Стекланный зверинец наперсток надень на палец
Ровно с того же места, где год назад
Выжили, там и продолжится новый танец.

* * *

альяповатая эстетика приморского городка
бросает то в холод то в подобие кипятка
как вода из крана дешевой гостиницы на побережье
откуда никто из нас не выйдет таким как прежде

растения яркие хоть вырви глаз отдай его гойе
дом для повешенных на побережье недорог
к тому же с выходом на терассу в обрыв над морем
с балконом в обрыв над морем с четным количеством коек
береги подбрюшье говори всем что ты курортник

говори что очень красиво и прячь следы иголок
под футболкой если предложат зеленку бинт не бери
про касания жгучие малозаметных медуз
промолчи и что острые горные камни на груз-
ное тело твое не рассчитаны впрочем что хочешь то говори

они только и знают варварское наречье для песен с плачем
в мерную пляску мимо пускаться не стану пока
ты не изведал под корень их они твоего языка
на котором они говорят что мельницы из Ламанчи
руками рвешь по садам мандарины запретный плод
а твое thanks a lot все равно никто не поймет

здесь где все не ладится и мы с тобой пополам
делим прозрачную воду этого рыбного места
как тут ранее боковую по дальним материкам
проводили линию рыбы сейчас не купить сиеста

до 4 без текилы нет смысла скитаться как вечный жид
 в поисках whiskey bar беглецом из гранады
 остается глотать во сне украденные гранаты
 лизать соль на подкладке замирать соляным столбом
 не помогает обдать ни холодом ни кипятком
 из галерей пещер где мог бы остаться жить
 адам выходит во двор и ставит вопрос ребром

среди опереточных пальм и желтых камней высоко в горах
 где остаются одни желания умереть и дойти домой
 насытится хлебом и солью слез и с тем съесть свой страх
 глядя на побережье напрягая слух чтоб различить прибой
 разбираю однако только чайчи крики и свист в ушах
 Буриме

Мне нравится слушать, как сердце твое бьется все чаще,
 но ты помнишь, что Мартин не плачет.
 По новым правилам русского языка мы могли бы быть
 брАчащиеся,
 если бы хоть кто-то взялся нас бр́ачить.

Нам даже не пришлось выяснять, кто кого совратил, и
 да, конечно, все хорошо, да только «не чмо, а мачо» —
 Нам поровну лет, и статьи давно отменили,
 но ты как обычно забыл, не иначе.

Что ж, трахайся с бабами, бухай по-козачьи,
 Просыпаясь с трудом без меня и готовя яшницу сонно.
 Ты можешь еще 20 раз соврать, что я для тебя ничего не значу,
 Но только бог — он живет в деталях, а черт — на моих ладонях.

Я в курсе, считается, что в лирике не принято называть имена —
 без них, дескать, выходит общее, глубжее, удачнее.
 А не пойти бы бухгалтерам на —
 И я подходящей рифмой твое вплету имя, Санча.
 Что ж, сбрасывай шерсть с остриженных лап на пол,
 Скачи, мой солнечный зайчик.
 Играй в свой бесконечный футбол,
 ездь на перманентные матчи.

Молодость — это забавное время: не молодит и не старит.
И кто-то другой учит меня отбивать подачи,
И кто-то другой научит тебя играть на гитаре
На чьей-то чужой даче.

Но нам опять не хватает рук губ слов
Я почти дописал буриме на слова «мой мальчик»
Так просят о чем-то не слишком добрых богов
Выцарапывая слово «хуй» на стене, плача.

Олег Юрьев

Из книги «Обстоятельства времен. Поэма»

Смерть — это вокзал

Смерть — это вокзал, как их строили в начале XX века: с куполом, сплетенным из чутунных лилий. В лилии вставлены мутные стёклушки, еле впускающие солнце. На подкрышных балках сидят, распушась, голуби — как чайные бабы. В заостренных окнах тускнут витражи, с гранитных плиток пола потерялся узор.

Поездов нет, перроны пусты. Пассажиры сидят и лежат в главном зале на скамьях мореного дуба — кто спит (и ему снится вокзал), кто ест из кульков, поднося их близко к лицу, кто читает скомканную газету за прошлый век. Дети топают, но не визжат. Длинные собаки бродят между скамей, двигая поперек хода грудной клеткой. Короткие собаки дрожат на коленях у старушек в беретах. В кассу очередь, но билетов нет и никогда не было. Трансляция неразборчиво говорит на непонятных языках, иногда задыхаясь и пропадая.

Раз или два в вечность подают поезд из желтых, синих и зеленых вагонов с паровозом, выдувающим черный расширяющийся дым из черной расширяющейся трубы. Этот поезд забирает всех.

В мрачном городе Париже

В мрачном городе Париже на веселой реке Сене то и дело подворачивается крошечная старушка с серо-седой, как бы пыльной головкой, с рюкзачком на спине и в мокрых кедах:

— Наташа?

— Quoi?

И ее, в толпе рослых англосаксов с обратным прикусом, затянуло в предбанник музея Орсе.

Но это была она, Горбаневская¹, и она же встречалась потом — то на ходу припрыгивая с задранной головкой между культурными парижанами, говорящими с такими паузами, будто забывают каждое третье слово, то сидя на приступочках у непонятных щелей Севастопольского бульвара с веселыми зябкими неграми...

— Наташа, вы же умерли?!

— Bitte?

Что ж, значит ли это, что мертвые начинают возвращаться? Что в Петербурге скоро начнет встречаться Борис Понизовский² — могучий торс поставлен на самодельную тележку, на каких ездили инвалиды после той войны, в расстегнутом вороте ситцевой супрематической рубахи седые курчавые волосы, яростные глаза смеются?

Вольф³ с блестящей безволосой головой и белой, загнутой кверху бородкой, весь в джинсе и камуфляже (он, впрочем, и во Франкфурте попадаетеся)?

Лена Шварц⁴?

И дедушка, дедушка — хохочущий, отбивающий четку под Аркой Генерального штаба, опирающийся себе лоб, на который не хватает всей его веселой ладони?

А вернусь во Франкфурт, еще в аэропорту встречу (или он встретит меня?) этого сутулого, со слитым на низ брюхом, узкоглазого, щекастого, в серой кепке, с пегой бородашкой — себя?

---

¹ Н. Е. Горбаневская (1936 — 2013), поэтесса, переводчица, с 1975 года жила в Париже.

² Б. Ю. Понизовский (1930 — 1995), театральный теоретик, режиссер, философ, один из самых выдающихся людей неофициальной культуры Ленинграда конца 50-х — начала 90-х годов.

³ С. Е. Вольф (1935 — 2005), поэт, детский писатель.

⁴ Е. А. Шварц (1948 — 2010), поэтесса.

О языках

Есть языки, для говорения на которых требуется набрать полный рот камушков (например, древнегреческий) или каши (например, американский английский).

Есть языки, где для правильного произношения наиболее благоприятен обратный прикус. Например, швейцарский немецкий или шотландский английский. Может быть, дело в горах?

Есть языки, на которых надо уметь свистать и щелкать, как птичка, — если тебе повезло родиться готтентотом или венгром.

А есть языки, которые давно уже вымерли, и говорят на них просто по необщей известности этого обстоятельства, заполняя всё увеличивающиеся речевые лакуны бессмысленными комбинациями звуков — таков русский.

О городах

Города бывают трех видов:

- вовсе без метро;
- с одной станцией;
- все прочие.

Лично я предпочитаю города второго типа, каким была, к примеру, Лебединь-на-Дону, пока, после смерти метростроителя Л. В. Мулярчика в 2012 году, городские власти не засыпали его приватный метрополитен. А как хорошо бы было и славно съехать по эскалатору на сверкающий шлифованным гранитом перрон, присесть на мраморную скамеечку под хрустальной люстрой, положить бороду на золоченый набалдашник трости, подождать поезда... И, убедившись, что и сегодня он не придет, вернуться наверх...

Может быть, поезд все же пришел бы и нас увез... Не знаю, куда... Ну, вот и узнали бы.

О Петербурге. Сентябрь 2008

Ходили лечить зубы в БДТ. На вахте вывешен плакат по гражданской обороне. *В случае наводнения рекомендуется перевести скот на возвышенное место.* Непроизвольно оглянулись на Фонтанку.

В кондитерской «Метрополь»: *пирожное слоеное с капустой* — 28 руб.

Сеть столовых «Теремок»: официантки и кассирши, все как одна смуглые красавицы с табличками «Фатима», «Гульнара» и т. п. на лацканах форменных пиджачков, обращаются к посетителям исключительно «сударь», «сударыня», «благоволите получить сдачу» и пр.

Подсветка: улицы в центре состоят из светящихся скелетов зданий. Раньше таким было только Адмиралтейство, я даже писал об этом стихами («Скелет светящийся Адмиралтейства...» и т. д.), а теперь почти всё и везде.

Никогда еще город не был таким светлым и легким. Кажется, сейчас полетит — и нет его, а на его месте чистое поле, сплошной воздухоплавательный парк.

Из города Бродского он становится — или почти уже стал! — городом Аронзона.

Счастье было видеть его таким.

В этом июне. Франкфурт

Липы за окном беззвучно перемещают свои кривизны. Окно откроешь, зашумят — зашуршат, задышат, задуют.

Выйдешь на улицу, пойдешь, шатаясь, под липами, в их пристально-сладостном запахе, под их набегающим и стихающим шумом, — и вдруг невидимая бузина — такая мучительно-неблаговонная, что почти уже тоже сладостная.

Падубы сверкают шипами.

Кипарисы неподвижно наклоняют прессованную зеленую вермишель.

Гинкго терпеливо ждут темноты и осени, чтобы засветиться двойными листьями в фонарных колоколах — светлее всех, золотее всех. А неблагоприятие их раздавленных на тротуаре ягод перекроет тогда всю сладость жизни.

Навстречу беременная: огромным животом толкает пустую коляску — вероятно, собирается туда родить.

В этом июле. Франкфурт

В этом июле девушки похожи на волейболисток — в полуголых майках навывпуск и тугих трусах под самый срам. Их толстые кроткие ноги шлепают вьетнамками по затемненным лужам, где отражается черно-белое небо в косых облаках и темных, шипастых шпичах.

Златовласые мускулистые женщины пахнут, пробегая мимо, как ходячие липы. Их шелковые штанины шагают, внутри штанин шагают шелковые ноги.

Одна, с левреткой, изгибающейся на поводке одновременно во все стороны, подняла милые круглые глаза, нежно припухшие и сверху, и снизу, — в них светилось понимание того, что прохожие восхищаются не ею, а левреткой.

В этом июле из котельной трубы пышно подымается белый пар — не разглядеть: в форме статуи Свободы или в форме Родины-Матери. Потому что он непрерывно поворачивается вокруг своей оси, а головой теряется в облаках.

В жестяных коробочках спят маленькие ступенчатые автомобили, радуясь темноте и прохладе. Сквозь сон они думают о родственной темноте и прохладе церквей. Орган, думают они, это велосипед, который никуда не едет, а играет фути Баха.

В этом июле по аллеям ходит смерть в дымчатых очках и приценивается. Кролики дрожат, прижимая уши к спине.

Предложения по спасению Венеции

Во-первых:

воспретить местным жителям сильно топтать ногами, подпрыгивать (со скакалками и без), а также бросаться со всего маху в супружеские постели, особенно вдвоем, втроем и т. д. Личностей весом свыше 90 кг выселять за черту города, для чего раз в год производить поголовное взвешивание. Туристов на сушу вообще не выпускать — пусть плавают.

Потому что Венеция тонет и всякая дополнительная нагрузка опускает ее еще на несколько микронов. Микроны складываются в миллиметры, миллиметры в сантиметры, ну и так далее, и вот уже одна только верхушка собора св. Марка торчит из зеленой воды, а на кресте голубь чешет клювом подмышку — как на водохранилищах Волгобалта.

...Да, вывезти из музеев и палаццо картины в тяжелых рамах и мраморные статуи святых, богов и героев.

Автомашины, автобусы, танки, мотоциклы — не смешите меня! Чтобы и духу их не было!

Во-вторых:

прикрепить ко всем крышам воздушные шары, наполненные гелием. Они поднимут город из пучины морей (внимание: если шариков будет слишком много, Венеция улетит из юрисдикции итальянского государства, что, вероятно, и неплохо).

Автора настоящих предложений в награду похоронить между Бродским и Эзрой Паундом с надписью по-русски, итальянски и немецки: *Спасителю от Спасенной!*

Об Иерусалиме. Всегда

Иерусалим находится в раковине. Днем она замкнута — с исподу верхней створки слепяще сияет и тонко переливается синевато-серебряный перламутр. Еще в эту створку золотым шариком отливаеся сердце Иерусалима, извилисто ходящее по нижней створке с одного конца раковины до другого.

Нижняя створка захлавлена холмами — то ли это халва ломом, то ли высохшие мускулы доисторического моллюска. На холмах стоят построенные из мацы дома. Между холмов едет трамвай (возможно, к его крыше прикреплено сердце Иерусалима), за его стеклами беззвучно перемещаются кривизны холмов и небес, и мелкими серо-серебрянными листьями дрожат оливы — им зябко.

Ночью раковина размыкается, туда врывается тьма вечной ночи. Лишь поблескивают там и сям сгустки жемчужного света — влажнеющие мускулы моллюска.

Тампере. Октябрь 2014. Зашли в церковь св. Иоанна, Бога не было,

не было и людей — совершенная пустота. Обошли скамьи, попытались подняться на хоры, чтобы лучше рассмотреть фреску Гуго Симберга «Раненый ангел», но были остановлены объявлением на пяти языках, в том числе и по-русски: *Балкон закрыт*. Несомненное дело, все пасторы, служки, председатель совета мирян, курдская нищая, стоящая на коленях у входа, протягивая прохожим вязаный носок, и Господь Бог отправились, оставив двери нараспашку, в ближайшую кебабную на корпоративный ланч. Мы вышли, прикнутив к дверной притолоке записку на трех языках (по-фински и шведски мы не можем): «Бога искать у Али, налево и прямо, второй квартал».

Березы осыпались, будто не смея желтеть, и стояли, как частично выколоченные веники. Зато клены приоделись в наилучший северный багрец. Мы обошли церковь снаружи и снова вошли сквозь круглые ворота и острые двери — никто еще не вернулся.

Каринтия. Ноябрь 2014. В церкви деревни Мария-Заль

отпечаток чертова копыта на полу (догоняя местного Фауста, сатана заскочил одной ногой за церковный порог и обжегся; копыто небольшое). Здесь же фреска художника Герберта Бёкля «Спасение (*Иисусом Христом*) апостола Петра из вод Генисаретского озера»: у Петра лицо Ленина. Сорок лет висела завешенная, недавно занавеску сняли, в стене видны следы гвоздей.

Бога и здесь нет, то ли время опять оказалось обеденное, то ли В. И. Ленина испугался.

Низкие горы, круглые, озолочённые. За левыми горами Словения, за правыми Италия. Долину залил сиящий туман.

Похоже на замерзшее водохранилище, откуда торчат верхушки деревьев, кресты церквей, кривые черные всхолмия — как в Рыбинском, когда уровень воды падает.

А в остальном все, как везде: барышни заплетают ногу за ногу, изгибаются спинами и стыдливо хохочут; старушки, дергая носами, жуют пирожные и рассказывают друг другу, кто еще умер; на мясной лавке во всю витрину фотография пасущихся коров, одна говорит в пузыре: «Му-у, наше мясо...», а другая подхватывает: «...сделает вас сексуальнее!»

Туда и обратно — стюардессы Австрийских авиалиний во всем красном, включая чулочки и туфельки, — как кардиналы. Остервенело распространяют по самолету запах клубники.

Scholastica peterburgensia

Только петербуржцы точно знают, сколько ангелов умещается на острие иглы — один.

Рыбы-канарейки и несгораемые уши

В парикмахерской — толстогубые рыбы злато-алого пера. Тех рыб я знаю: в китайском ресторане, тихо сгнувшем по соседству, они обозначали собою размер дани триадам. Теперь не обозначают, зато поют. Прижимаются шевелящимися толстыми губами к аквариумному стеклу — и поют, как птицы.

Временно онемев, мычу и тычу пробегающему мимо турецкому Фигаро. Сей тычет в ответ чуть выше: если привстать, на аквариуме клетка с канарейками. Канареек со стула не видно, они приткнулись поближе к стенке — и поют.

Отворачиваюсь, разочарованный, и наблюдаю за действиями мужского мастера: длинношеей горелкой, испускающей узкое синее пламя, он обмахивает уши клиента.

А не больно ему, спрашиваю, садясь. — Нет, конечно, — смеется. — Но зачем? — Как, а волосы в ушах? — спрашивает и загадочно добавляет: У нас, у турок, везде волосы...

И поет.

Мраморный гость

Город N. в федеральной земле NN. (семь тысяч жителей, лесопилка, начальная школа, сберкасса, протестантская церковь, три пиццерии, десять киосков с жареными сардельками) придумал хитрую литературную премию — *для покойных писателей*.

На заседании жюри обер-бургомистр г-н N. (ХДС) и заведомом культуры, спорта и образования г-жа д-р N.-N. (СвДП) долго и горячо спорили: Сервантес или Данте. Присудили, конечно, Шиллеру. Пресс-релиз обещал лауреату один миллион евро (*а почему не десять*, ядовито спросил пастор, тоже член жюри), если он собственной персоной явится на церемонию вручения.

Через месяц в ратуше собрались все видные граждане города N. и даже парочка журналистов из земельной столицы. Обербургомистр зачитал решение жюри и вызвал лауреата.

Три раза глухо грохнуло в дверь. Дверь медленно отворилась и на пороге появился мраморный Шиллер с Шиллеровской площади. Правую руку он протягивал за деньгами, на левой, согнутой углом, лежал, как у офицера фуражка, его собственный череп (как известно, несколько лет назад выкопанный из случайной могилы, но это другая история).

Зазвучала музыка из предпоследней сцены «Дона Джованни».

И снова о птицах

Чайки летят, их тени плывут, подпрыгивая. Чайки — птицы, их тени — рыбы.

Чайки едят свою тень.

То та, то другая пикирует и впирается на солнечно-синей водице, где ее тень. Тень уходит вниз, чайка за ней, но вскоре, тряся подштанниками, вылетает из реки. С клюва, подмышек и пальцев ног падают крупные капли невской воды, крови теней с солнечным волосом в каждой капле.

Полукругом поднимается, а к ней выплывает новая рыба-тень: в Неве их без счета.

Вот поэтому чайки (и поэты) никогда не переведутся в тех краях — они питаются собственной тенью.

О языках животного мира

Как родство народов определяется не генетикой, а лингвистикой, так и животных следует сближать по сходству языков, а не по таблицам зоологов.

Например, утки крикают, а свиньи хрюкают — очень похоже. Следовательно, утки со свиньями родственники, а с гусями только знакомые.

Волк воет и вышь воет, поэтому они относятся к одной семье.

Если считать, что рыбы молчат, а деревья тоже молчат, то не означает ли это, что деревья — рыбы или что рыбы — деревья?

Но рыбы не молчат, да и деревья тоже.

Например...

...чего я уже никогда не увижу:

например, игры *в расчесочку* (на тыл ладони ладоня кладется гребешок, контрагент же торопится его приподнять и стукнуть похлестче, а ты же норовишь убрать руку, чтобы он промахнулся — тогда его очередь положить расческу себе на кулак).

...чего никогда уже не учую:

например, запаха *дымовухи* (ту же расчесочку или пластмассовую линейку поджечь и вбросить в туалет, а то и вдвинуть под дверь в класс, если школа уж совсем отчаянная).

...чего уже не услышу:

например, скрипа собственных маленьких валенок по свежему снегу (белая тьма русской зимы, деревянные трамваи, тускло светясь изнутри, подъезжают к остановке; я с санками мимо).

...чего не выпью:

например, портвейна «Кавказ», или *трех семерок*, или *тридцать третьего* (хотя... если взять коньячного спирту и пополам развести его пепси-колой, то получится примерно то же самое).

Но этого ничего давным-давно не жалко. Да и другого ничего.

Райский садик

Все, кто умерли, — Володя, Борис, Витя, Сережа, и Аня, и Лена — все они теперь там, в райском садике со знаменитой картинки, быть может, самой лучшей картинки на свете.

Сидят, лежат, околачивают в корзину маленькие красные яблоки, щиплют гусли, листают «Графа Монте-Кристо» у шестиугольного каменного стола, ложкой на цепочке черпают черную крупитчатую воду из колодезя белого иерусалимского камня, и спрашивают друг друга, когда я приду.

Не бойтесь, мои дорогие, я буду скоро.

У вас нет времени, чтобы определить это «скоро». Его нет и у меня.

Скоро раскроются невидимые сейчас воротца во фронтальной стене белого иерусалимского камня, от которой левая стеночка не то вперед идет, замыкая садик в некий блаженный тюремный дворик, не то назад, и тогда это открытое место под стеной небесного Иерусалима и вы просто вышли на пикник.

Вы столпитесь у входа? выхода? — то ли в райской тесноте, то ли на райском просторе — и зашумите, когда я, растерянный, появлюсь на пороге: «Буратино! Буратино!..» — шучу, шучу, «Алик!» — вы закричите, — «здравствуй, Алик!» Шучу снова — когда ворота раскроются, сделается тьма, и блеск звезд, и шепот воды, и не будет ни вас, ни меня, и ни садика. **¶**

Екатерина Садур

Осколки Берлина

Париж и Берлин — два исконно русских города.

Я не говорю о городах, как о физическом воплощении географии — местах, пространство которых чётко очерчено своей особой кипящей жизнью и которые создают свою особую реальность; я говорю о неких метафизических городах, куда стекаются все узкие дороги, а вытекают в ответ целые пути; о двух мифах, корнями проросших в русскую культуру, о мифе Парижа, и мифе Берлина...

* * *

Год и город начинаются с зимы.

А мы приехали в Берлин в конце лета, в августе... Стояла жара...

И поскольку почти все вокруг нас говорили по-русски, то особой разницы между увядающим летом Москвы и бурно цветущим летом Пренцлауэрберга¹ я не ощутила. Мы как бы попали в фильм, переведённый на русский. Разница была лишь в скорости переживаний и чувств, и в изображении. Изображение было цветным, но не яростных цветов, а приглушённых: серая стена дома на Шведтер штрассе, в голубоватых и стальных всполохах неба, преломившихся в оконных стёклах, сквозь которые видны глубины комнат, распахнутые двери в череду соседних пространств и изгибы коридоров, и люди, сидящие вокруг столов под плетёными абажурами, так, что резные тени падают на их лица, делая их невыразимо прекрасными. О чём они говорят? Что чувствуют? Мы не слышим... Мы просто проходим мимо... На первых этажах в Берлине почти никогда нет штор, но люди первых этажей, свободно передвигаясь по

---

¹ *Prenzlauer Berg*, район на востоке Берлина.

сквозным комнатам и жизням, уже давно научились ускользать от чужих взглядов... Вот кто-то подходит к окнам и распахивает их в вечернюю жару, и вырываются обрывки разговоров: «...Там принесли ещё вина...» — «...Красного?» — «...А как ты хотела? Пришли ещё трое и с ними — певица...» — «Та французенка?» — «...Нет, другая... Из русских... Они — проездом...» Потом двое — девушка и молодой мужчина — садятся на подоконник, перекинув ноги из окна на улицу, и курят одну сигарету на двоих... И оба — босиком...

Почему-то я понимаю все эти осколки немецкой речи, но пока не могу сложить их в мозаику города. Пока она рассыпается.

Ещё ниже, в полуподвале, находится маленький бар, из которого каждое утро хозяин выносит на улицу три круглых столика и скамейки с цветными подушками. На круглых столиках — круглые кружки из-под пива, в одной из кружек — вода и тугой букетик астр на укороченных стеблях. Два клерка в красивых костюмах и белых рубашках, из-под воротничков которых только что, змеясь и извиваясь, выскользнули галстуки, сидят друг против друга, но их речь я понимаю с трудом, да она почти и не долетает до меня. Один из них собирается в Непал, другой жалуется, что Фридрихштрассе перерыли так, что не проехать даже на велосипеде. И здесь же, у входа в бар, пристёгнутые на замок, длинной вереницей стоят велосипеды. Только что два этих клерка, приклеив неподвижные улыбки, расторопно обслуживали посетителей в Шпаркассе², а сейчас вот ожили под вечер и засобирались в Непал. Почему-то вспомнился «Путеводитель по Берлину» Набокова, когда двое точно так же, на углу, в пивной, говорят, что Берлин перерыт и повсюду видны трубы, обсуждают трамваи и конку. Конка исчезла с улиц, превратившись в разрисованные сиденья Рождественской карусели, а трамваи и трубы — городские сосуды крови и воды, так и остались навсегда... Сгущаются летние сумерки, на столиках красновато и робко тлеют свечи... Кто-то смеётся в распахнутом высоком окне, коротко пропела певица. Она ведь проездом, совсем ненадолго...

---

² Немецкий банк, в дословном переводе — «Сберегательная касса».

Потом я вижу, как оба клерка в своих строгих костюмах усаживаются на велосипеды, зажимают багажником кожаные портфельчики, раздутые от банковских бумаг, и едут в летнюю ночь, легко прокручивая педали. По Капшанинеллее проходят ночные трамваи — два сцепленных вагона, освещённых изнутри... Пустых вагонов... Иногда у окна сидит пассажир — сутулый старик в очках, читающий газету, выходит на остановке, на несколько мгновений задерживается в свете фонаря, чтобы дочитать страницу, но только одну, а не все подряд, и, шагнув в темноту, исчезает в подьезде дома... И вдруг на улице — островок французской речи — какая-то небрежно-нарядная молодёжь перемещается из одного бара в другой, из одного дома — в соседний... Поравнявшись со мной, говорят громко, но далеко от себя свою речь не отпускают... Из обрывков речи тут же складывается какая-то картинка, в которой — река, мост и ослепительный день, и я тут же вспоминаю одну из короткометражек Годара. Сейчас, спустя столько времени, я не могу понять — видела ли я её или мне её рассказали... Девушка в чёрно-белом мире раннего Годара пишет два любовных письма двум своим возлюбленным и, конечно же, путает конверты. Письмо, полное нежности и укоров, ревности и невысказанной любви, адресованное одному, кладёт в конверт с именем другого... И лёгкое, с печалью и остроумием, с невидимой и недоказуемой ловушкой в каждом слове, такое вот лёгкое письмецо, но с чужим-пречужим именем кладёт — в чужой конверт... Естественно, они прочли... Естественно, скандал... Естественно, она — в слёзы, и никому ничего не может объяснить! Не удаётся ей ловко вывернуться, солгать, чтобы поверили... Оба возлюбленных в бешенстве, и оба рвут с ней... Она остаётся одна и идёт по мосту... И вы не должны ни на секунду забывать, что это — Франция, Париж, что это — только что поднявшаяся новая волна, и что, скорее всего, у девушки — полосатое платье с подкладными юбками и короткая, мальчишковая стрижка... Девушка останавливается на середине моста и смотрит на воду, перегнувшись через перила. Преломившись о поверхность, блики солнца слепят глаза светом и теплом. Вода плещется. Ей радостно. Она смеётся... И ей ничего, совсем ничего не надо...

И, конечно же, я на всю жизнь — эта самая девушка, перегнувшаяся через перила моста, чтобы лучше разглядеть блики солнечных лунок на чёрной или стальной поверхности.

Август в Берлине пылает зноем. Август прощально красив. Каждый район Берлина — это остров в мареве августа со своим законом и выражением улиц. Но перед августом все равны. Все спешат уголиться негой уходящего лета... Так радуйтесь же, жители Веддинга и отдалённого района Марцан, радуйтесь и вы, холодноватые обитатели Ваннзее³, с лёгким недоумением приподнимающие брови, когда вдоль стен или чугунных оград ваших особняков югендстиля плывёт иностранная речь, и кто-то из туристов вдруг остановится, запрокинув голову, чтобы разглядеть мозаику на самом верхнем, обычно третьем этаже, радуйтесь и вы, польские гастарбайтеры с красивыми именами — Бенедикт или Бартоломей, вечно мёрзнущие в вечерних сумерках зимы на Потсдамерплац, а в жару небрежно щеголяющие в цветных уценённых майках «Бенеттон», прибывших в Берлин из Китая, и вы, китайские официанты и повара из маленьких изящных ресторанчиков Пренцлауэрберга, вы вынесли на улицы раскладные столики под матерчатые навесы, а на спинки стульев повесили красные пледы, потому что разве же можно верить переменчивому теплу, когда вот-вот наступит осень? В сумерках — вы зажигаете свечи на столах, даже если моросит дождь. Вы ставите хризантемы или короткие астры в стеклянные розоватые стаканы... И немцы сидят на стульях и скамейках, и громко пьют пиво, глядя как вы почти незаметно и грациозно, как в полупрозрачном призрачном балете, снуёте между столиками с раскалёнными сковородками, на которых в синеватом дыму кальмары и осьминоги свили щупальца в кольца; или просто проходите с круглыми подносами, на которых в литровых и полулитровых кружках пенится пиво. Так радуйтесь же последнему уходящему зною...

Короче, прихожу в Шпаркассе снять карманные деньги. «Наличку», как называют их местные эмигранты или ещё хуже —

---

³ Районы Берлина. Веддинг (*Wedding*) и Марцан (*Marzahn*) — на востоке, Ваннзее (*Wannsee*) — на западе. В 1920-х годах в одном из пансионатов Марцана жил Виктор Шкловский.

«баргельд», мешая русские и немецкие слова, неуклюже лепя из мусора и глины варварское своё наречие на обломках империи. На месте двух весёлых клерков сидит печальная немецкая фрау в удобно вытянутом трикотажном костюме с металлической табличкой на груди — «Ульрика Бок». Я объясняю Ульрике Бок, что у меня проблемы с картой. Приклеив улыбку на лицо, она смотрит мой счёт и любезно выдаёт наличные, и замирает с приклеенной улыбкой, глядя на меня. Но я не ухожу. Тогда она громко прощается по-немецки. Но я снова не ухожу. Пытаюсь приклеить такую же улыбку и вспомнить, как зовут хотя бы одного из клерков. «Скажите, фрау Бок, — наконец, говорю я. — Уехал ли тот весёлый парень с велосипедом в Непал? Кажется — Андреас?» Фрау Бок становится жарко. Она краснеет и почему-то кричит: «Здесь никогда не было весёлых парней! И никакого Андреаса, никогда! И я совсем не понимаю ваш немецкий! И вообще — вас воллен зи дох гляйх?»⁴ А я ничего не хочу ни *gleich*, ни после... Я просто выхожу на улицу. Сейчас вот-вот настанет осень, но у тебя, Ульрика Бок, есть утеплённый трикотажный костюм с большими пузырями на коленках, ты хорошо подготовлена к зиме, у тебя есть большая лыжная шапка с распродаж на случай совсем уж холодов. Ты ходишь в банк и смотришь телевизор. Ты покупаешь в «Нетто»⁵ свинину, картошку и морковь, делаешь себе рагу по вечерам, и, в общем-то, ты очень довольна своей жизнью, она вполне неплохо удалась! Но ты печальная, Ульрика. У тебя золотые волосы, как на картинах старинных мастеров. Ты была девочкой и заплетала их в две косички, у тебя был велосипед и маленькая звонкая собачка. Вы жили в ГДР и летом ездили на остров Узедом, а по выходным на берег Вайсензее⁶. Это же здесь совсем рядом. Но ты печальная, Ульрика, ты никогда не будешь в Непале, и никогда два весёлых клерка, один из которых, кажется, Андреас, не позовут тебя с собой в пивнушку «Август Фенглер» на Папшель аллее или в «Беззи» на Зенефельдерплатц, а только скажут, приклеив к лицам такие же улыбки из Шпаркассы:

⁴ Was wollen Sie doch gleich? (нем.) — Что вы всё же сейчас хотите?

⁵ Сеть универсамов.

⁶ Weißer See, в дословном переводе «Белое озеро», озеро на востоке Берлина.

«Хорошего вам вечера, фрау Бок!», и ты вдруг поймёшь коротко и мгновенно, что юность и детство прошли так же быстро, как берлинское лето. Зачем ты так громко кричишь на весь банк по-немецки?

И, собственно, о лете я всё время забываю сказать, что этот город просто так его не отпускает. Удерживает в плену весь сентябрь и даже первую неделю октября, а дальше счёт идёт на дни — кто кого. Берлин ли в своём имперском великолепии или осень и холода?

* * *

И вот у нас, в Берлине, уже глубинная осень, и я веду дневник, точнее, не дневник, а тетрадь — если коротко охарактеризовать все мои записи за последнее время, то это будет «курс начинающего эмигранта». И поскольку мы — и в этом есть своя суетливая прелесть! — постоянно живём на съёмных квартирах, то я старательно отмечаю в тетради — где, в каком районе, улице, доме, этаже и квартире лежат пакеты с красками — акрилом и акварелью «Чёрная речка», привезённой ещё из Москвы, или стопки книг, «Гамлет» со штампом школьной библиотеки, и почему-то «Гантенбайн» Макса Фриша, и почему-то «Серапионовы братья» Гофмана, и что-то ещё, чего я уже не помню, нужно подробно листать тетрадь! И два чемодана с летними платьями... Всё равно в них уже холодно ходить. Словом, мы разбросали свои вещи по всему Берлину, и, сквозь надвигающиеся ранние сумерки и сгустившиеся холода, ждём настоящей зимы с хлопьями свежего снега, сияния Рождества и неуловимого счастья. На Александрплац раскинулся рождественский базар: деревянные прилавки с огненными жаровнями, на которых разложены каштаны... И почему-то все продавцы каштанов здесь — французы... Тут канун их католического Рождества. И прямо на улице продаются глинтвейн и горячий пунш, и чай на травах... И очень вкусная еда: кусочки рыбы, овощи и их бургерские сосиски, закрученные спиралькой... Раскалённые, польхают жаровни. И тут же — карусели и колёса обозрения... А карусели, совсем старинные,

с лошадаками с заплетёнными гривами и каретами, как из «Мэри Поппинс». Наверное, лет через сто на Рождественскую карусель поставят пару трамвайных вагончиков и лёгкие велосипеды клерков, укотившихся из Шпаркассе напрямик в Непал... И ещё — перекидные деревянные качели... И тут не только детишки, а взрослые, большие, немецкие фрау в широких вязаных шапках и штанах на подкладке катаются, кружатся, самозабвенно хохоча и краснея от лёгкого коварного морозца... И здесь же, на верху одной из деревянных палаток, медленно разворачивается по кругу вертеп с фигурами Иосифа, Марии и младенца Христа в человеческий рост. А если пронзительный ветер — ведь всё же осень, ведь всё же последние дни ноября! — то, короткая, наступает пауза, мгновение тишины, в котором нежно, едва различимо раздаётся музыка от вращения деревянных фигур святого семейства и тихий звон стеклянных игрушек, развешенных в ёлочных лавках на продажу...

Небо в ноябре низкое, но не давит, а только хмурится, как будто бы плохо выспалось. Скоро его расцветят огни праздничных петард и фейерверков. А пока оно тяжело вздыхает, нависая... В ноябре из Пренцлауэрберга нам пришлось пересечь в Марцан, в глубинные недра ГДР. Спальный район, но, однако, с рощицами, парками и палисадниками, в котором унылые серые многоэтажки раскрашены в сине-жёлто-розово-зелёные цвета... С типовыми лавочками у типовых подъездов, на которых поздними вечерами собирается местная молодёжь... Я всегда торопливо прохожу мимо, не глядя ни на кого, — да их лица практически не различимы в темноте, только на мгновения подсвечиваются розоватым, тлеющим огнём сигарет, и — русская речь вперемежку с немецкими словами: «За эту куртку мы отдали целых шестьдесят ойро, а если бы подождали чуть-чуть, то пошли бы распродажи, и мы купили бы её по ангеботу⁷...» И вот, пройдя ряд сине-зелёных домов, в темноте ставших фиолетовыми, у входа в подъезд, который весь ноябрь, мы называли «нашим», различаю двух каменных ангелов в зарослях палисада, и сразу же — вспышка в уме: «Вим Вендерс», и сразу же с неба срываются мокрые хлопья снега, и от их белизны становится

---

⁷ Здесь: скидка (нем.)

чуть светлее. На ступенях подъезда курят две женщины средних лет. Одна из них — хозяйка «нашей» квартиры. «Здравствуйте, — говорит она и тут же указывает на соседку. — Вот она — моя подруга... Её Леной звать... — Лена молча кивает. — Мы тут просто на дачу ехали... Вот, купили... — и показывает на ангелов, уже облепленных снегом... — Купили на распродаже, по ангеботу, конечно же... А поехали сами, без мужа, без машины... Тащить тяжело, вот и решили к вам завезти, а заодно и почту посмотреть... — Хозяйка квартиры внимательно смотрит на меня. — Я рано утром их заберу, можно?» — «Можно, Надя...» — «Поставлю у вас в прихожей, чтобы не мешали, и рано утром заберу... Вы даже не услышите, вы спать будете... Можно?» — «Можно, Надя!» Подруга Лена молчит, курит... Надя каждый раз говорит, длинно растягивая слова на конце, как будто бы плачет. Я не знаю, откуда она — каждый раз забываю спросить. Надя в Германии уже семнадцать лет и у неё до сих пор нет постоянного вида на жительство. Она работала и на стройке, и в детском саду, и ночной санитаркой, и грузчиком на почте, а ей всё не дают и не дают постоянного вида, а только каждый раз продлевают ещё на один год... А она всё забывает спросить, когда же ей дадут постоянный вид на жительство... Каждый год забывает спросить... У Нади уже четверо детей, она немного научилась немецкому, когда работала ночной санитаркой... «Вы поможете нам их поднять? — спрашивает Надя, указывая на ангелов. — А то они тяжёлые... Мы сами не донесём...»

Надя выкидывает окурок, он мгновенно просыпается в полёте дождём красных искр, и поднимает за голову каменного ангела, а мне достаются его ноги, и мы входим в подъезд, слегка согнувшись от тяжести... Лена одна, молча, берёт второго ангела на руки, так обычно носят маленьких детей, и неторопливо идёт за нами по ступеням вверх, на пятый этаж. Лифт не работает с утра. «Давайте остановимся, — просит Надя, жалостливо растягивая слова, и замирает на площадке третьего этажа и разжимает руки, так быстро, что я едва успеваю удержать её ангела от падения. — Эх, покурить бы...» — «Нельзя!» — вдруг в первый раз подаёт голос Лена. Она чисто и ясно произносит слова, и даже как-то прохладно... Как в Питере... Или как когда-

то давно, в моём детстве, в Новосибирске... «Я очень много читала», — говорит Лена, когда мы входим в квартиру. «Да ладно тебе», — перебивает Надя. «Я очень много знаю про Берлин, — продолжает Лена. — И вот недавно прочитала про Марцан...» — «Да ладно тебе, — снова вступает Надя. — Нормальный дорогой район... И наших тут — зашибись, как много... И совсем он не далеко. Взял S-Bahn нах Потсдам⁸ и через сорок минут уже выходишь на Алексе⁹...» — «Здесь, в Марцане, был концлагерь в тридцать шестом году... — Надя шумно вздыхает... — Во время летней Олимпиады... Сюда свозили цыган со всего Берлина и всех нищих под предлогом того, что чистят город от попрошайек... Лагерь находился между сточными канавами и кладбищем, его обнесли колючей проволокой... — Надя грустит, качает головой, волосами попадает по каменному лицу ангела, сбивая снег из-под подглазий и с крыльев носа... — А нищих... Знаете, как они с нищими поступали?.. — продолжает Лена. — Они прямо у церкви хватали их с паперти и отвозили сюда...» — «Нам пора», — говорит Надя, и они уходят. И с утра никто из них не пришёл забрать каменных ангелов из прихожей, и снег растаял разводами на их бесстрастных лицах.

Ранним утром по опавшей листве палисада, по вытоптанным дорожкам, меж разноцветных многоэтажек я шла к метро. Влажный, ватный, висел туман над Марцаном, и сквозь него приходилось почти плыть... Мальчишка с девчонкой обогнали меня на велосипедах. Из-под колёс разлетались листья и брызги: «Паоль, Паоль, — кричала девчонка. Изо рта валил пар. Лицо покраснелось. — Мы проспали школу!» — «Так давай вообще туда не поедем, Габи!» — смеялся Паоль в ответ, и так же валил пар изо рта, и краснело лицо. И я удивилась: почему-то я снова без труда поняла их немецкий.

И дальше — туман, как занавес... И дальше всю дорогу до метро в такт шагам: «Все те, кто сейчас читает эти строки, расскажите мне, как живёт человек по имени Вим Вендерс? Как и когда он просыпается по утрам — поздно ли, или наоборот в предрассветных сумерках, пьёт ли он кофе и разбавляет ли

---

⁸ Городская электричка до Потсдама (нем.)

⁹ Александрплац

его молоком, подходит ли к окну, смотрит ли вниз, на тихо опадающие деревья, ездит ли на велосипеде, колёса которого утопают в палой, разноцветной листве... И тихо дребезжит звонок на руле, если на дороге рытвина под листвой или кочка... Как он вдыхает прелый и влажный запах берлинской осени, тоскует ли по небу, с которого сошли ангелы и потерялись навсегда среди людей, заложив золотые доспехи по бессрочным ломбардам... Где он сейчас, печальный человек по имени Вим Вендерс? Как он сейчас, в эту томительную осень? Пожалуйста, расскажите мне!!!»

И ровно через сорок минут я выходила из стеклянного вокзала Александрплац на площадь. Рождественский базар уже вовсю кипел: кружились карусели, горели жаровни, тихо позвякивали стеклянные игрушки на ветру, и с верхнего диска карусели смотрело, завершая круг, Святое семейство. Туман рассеялся...

* * *

В следующем месяце мы снова вернулись в Пренцлауэр-берг и уже остались надолго, на этот раз — в районе Розенталерплац, среди карнавальных кофеев и маленьких магазинов красивых, но бесполезных предметов. Мы оказались в маленькой квартире из двух комнат и двух этажей, очень красивой и очень неудобной, со старинной мебелью ар-деко и маленьким белым расстроенным пианино, на котором нельзя было сыграть концерт, но можно было подыграть певцу... Лучшему баритону России, приехавшему с концертом ровно на два дня и случайно оказавшемуся у нас... Его привёл русский поэт, уже много лет подряд живущий в Берлине, который одновременно оказался и пианистом... И вот среди немецкой ночи в упорядоченном, добропорядочном, с очень тонкими стенами доме по-старинному заливался баритон: «Колокольчики мои, цветики степные, не корите вы меня, нежно-голубые...» И никто из соседей разгневанно не постучал в батарею или в потолок, никто не позвонил в дверь и не вызвал полицию. Добропорядочный дом ахнул и замер до утра... Под утро баритон — глаза — пронзительно-синие, чёрные блестящие волосы — пригубив водки

с кайенским перцем, чтобы не застудить бесценные связки, сказал: «Устал я петь романсы... Я бы другое спел...» — «А что?» — «Да я же много лет подряд был прихожанином храма Малое Вознесение, что на Большой Никитской, как раз напротив консерватории...» — «И мы... — вырвалось у меня. — Там леса сейчас... Там сейчас стены расписывают...» — «Да расписали уже, — засмеялся баритон. — Вы просто давно в России не были... Я вам лучше Чеснокова спою «Иже Херувимы», на прощание... Чтобы вы наверняка меня запомнили...» И запел: «Иже Херувимы тайно образующе и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение...» И мы запомнили. Да. Навсегда...

Так начался один из дней нашего февраля в Берлине...

* * *

По утрам я хожу в Берлицц-шULE учить немецкий язык. И всё жду: когда же я начну понимать этот город, его улицы, его мысли...

Моя группа по немецкому — это несколько унылых возрастных тёток в начёсанных свитерах, среди которых одна русская горемыка, всё рассказывает мне в перерыве, как пекла пироги в псковском кафе, а теперь вот в Берлине... Арабские двойняшки, которым под или за тридцать, с белоснежными лицами и длинными ленивыми волосами, одна из которых — Невин с родинкой на щеке. По этой родинке её всю жизнь отличают от сестры. Мулат-инопланетянин с очень хорошим французским языком — он просто не может долго и длинно думать, он весь, как на шарнирах. На тонком чёрном запястье у него большие часы и цепь, на безымянном пальце — тяжёлое кольцо из серебра, он барабанит пальцами по столу, легко окидывая взглядом класс. Он первым всё запоминает, а дальше, когда все остальные вокруг него уныло повторяют и зубрят, он начинает скучать... В перерывах он говорит всем проходящим мимо девушкам: «Ну. Пойдём. Пойдём в клуб... Ну, потанцуем! Чем плохо?» А я всё никак не могу запомнить, как его зовут...

Арабские двойняшки тихо дремлют в перерывах, им не до танцев.... Вот пока и вся моя группа, с которой мне предстоит учить немецкий полгода без остановок, в серо-белом классе, с цветными пятнами географических карт и ученической доской... Осколки Берлина должны собраться в целое. Учительница-полька с выкрашенными волосами и красивым, но пережжённым в солярии лицом, каждый раз в конце урока говорит нам: «Скоро... Скоро...» — «Что скоро, фрау Леховицки?» — как-то спросила я. «Откроется...» — и она развела руками. И я снова удивилась, что понимаю её. «Что откроется, фрау Леховицки? Берлин? Но он и так открыт для меня. У нас, русских, ключи от всех городов. Мы как те ранние христиане, которые владеют всем, но ничего не имеют...» Она напряжённо смеётся, пытаюсь понять шутку.

Заключение

Год спустя, в горячей толкучке бара «Август Фенглер», того, что на Пашпель алле, случайно вижу знакомое лицо. Весёлый парень за стойкой крутится как волчок. На нём красная рубашка поверх чёрной вытянутой майки. У него смуглая кожа и белёсые волосы, и совершенно выгоревшие белёсые брови над холодными глазами, в которых бледно-голубые осколки льда. Я не могу сразу вспомнить — откуда и почему я его знаю, но уже слишком поздно — меня оттеснили к стойке, и я почти падаю на него. «Ты — Андреас», — вспоминаю я. Он не слышит, смеётся, приближает смуглое лицо, чтобы лучше расслышать: «Хай!» — «Я тебя знаю!» — «Вот как?» — «Ты был в Непале?» — «Да, прошлой зимой было дело». — «Вы с другом работаете в Шпаркассе и там ещё с вами...» — «Нет, — перебивает он. — Я там теперь один, Петер принял буддизм и остался в Непале». — «И там ещё с вами такая... — я развожу руки в сторону, — такая вот фрау Бок». — «Ах, Ульрика! — внезапно ему становится грустно. — Она всё время кричит». — «Почему, Андреас?» — «Я не Андреас, я Алекс». — «Ах, ну точно! Это я тогда перепугала имя. Ну, конечно же, Алекс. Алекс...» И я вспоминаю покрасневшую, печальную фрау Бок в её трикотажном костюме и блестящую табличку с именем на груди. «Хочешь вина?» —

спрашивает меня Алекс. «Да, наверное...» Мы сидим вместе за стойкой. «Ульрика очень хорошая женщина, — говорит он мне. Я удивляюсь, почему он так долго помнит о ней. Я думала: мы будем про Непал. — Она всегда была очень добра к нам, фрау Ульрика Бок. Но она иногда кричит...» — «Это да», — я собираюсь рассмеяться. «Андреас — это её сын. Обычно мы летали втроём в Непал, но как-то зимой мы с Петером остались, и он полетел один, — продолжает Алекс. — Короче, самолёт разбился, и он погиб... Так вот Ульрика иногда срывается на крик... Да, вот такая вот история. Так что ты будешь — красное или белое? Совсем забыл спросить — как тебя зовут?» **И**

Октябрь и сумерки медленно сгущаются над Берлином

I. 1.

Сложно начинать говорить, но легко продолжать, когда уже находишься внутри. Мы не приехали сюда однажды, мы просто были здесь всегда. И так будет всегда. Но...

Прав был Шкловский: Берлин, чудеснейший из городов, никогда не уложится в один эпитет, разве только «са́да» или «о́строва», да... А ещё точнее — целой гряды островов, — «что русские и немцы — как острова среди воды или ещё — как капли масла — соприкасаются вплотную, и не мешаются никогда».

Хлебникова восхитил Тиргартен¹. Шкловский рассмотрел Берлин сквозь увеличительные окуляры русского бинокля и закончил мольбой — «...Мне не под силу жить в отрыве... Позвольте мне вернуться назад...» И ему позволили. Да... Но он был прав: Берлин — гряда островов французских, русских, испанских, всяких, каких вы только захотите. Вот, в карнавале охлаждённого октябрём воздуха, проплывает остров Камерун, похожий, скорее, на один из ветхозаветных плотов на успокоенной Господом глади воды, на котором прекрасные чёрные люди с бесконечно удлинёнными конечностями, в цветастых и цветущих буйными красками балахонах, жмутся друг к другу от холода, не подходя к зыбкому краю.

Но мы, русские, из самых последних, накативших на Берлин волн, мы никого не должны молить о возвращении, мы можем вернуться в любой момент... Или это я так себя уговариваю?

Мы гуляем по островам Берлина, как Хлебников гулял по зоосаду. Мы смотрим за происходящим. Мы проговариваем происходящее в меняющемся ритме наших шагов. И мы не должны никого умолять, разве только самих себя — увидеть

---

¹*Tiergarten*, район в центральной части Берлина, в дословном переводе «Зоосад».

белого голубя в успокоившемся небе, показавшегося после потопа.

...На бегу в такт шагам, только бы отдышаться: из глубины... Из глубины вздох к тебе... Из глубины вздох к Тебе, Господи!

Быстро чувствовать стиль — сродни умению быстро схватывать языки. Шкловский через мелкие, но чрезвычайно важные детали мгновенно схватывал Берлин. Так ловкий иностранец с развитым слухом выхватывает опорные слова из незнакомого языка, и вот он уже на нём — пусть по-своему, но всё же говорит.

Я люблю этот город. Я страстно люблю этот город, иногда даже кажется, — задыхаюсь на бегу — на лету, в холодных ли сумерках октября, в июльской ли закипающей жаре.

Итак, октябрь. Неестественно прямыми и странно-свеже-зелёными кажутся застывшие деревья, в прозрачном осеннем, но тёплом воздухе, — что как бы лето не хочет уходить, а осень не хочет наступать, и такая насильная иллюзия вечного лета на подступах к раю... Октябрь в Берлине. Маленькое французское кафе. На тонко-выгнутых ножках неустойчивые столики. Утренний ветер рывком и навзничь опрокидывает стулья на полукруглые спинки. Путаясь в длинных фартуках, официанты, наперебой, смешно размахивая руками, бегут их поднимать, лопоча и лепеча по-французски. Официанты — молодые французские парни из бедняков. Их специально набирали по внешности в дорогое кафе, в богатый район. Ранним-ранним утром летнего месяца, пока безмятежное и искреннее, стояло тепло... В том, как они, парни из французских эмигрантов, поднимают стулья, торопливо отряхивая их спинки, скользит какой-то трагикомический эротизм из «Книги Маркизы» с иллюстрациями Сомова: так когда-то в преддверии французской революции красивые парни из челяди бежали поднимать опрокинувшуюся на спину, внезапно опьяневшую графинечку, у которой из-под множества юбок фарфорово заголились ноги. А потом те же самые парни, когда революция была уже в разгаре, тащили ту же самую графинечку, правда, уже протрезвевшую, на эшафот, и так же задирались её кринолины и бились в кровь фарфоровые коленки.

Ранним летним утром, по дороге к S-бану, я видела, как их принимают на работу — эмигрантских парней из бедных семей. Они, человек восемь, стояли в очередь в чёрных обтягивающих майках из «H&M» и таких же чёрных штанах. От них требовались стройный рост и идеально прямой разворот плеч, и — совсем, ну, совсем небольшое знание немецкого. В середине очереди, с самым красивым и самым глупым лицом, стоял Кристиан, и рядом с ним — младший брат, толстяк Поль, в широкой красной рубашке. Пришёл поболеть за брата... Я как-то видела их, сидящими на Папшель аллее, прямо на улице, в Еске Кнеире, во время футбольной трансляции. Кажется, французы играли с мюнхенским клубом или с кем-то ещё. Неважно. Они были братьями. Старший — глупый и красивый. Младший — толстый и весёлый... Старшего, Кристиана, должны были взять на работу наверняка, самого первого, в дорогое французское кафе, самого первого — из остальных восьми... О, сколько же шансов у красавцев по рождению, пусть даже из самых бедных эмигрантских семей! Поль обожает Кристиана. Он за него горой. Он, ни секунды не раздумывая, отдал бы за него свою жизнь, ранним летним утром, когда их принимали на работу. Он отдал бы за него жизнь, по первому требованию — толстый весёлый Поль за красивого и глупого Кристиана, но никто не попросит. Никогда...

2.

...Ты пишешь, ты получаешь наслаждение, почти граничащее с чувственным, но между «этим» и «тем», ты всегда выбираешь «это», хотя всегда и везде, говоришь, что выбрала «то». Вспомни, как когда-то давно, красивенький мальчик-англичанин, с отменным русским языком, специалист по Мандельштаму, кажется, да? — неважный же он был специалист, раз не помнишь, стоя на полу, босиком, в твоей комнате, ещё в Москве, влажной, пронзительной зимой, жадно и страстно, как голодные и обездоленные у трапезной храма, рылся в твоих бумагах, разбросанных по столу, мучительно разбирая русские слова, написанные синей авторучкой. Пытался отыскать своё имя.

Хотя бы намёк. Но так и не нашёл. После этого вы расстались навсегда... А двери-то трапезной открылись, распахнулись, безвозмездно впуская... И были накормлены все бездомные, страждущие и обездоленные!

Ну и что, что лето прошло и октябрь? Октябрь Берлина удерживает лето из-за всех сил. Как может быть лето в октябре? Ну какое лето? Так — иллюзия... Мираж...

Мы, русские, так же бежим всю жизнь за какой-то призрачной иллюзией счастья и славы, и не получив ни того, ни другого, принимаемся тосковать. Тоска русского, потерявшего всё в погоне за несбыточной мечтой, настолько сильнее и счастья и славы, что потом, спустя поколения, помнят и ищут только её одну.

3.

Катаюсь на роликах у Бранденбургских ворот... Воздух октября тёплый и летний. Обманый июль. Но сумерки тихо ступающего света говорят только об осени, о том, что она неизбежна и неумолима. Стайка голубей у длинной разрисованной стены клюёт недоеденную бомжами булку. На стене — граффити. Глупо-цветастые пятна и такие же глухие надписи с ошибками на всех языках. Золотые потки тепла льются с неба. Иллюзия лета прозрачна, как умирающая невеста. И с каждым днём всё сложнее и сложнее становится её удержать. А вдруг невеста умрёт в своём тонком платье и туфлях с остро-заточенными носами, переломится пополам в стеклянной хрупкости, так и не дожив до свадьбы?.. В душу закрадывается страх, что оно, это хрупкое лето среди осени, может разбиться от крика или резкого движения. Тихо ступаясь, синеют сумерки. Катаюсь на роликах вдоль разрисованной стены, не глядя на изображения. Золото, синева и обманное тепло — всё смешивается, и почему-то на мгновение, только на один миг — фотография перед глазами из исторического музея с Унтен ден Линден — зачем я вспоминаю о ней — всего лишь на миг... на его короткую долю? Факельное шествие 33—го года под Бранденбургскими воротами — живые потоки огня плывущие сквозь берлинскую ночь. Они, как

течение реки, вдруг развернувшей своё русло, — из-за горизонта сквозь Бранденбургские ворота. Крики приветствий, ляг и визг заточенных речёвок, запах гари и угар восторга. Те люди с фотографии сейчас уже давно мертвы. Тогда, в ту ночь, в Берлин вместе с огнём втекала смерть... Зачем я думаю об этом? Зачем я разворачиваюсь из нежной, пусть хрупкой, но беспечной и беззаботной жизни — в смерть, и страх? В мрак и скрежет зубов? Зачем мне такое, когда в Берлине вдруг, как подарок, среди ледяного октября зацветает июль? И вот раздаётся звон. Ломкое, рушится стекло. Разлетается позолоченная стайка голубей... А это просто я, проезжая вдоль стены, разрисованной граффити, падаю на руки с размаху, зацепившись в темноте обо что-то — о камешек или осколок стекла? бутылки? чужой жизни? Я падаю, предвосхищая боль — из золотого тепла в тёмно-синие сумерки ночи. Последнее, что я вспоминаю, так же коротко, остро и мгновенно, прежде чем почувствовать резкую боль падения, ободранную кожу на руках, кровь на ладонях, — последнее, что приходит мне на ум — это граница лета, распахнутое окно нашей языковой школы, выходящее на Фридрихштрассе... Там, внизу, плещется улица в своём течении, звенят проезжающие трамваи, официанты нижних кафе проливают кто кофе, кто вино. Кто-то смеётся и беспечен, кто-то изнывает от боли и желания закричать, но — всё своё ношу в себе... с собой... с тобой... Ты сидишь на подоконнике распахнутого окна. Мы говорим, но наш немецкий пока ещё скудный, а правила нашей с тобой шахматной игры заключаются в том, что мы должны говорить только по-немецки. Твой иврит груб и массивен, я устаю его слушать, по-русски тебе не выговорить ни слова, мышцы твоих губ изнемогают от напряжения, выговаривая наше русское слова «Бог». Иногда почему-то вдруг между нами, как спасительный плот, всплывает латынь — твоя медицинская, моя — литературная... От этого смешно. Когда нам смешно, мы теряем осторожность... А так — да... Да... Тысяча раз «да» — мы предельно осторожны. Мы избегаем встречаться глазами... Ещё мы избегаем даже случайно прикасаться друг к другу... Ещё — мы избегаем называть друг друга по именам... Я смотрю на тебя, только когда ты этого не видишь. Я чувствую, когда ты смотришь

на меня и осторожно не поднимаю глаз, чтобы ты мог на меня наглядеться, напиться... Я обострённо чувствую тебя. Охотник чувствует зверя. Любовник чувствует ночь. Когда ты смотришь, я как бы не знаю... Я говорю кому-то что-то смешное или злое на любом из разрешённых здесь языков, старательно выгибая губы, что бы сладковато, чтобы слегка поранить тебя. Когда больно, тянет сильнее. Ведь так? Мы чувствуем друг друга. И я знаю, я знаю, что тебе больно от меня, как от сдвинутого пореза на руке.

Последнее, о чём я подумала, был ты. Почти явно вижу: ты сидишь на подоконнике раскрытого окна, скрестив ноги в протёртых джинсах и руки на груди... Это ты так от меня закрываешься, да? Я вытягиваю вперёд руки, чтобы прикоснуться к тебе, так близки мы оказались. Твоя красная растёгнутая «толстовка» поверх смешной, старательно выстиранной майки. Ты сказал, что тебе плевать на одежду и удивился — что «толстовка» — это от Льва Толстого... Наш Лев Толстой, да... Я так близка от тебя, что сейчас прикоснусь к тебе. У тебя смуглая кожа, с обожжённой в черноту, с лёгким терпким запахом, у тебя тёмный налёт теней под глазами. Мне нельзя к тебе подходить так близко, мы негласно договорились, чтобы не поранить друг друга. Твоим губам больно говорить наше русское слово «Вой». Ещё одно мгновение... И я уже почти дотрагиваюсь до тебя, до разгорячённого твоего лица, с выступившей каплей пота на переносице, до выемки между ключицами, вырисовывающимися из выреза майки. Ни ты, ни я не знаем — как по-немецки будет «ключица». Ты называешь на латыни: *clavicula*. Мы оба смеёмся, избегая смотреть друг другу в лицо, смотрим на выступы ключиц. Я дотрагиваюсь да тебя не концами пальцев даже, а поверхностями ладоней. Так женщины в Ветхом Завете прикасались к праведникам, чтобы исцелиться, а к возлюбленным, — чтобы напиться.

Во время близости мы почти молчим. Язык слишком скуден, чтобы выразить, что происходит с двумя слившимися телами, скрутившимися в плеть и завязавшимися узлом. Я не знаю, как сказать тебе: «глубже...» и пытаюсь выхватить «tiefer...» пересохшими губами из душного воздуха Берлина, но «tiefer» ускользает, не даётся и мне достаётся только латинское

«profundis». Ты понимаешь. Мы оба смеёмся. Мы сплетаемся ещё глубже, — до боли, до крови, до... Но «de profundis» — это ещё и «из ада», «из смерти». Мы так и не вспомнили тогда. Не захотели. Мы вспомним позже, когда будет слишком поздно, когда будем тонуть, и до берега будет так же далеко, как до дна... Но только не сейчас! Пожалуйста, только не сейчас! Мы заплатим позже сполна по всем вашим постылым счетам, но только чуть позже... Дайте же, дайте нам ещё одну короткую отсрочку, потому что сейчас мы в яростной эйфории, в бешеном, упонительном восторге разгорающегося счастья. Пожалуйста, позже, позже, позже... Я закрываю глаза. Скажи мне только одно, почему ты плачешь?

Звон... Это ложной октябрьской ночью бьётся золотистое стекло тепла. Я чувствую боль в ладонях. Её можно терпеть, но она жжёт и саднит, кровь смешивается с грязью. Я падаю с размаха, с высоты моих роликовых коньков, на руки, на асфальт, в темноте, в тепле, которое вот-вот перечеркнёт холод. Мне больно... больно... больно... Ты слышишь? Слышишь? Слышишь? Когда мне больно, я очень зла. Я падаю прямо у стены, расписанной граффити. Я почти соприкасаюсь с ней лицом, но, к счастью, не бьюсь. Жгучая боль в руках. Вместо твоего лица (это же наш негласный запрет — смотреть впрямую друг на друга!) — я упираюсь взглядом в граффити на стене. Я вижу: человек, переплетающий книги. Это даже не плохо нарисовано, это даже изящно. А я ведь специально не смотрела, проносясь мимо на роликах. И я даже могу прочитать на каком-то из языков: «Использование во зло своего ума и таланта...» Это карта Таро. Зачем-то здесь, на стене у Бранденбургских ворот, куда втекала огненным потоком смерть... И подпись внизу: «М. Силлис». Это, кажется, твоё имя, да? Или очень-очень похоже, как искусная подделка. Хотела прикоснуться к тебе, прикоснулась к боли.

Я разубаюсь. Благо — тёплая ночь. Благо — тёплый асфальт. Кое-как связываю ролики и вешаю на плечо. Руки горят и саднят. Когда нам больно, мы злы. Когда мы требуем любовь, мы получаем боль и сгораем в неистовстве. В исступлении. Боль — будильник любви. Что-то неуловимо поменялось в прос-

транстве этого города. Что-то разбилось. Поддельное имя под пустой картой Таро. Одна из ловушек. «Ловит в тайне, как лев во ограде своей...» Ловушка — это когда не точность, когда одно приняли по ошибке за другое. В юности я прочла по ошибке: «Левит в тайне, как лев во ограде своей...» Я и есть тот грешник, которого вы поймали во ограду, но всякий ловец, чтобы удержать пленника, отдаёт ему свою душу. И даже ты, молодой левит, мешающий немецкий и латынь. Я иду босиком и в такт шагам люблю человека по имени Моран Силис. Я пишу скользящим взглядом на твоих остывающих стенах, я выдыхаю твой воздух, мои ступни выбивают ритм твоих дорог. Город Берлин, как прекрасен ты в своём величии и унижении! С какой лёгкостью заставляешь ты любить, то, чего нужно бежать или просто не видеть, равнодушно и легко проскальзывая глазами. Лев во ограде. Я люблю человека по имени Моран Силис. Мои ладони горят от боли. Я промахнулась. Я в исступлении. Я иду босиком и мне легко. Я люблю человека по имени Моран Силис, а всё остальное меня не ебёт...

4.

С утра иду мимо французского кафе. Всё так же тепло. Всё тот же октябрь. Но испод якобы летних листьев устало показал бледно-жёлтую кромку. Только что принятый на работу официант зовет меня на чашечку кофе на неточном немецком языке. Сегодня нет ветра и можно не бояться, что лёгкие, с выгнутыми ножками стулья, опрокинутся навзничь. «Тебе сложно по-немецки?» — спрашиваю я. «Wie bitte?» — переспрашивает он, любезно растягивая рот в улыбке. Он очень старается. Он только что получил это место. Он очень боится чего-то не понять по-немецки. «А где Кристиан?» — спрашиваю я по-французски. «Какой?» — слегка удивившись, спрашивает официант. Услышав французский язык, он подсаживается ко мне за столик, и мы начинаем болтать. «Такой высокий, — уточняю я. — Его должны были принять одним из самых первых. У него ещё брат Поль. Смешной. В красной рубашке...»

---

² Что, простите? (нем.)

Неожиданно красавец-официант смеётся: «Поль с нами. Его взяли вместо Кристиана. И сказали не переодеваться. Так и ходить в красной рубашке... Не в форме...» И тут же рассказывает мне, как на днях хозяин кафе с розовыми, отполированными лунками ногтей, долго и молча рассматривал Кристиана. И Кристиан долго и молча позволял ему на себя смотреть, замирая в скучно-заученных позах. А толстый брат Поль сидел, опустив глаза... «Слышь, парень, — сказал наконец хозяин кафе, допив фарфоровый напёрсток кофе. Кристиан слегка приподнял брови и с любопытством посмотрел на него. — А ведь я тебя не возьму...» — «Почему?» — горячо и отчаянно выкрикнул Поль. «У твоего брата слишком глупое лицо, — тут же объяснил хозяин кафе. — Вместо него я лучше возьму тебя. Просто так. Для контраста...» Мы смеёмся с молодым официантом. «И как повёл себя Кристиан?» — тут же спрашиваю я. «Глупо, — отвечает молодой официант. — Он тут же молча встал и ушёл...» — «Я не набираю актёров в Голливуд, — сказал хозяин кафе вспотевшему от смущения Полю. — Хочешь кофе, толстяк? Понимаешь, мне нужны расторопные парни, а не статуи из музея...» В этот же вечер Кристиан напился в Еске Кнеире во время футбола, затея драку, с кем-то из болельщиков мюнхенского клуба, ему разбили его красивый нос и подбили глаз так быстро, что толстый Поль просто не успел защитить его. А драться с толстым Полем никто не хотел, просто даже потому, что он очень хороший парень.

5.

В перерыве между занятиями немецким ты подходишь ко мне и переворачиваешь мои руки ладонями кверху. «Что с твоими руками?» Я смеюсь и не отвечаю. Сегодня, в первый раз нарушив все наши уговоры, ты при всех прикоснулся ко мне. «Я видела твоё имя под одной из улчных картин... — говорю я. — Это ты гадаешь на картах Таро на осколках берлинской стены?» Снова нарушая наш договор, ты смотришь напрямую мне в лицо. «Почему ты не спишь по ночам?» — «Так это было твоё имя у Бранденбургских ворот?» — «Это художник из Израиля, — говоришь ты. Твои глаза пьют с моего лица. Что же произошло

вчера ночью, пока так саднили мои руки? — Это художник из Израиля, — снова повторяешь ты. — Но в его имени два «л», если писать латиницей. Ты не первая, кто спрашивает. Но он — художник, а я — простой врач из Шарите³...» — «Ты — лев во ограде», — говорю я. «Wie bitte? — переспрашиваешь ты, как тот утренний французик. — Я просто врач. И в моей фамилии всего одна «л». — «Врач своей чести», — пытаюсь пошутить я. Но ты не знаешь Кальдерона. Ты знаешь медицинскую латынь. И поэтому с тобой бесполезно острить. «Пожалуйста, отпусти мои руки, — прошу я. — Ты делаешь мне больно...»

На занятиях, торопливо, и с искренним чувством, ты рассказываешь, и я вдруг понимаю, что это так, что тебе искренне нравится — и это понимание остро пронзает... — как в пятницу вечером после тяжёлой недели в Шарите, ты с каким-то детским, искренним удовольствием сидишь в Eске Кнейре и смотришь футбол, пьёшь тёмное немецкое пиво... Ты даже слегка взволнован во время рассказа. А вдруг победит мюнхенский клуб?

II. Октябрь вступает в свои права

Я жадно люблю смотреть, как люди умеют радоваться простым вещам. Есть люди простые и грубые. От них тяжело. Мы их бежим. Позорно, предательски отступаем, опустив глаза, когда они просят нас не о помощи даже, не о любви, а просто так — побыть с ними немного в их утлой жизни. А нам в тягость. Мы — бежим. Без объяснений.

А есть люди простые и нежные. К ним сразу же влечёт, тянет к ним непреодолимо. И они не понимают, что сразу же, без объяснений, должны бежать таких, как мы. Сразу же, без объяснений, должны забыть нас. И это мы так только говорим от упоения собой и самоутешения, что так вот сильно их полюбили, — «они простые»... А они не простые. Они другие... А мы — разрушители, и после нас — пепелище. Они с лёгкостью и без натуги прощают тебе то, что ты такая, как ты есть. Они радуются и искренне любят простые, жизнеутверждающие вещи. Футбол под дождём, тот самый первый футбол из

---

³ *Charité*, знаменитый больничный комплекс в Берлине.

детства, или поездку на рыбалку с отцом, или бегать по утрам в удобных пружинящих кроссовках, и простодушно сказать тебе: «Зачем так много тратишь на одежду? Купи такие же, пока их продают со скидкой. В них можно ходить везде...» Или вечером сесть на улице в угловой пивной и с удовольствием и как-то неподдельно искренне смотреть футбол на большом экране и искренне болеть за какую-нибудь из команд. А мы же всё это не любим: их нефильтованное пиво в литровых кружках, их разговоры о футболе с французами и итальянцами на плохом немецком языке. Мы же всё это не любим, но мы упоённо любим смотреть, как любят они... «Возьми меня с собой в Еске Кнеире», — прошу я. А он даже сначала не верит, так сильно удивлён: «Но ты же всё это не любишь!» — «Хочу посмотреть на твоих французов». — «Но тебе не понравится Кристиан и особенно — Поль, — и тут ему даже немного печально. — Они пьют пиво и почти ни о чём не говорят...» — «Но ты же их любишь?» — «Люблю», — он пожимает плечами, до конца не веря. «Хочу увидеть твой мир», — и смотрю в упор в его нежное прямое прекрасное лицо, в котором нет страдания, в котором пока только один покой. Он умеет радоваться простым вещам. Сейчас он рад, что я прошусь с ним — на футбол с Кристианом и младшим братом Полем в ближайшую Еске Кнеире. Он умный, он не забыл про осторожность: «Зачем тебе такое?» А я ведь только хочу посмотреть — как и что любят они, чтобы потом подражать. И он с лёгкостью впускает меня в свою жизнь, где рыбалка и футбол, где усталость после работы и закатанные до локтя рукава белоснежной рубашки, и дурманящие смуглая кожа и пряно-пьянящие запахи октября и разгорячённых тел... И я даю себе слово, что ничего там не разрушу, в этом жизнелюбивом его мире, потому что оба мы поняли вдруг, что он будет меня любить...

...На бегу в такт шагам, только бы отдышаться: из глубины... Из глубины возвах к тебе... Из глубины возвах к Тебе, Господи.

И весь вечер мы смеёмся с толстым Полем и Кристианом (они нависают над своими пивными кружками, а я прошу только мятного чая с имбирём), я спрашиваю по-французски про фут-

бол и про лучших игроков, потому что немецкий слишком беден пока, как нищий на паперти, и я смотрю на большой экран, и лёт тёплый дождь...

Я больше никогда не приду к толстому Полю и Кристиану, я напилась сполна всем тем, что они любят, наутро я написала про них. Меланхолия октября на убыль. Жара разгорается невыносимо, как изнурительное, затянувшееся прощание...

Я больше не хожу после занятий немецким гулять с тем самым красивым парнем из нашей группы под тёплыми шляпками дождя. Отыскивая вежливый предлог, я отказываюсь вместе с ним готовиться к выпускному экзамену. Он тихо произносит: «de profundis». Короткая вспышка, нужно бы что-то ответить, и я малодушно, предательски говорю: «Я не понимаю латыни». Я больше не встречаюсь с ним взглядом, я прямо и прозрачно смотрю перед собой, пока он жадно пьёт глазами. Мы всегда предаём тех, кого любим больше всех.

Утром пронзительно звонит будильник. За окном — опадающий сад. И только что по Штаргардер штрассе после ночного перерыва проехал первый трамвай, и заспанный кельнер с красным румянцем в пол-лица и длинным белым фартуком поверх чёрных, с отутюженной складкой брюк, всю ночь разносивший пиво и добротню прожаренную свинину, поднявшись на металлическую стремянку, окутывает цветной, похожей на Рождественскую, гирляндой, разросшиеся ветки каштана. Ветки прогибаются под тяжестью электрических огней и, оголяясь, роняют последнюю листву. Толстый Поль стоит внизу и придерживает лестницу, чтобы его товарищ случайно не упал после бессонной ночи. И тут же красивый Кристиан длинной щёткой томно сбрасывает листья со столов. Толстый Поль уговорил хозяина кафе с отполированными ногтями принять на работу Кристиана. Его не взяли в официанты из-за глулости, но его взяли молчаливо стоять на входе... Всё это означает, что сегодня — особенный день октября, — какой-то их праздник посреди нашей праздной, невыносимо весёлой жизни...

Однажды мы сталкиваемся на выходе из метро, и всё так же обманчиво — тёплый полдень, и всё так же со звоном проезжает трамвай, и просто случайная девушка рассмеялась на вопрос посреди улицы: «Который час?..»

«Ну как твои французы?» — спрашиваю я. А он молчит. «Как Поль и Кристиан?» — но он не отвечает, и мы просто идём рядом. Я беру его за руку. Все правила давно отменены. «Как твой футбол на большом экране в Еске Клеире?» — «У нас через неделю экзамен. — Он очень вежлив. Он избегает встречаться взглядом. Он прохладно высвобождает руку. — Я немного устал...» — «Так ты больше не ходишь?» — вдруг понимаю я. «Я больше не хожу...» — «Но почему? Скажи, почему?» — «А мне больше не надо...»

И октябрь. И осень безоговорочно вступает в свои права. **Б**

Александр Дельфинов

Текст, драгз, рок-н-ролл

Вспышки и провалы в памяти за четверть века

Не те издатели

Не везло мне с издателями изначально. Один мужчина предложил издать мои невероятно талантливые стихи в литературном сборнике. Это должен был быть прорыв и сияние звёзд, кокаина в то время в Москву ещё не завозили (буквально через год завезли). Подборку расположили между прозой Сорокина и Ерофеева (увы, не Венички). Это и подкосило весь проект. Сотрудницы типографии в отдалённом городе подали в суд на издателя за «слишком много мата». Издатель ездил в типографию с двумя сумками финского сервелата, договариваться о мире. Дело было ещё в СССР, колбаса решала вопросы. Суда не было, сборника тоже.

Шли годы. «Поэт не может быть издат, коль недостаточно пиздат», — думал я, но дело было в кармической предопределённости. Одна дама предложила поучаствовать в молодёжной поэтической серии, но для этого нужно было встретиться с редактором. Им оказался лысый мужчина в дорогом пиджаке, в прошлом — советский либерал, а на момент нашей встречи, сцуко, издатель. Он изучил распечатку, ткнул ногтем пару раз в бумагу, хмыкнул и изрёк: «Тексты, конечно, так себе, но будем печатать!» Больше мы не встречались. Я позвонил через неделю, печальный женский голос сообщил, что Николай Николаевич внезапно скончался, сбитый автомобилем на Тверской.

Чего только ни было в моей жизни! Я видел, как двадцать пьяных парней раздавили телами горбатый «Запорожец». Я разводил хомячков на продажу. Я видел, как наркоманы спасают друг друга от передозов. Но меня никто не издавал. Наконец,

бывший однокурсник предложил выпустить сразу целую книгу. Сказать, что я обрадовался, значит, не знать, как реагируют простые немцы на счёт 7:0 в матче с Бразилией. Ликуя, отправляя я файл в формате PDF электронно-злючей почтой. Стоит ли говорить, что книга не вышла и через год, а бывший однокурсник постепенно слился из коммуникативного поля. Через несколько лет он разрезал на куски свою жену и спрятал в багажник автомобиля. Не тех издателей выбираю.

Внезапный ницшеанец

Еду в кельнской электричке. В вагоне много подвыпивших футбольных болельщиков. Они поют, орут. По вагону идут контролёры: высокий, наголо бритый африканец в новой с иголки униформе, и щуплый, небритый немец в потёртых ботинках, помятых брюках. Между пассажирами возникает конфликт. Парень обвиняет болельщика: «Зачем ты меня трогал?» Болельщик: «Никого я не трогал!» — «Трогал!» — «Зачем мне тебя трогать? Ты сам себя, наверное, трогал!» Щуплый контролёр убеждает пассажира пересесть, а болельщика — успокоиться. Болельщик выходит на следующей станции, с улицы кулаком ударив в окно напротив контролёра. Тот только смеется. Следующая станция — моя. Встаю у двери, передо мной щуплый контролёр. Приглядевшись, замечаю торчащую из кармана его брюк зачитанную, затрёпанную книжку: Фридрих Ницше. «По ту сторону добра и зла».

Подруга в Краснодаре

В Кёльне в тату-мастерской на приёме таких, как я, работает очень приятный парень Джон. Он немец, но — Джон. Каждый раз, когда я туда заходил, он говорил: «Привет! Как дьела?» — и просил научить какому-нибудь русскому слову. «У меня русская девушка», — рассказывал Джон. Он интересовался Россией, что-то спрашивал про музыку и литературу, политики мы коснулись только раз, когда я упомянул, что многие мои знакомые стали политэмигрантами. «Всё же в России много хороших людей», — сказал Джон и я с ним согласился.

Однажды он сказал, что его девушка уехала домой в Краснодар, но он скоро отправится навестить её. Джон радостно предвкушал первую поездку в Россию.

Сегодня я зашёл в мастерскую. Джон был опечален. «Скажи, почему русские такие странные?» — спросил он. «Что ты имеешь в виду?» — «Я поспорил с своей девушкой. В России она стала совсем другой. И она сказала, что русские женщины могут делать что хотят, а мужчины разрешают им и не делают замечаний, а женщины ни за что не просят прощения. Это правда?» — спросил Джон. «Не уверен, что это касается всех женщин», — сказал я.

«Мы решили поехать из Краснодара автостопом в Сочи, нас взяла на машине пара старше сорока. Мужчина за рулём, узнав, что я из Германии, сказал, что его дед воевал с немцами, и что русские победили немцев, и спросил, до сих пор ли все немцы фашисты. Я не знал, что ему ответить, а он всю дорогу только и говорил про войну, танки и автоматы», — сказал Джон. Я вздохнул. «А отец моей подруги сказал, что ей нельзя иметь со мной дела, потому что я не русский, а немец! И тоже завёл эту тему про войну и фашистов. Слушай, эта война была столько лет назад, я не понимаю, причём здесь я?» — Джон смотрел на меня растерянно. «А что сказала твоя подруга?» — «Что её дед воевал с немцами, а она русская. И мы расстались. Я не понимаю этого». Я стал объяснять Джону про телепропаганду и шовинизм, вспомнил фашизональные особенности краснодарской региональной политики. Он слушал с интересом. В Россию он, кажется, больше не поедет.

Странные люди

В конце 1980-х в Москве я ехал в гости. На окраине города около десяти вечера вышел из троллейбуса и собирался спуститься в подземный переход. Вдруг, откуда ни возьмись, навстречу мужчина лет полста, выше пояса закреплена удивительная конструкция: сложный каркас из множества деревянных реечек, а по бокам — вертушки, крутившиеся от потоков воздуха, когда мужчина шёл. Конструкция возвышалась выше его головы,

он сам был внутри неё. Целеустремлённо глядя перед собой, странный человек быстрым шагом удалялся в сторону тёмного лесопарка.

В 1997 году в Вене ко мне на улице около полуночи подошёл пожилой мужчина в кепке, похожий на советского киноактёра Фрунзика Мкртчяна. Он спросил на хорошем немецком: «Вы не подскажете, где я?» Я сразу вспомнил начало фильма «Кин-дза-дза», но постарался объяснить, в какой мы находимся части города. Лицо мужчины стало совсем печальным: «Не могу понять... Не помню, как оказался здесь». — «Как вас зовут, помните?» — «Помню» (он назвал имя, допустим, Ибрагим). — «Адрес свой помните?» Мужчина помолчал. Потом назвал адрес — это было минутах в сорока ходьбы пешком. Я указал ему: «Идите по этой улице, на перекрёстке налево, на следующем — направо...» Он с небывалой грустью в глазах кивнул: «Спасибо». И пошёл.

Во второй половине нулевых в Берлине мы с другом зашли в магазин одежды и обуви в стилях рокабилли и панк. Не собираясь ничего покупать. Около двух дня. Это был небольшой магазинчик на Уландштрассе, набитый дельным барахлом. К нам приблизилась продавщица: «Что-то ищите?» Она подошла чуть ближе. Приоткрыла алый рот, подбоченилась. Мне показалось, она еле заметно пошатывалась. «Есть сапоги 45-го размера с тупым носом?» — с ходу брякнул я, сам себя удивив. Продавщица развернулась, пошла к противоположной стене вихляво и грациозно. Мы — за ней. Там было много обуви. Сапог с тупыми носами не было. «У нас в подвале есть другие модели», — вдруг с хрипотцой сказала продавщица, подойдя вплотную ко мне, а потом шагнула к другу: «Пойдёмте в подвал!» Действительно, рядом был открыт квадратный люк, лестница вела в подвал. Мы с другом переглянулись. «Да нет, спасибо, в другой раз», — произнёс кто-то из нас. Когда мы уходили, продавщица приняла странную позу, на миг будто превратившись в куклу с торчащими в разные стороны руками и ногами.

Общество память

Если вы думаете, что люди что-то помнят, так вы меня послушайте, ничего они не помнят. Несколько лет назад в Берлин приезжала одна московская девушка, я её знаю с конца 1990-х как деятельницу клубного движения и околосовременного искусства. Сидим, болтаем. Девушка выдаёт: «Я в Берлин приехала из Стамбула. Ну, сказочный город, я теперь так полюбила всё арабское!» Ошеломлённый, не стал я разъяснять гостье нашего Радужного Рейха разницу между Турцией и Аравийским полуостровом. Но дальше — в Польше, а точнее, мы почему-то упаковались в автомобиль и вот уже мчимся мимо East Side Gallery — расписанного художниками куска Берлинской стены. Белокурая московская бестия спрашивает: «Ой, что это такое?» — «Это Берлинская стена», — говорю, но чувствую — не понимает. «Вот смотри, мы едем по восточной стороне, а там за стеной Западный Берлин был». Не понимает. «Ну, Берлинская стена, она разделяла город на две части, чтобы из ГДР никто не мог убежать». Девушка в шоке: «Как — на две части? И давно это было?» Тут уже я в шоке: «До 1989 года...» — «А я и не знала!» Как говорится: приехали, а с платформы говорят, это город Сталинград.

«Нинка звонила!»

Рассказали недавно. Юг Германии. Федеральная земля Баден-Вюртемберг. Маленький городок, около трёх тысяч жителей. Жара под плюс сорок. Внезапно со второго этажа двухэтажного домика высовывается тётка в ярком платье с микки-маусами. И громко — вниз:

— Стёпа!

Откуда-то из-за кустов снизу:

— Чо?

— Нинка звонила!

— Ну и чо?

— У них четыре градуса, грит!

— Мороза?

— Тепла.

Молчание. Тётка всовывается обратно. Тишина.

Цыганка в Мариуполе

В мае 1990-го года мы с другом автостопом шли в Крым. На мне была потёртая советская гимнастёрка с надписью «Хой!» на спине. Друг носил бундесверовскую куртку с надписью «Heavy Metal». Мы были обычные необычные.

Рано-рано утром оказались в Мариуполе и зашли в городской парк позавтракать припасами. Сели на скамейку на типичной аллее, кажется, там была статуя девушки с веслом и тому подобное. Ели хлеб, колбасу, помидоры. В начале аллеи у входа в парк показалась группа цыганок с детьми. Они что-то обсуждали.

Молодая цыганка подошла к нам и села рядом. «Вы кто такие?» — спросила она. «Путешественники», — ответил друг. «Бродяги?» — уточнила она. «Нет, — ответил я, — у нас есть домá, но мы путешествуем автостопом».

Цыганка посмотрела на меня: «Эй, молодой, пойдём со мной?» — «Куда?» — спросил я. «Со мной. К нам», — сказала она. «Да я же с другом...» — улыбнулся я. «Зачем он тебе нужен? Пойдем со мной, молодой!»

Вдруг я почувал — цыганка не шутит. Весь мир, Москва, Мариуполь, Крым, СССР, всё отодвинулось. Осталась только женщина с чёрными, как чёрные звёзды, глазами в пёстром платье и платке с серебристо-золотистыми нитями. Мой друг стал словно менее плотным. Потеряли значение хлеб, колбаса, помидоры.

Мне было 19 лет. Я мог встать и уйти с цыганкой. Огонь прожёт изнутри.

«Я не могу, — сказал я, — я с другом...»

В этот миг не было у меня никакого друга.

«Эх, молодой, красивый, пойдём со мной! Точно не пойдёшь?»

Цыганка встала и, не оглядываясь, ушла к своим. Вся их группа покинула парк, гомоня, словно волшебные человеко-птицы. Мы доели завтрак.

«Ни хрена себе ты ей понравился», — сказал друг. Я пожал плечами. И мы пошли по трассе дальше, а к вечеру оказались в Симферополе, глубокой ночью достигли Гурзуфа и сидели на берегу, слушая шорох волн.

Вечером в Хайфе

Вечером в Хайфе на променаде в районе Бат-Галим пожилые пенсионеры сидят на лавочках. Жарко, влажно. Волны шуршат. «Помните то кино с этим, ну как его, в очках, пожилой актёр...» — говорит кудряво завитая старушка своему импозантному спутнику с клюкой в руке. Он что-то отвечает неразборчиво. «Замечательный конференсье!» — восклицает старушка. Пенсионеры сидят на лавочках, волны кусают суровый пляж. Врезаюсь в воздух, как нож в масло.

Навстречу бегут крепкие молодые люди в одинаковых трусах и майках. Тротуар узкий, приходится уступить дорогу. «Штаим, шалош, штаим, шалош», — командует жёсткий голос. Пенсионеры и солдаты не замечают друг друга, да и меня. Я слишком молод для одних и стар для других. Пенсионеры обсуждают советское кино. Их молодость прошла в эпоху безвременья, ограниченного программой «Время». А бегущие мимо солдаты, наверное, не знают, кто такие отказники и что такое поправка Джексона-Вэника.

Останавливаюсь напротив кафе, где продаётся мороженое. За столиками пенсионеры и маленькие дети. Рядом пожилой мужчина заговаривает со столкнувшейся с ним пожилой женщиной, мне слышится что-то вроде иврита: «Тодом дохат?» Она чётко переспрашивает по-русски: «Простите, что?» — «Ну шо, до дому, до хаты идёте, спрашиваю?» — уточняет пенсионер. Дети лизут мороженое. Топот ног — мимо бегут женщины-военнослужащие. Мерно подпрыгивают груди под футболками цвета хаки.

Ещё немного вперёд. Дорогу преграждает бетонный забор с колючей проволокой, ограничивающий территорию большой военно-морской базы. Рядом на пляже установлены турники. Под бодрую восточную мелодию несколько молодых людей качают мускулы. Один из них отдаёт команды по-военному. Неподалеку пенсионеры на лавочках наблюдают за спортсменами. Старушки — с нескрываемым интересом, старички делают вид, что их больше интересует море. В небе пролетает вертолёт, уже темнеет, не разобрать, военный или гражданский.

Мы идем по улице, слева бетонный забор. «Штаим, шалощ, штаим, шалощ», — доносится оттуда. За ограждением ярко сияют фонари на высоких столбах. Вечерняя тренировка, построение, скоро ужин и отбой. Навстречу пожилая пара. «Крым... Путин... наш... сдох», — доносятся обрывки слов. Седая дама в очках с золотой оправой внимательно слушает политинформацию. Политика истекает из меня солёным потом, надо постоянно поддерживать форму тела глотком воды. Чуть что — земля убежит из-под ног, как шипящий кот. Прошлое — иллюзия, будущее — вопрос тактики и стратегии.

Стемнело. Навстречу идут два паренька, в руках у каждого по бутылке с водой, на плече у одного — полотенце. Он раскрывает рот, глядя на меня. Я тоже его узнаю. Прошлым летом он приходил в Москве на мою слайд-лекцию о современной наркополитике. «Ты что здесь делаешь?» — ошеломлённый встречей, спрашивает он. Испуганный кот спрыгивает с мусорного контейнера в двух шагах и ломится в кусты. «Приехал погулять, — отвечаю я. — А ты?» — «А я сюда жить переехал, — отвечает юноша. — В ноябре в армию иду!» Мы прощаемся. Пенсионеров на улице уже не видеть. Жара чуть спала. Мимо скользит полицейский внедорожник с включённой мигалкой, но без сирены. Как во сне.

Очень хорошая вода

В Яффо пошли за едой в магазин, где торгуют русскоязычные евреи. Захотел купить оливкового масла. Смотрю — нет его! А, вот, вроде, нашёл. Но не совсем уверен — надпись на иврите, а картинка слишком мелкая. Рядом мужчина в кипе, черноволосый, глаза сами как маслины, расставляет товары на полке. Спрашиваю: «Это оливковое масло? Вот здесь на картинке — это оливки?»

«Ну, может у вас это и называют оливки, а у нас это не называют оливки. Это канола! Слушайте, зачем вам это масло? Оно дорогое! Возьмите лучше вон то, нормальное подсолнечное! Одиннадцать шекелей! Слушайте, берите три бутылки за двадцать!»

«Мне не надо три бутылки подсолнечного, мне надо одну оливкового».

«Слушайте, вы взяли каноловое масло. Оно невкусное! (Понизив голос, доверительным тоном.) Эти израильтяне, они, может, выросли на каноловом масле, но мы-то с вами, мы выросли на нормальном, подсолнечном! Вы знаете, что такое канола? Вы должны знать, что такое канола! Это низенький жёлтый цветочек, корова его любит!»

Иду, беру с полки бутылку подсолнечного масла. Одну. Возвращаюсь к мужчине и беру с полки рядом закуски в пластиковых банках: тушёные баклажаны, сладкий перец в масле, помидоры с чесноком. Он замечает: «Вы правильно делаете, что берете эти салатки! Вот это острая закусочка, она как сальса, можно всюду добавлять, а вон те баклажаны вкусные, вы себе не представляете! Они как домашние. А вон те, что рядом, видите?»

«Вижу».

«Так вы их не берите! Они дороже и они не вкусные, они как заводские! Хотите хорошей рыбы?»

«Нет, спасибо, рыбы не хочу».

«Что, так не любите рыбу?» — Его лицо отражает внезапную глубокую скорбь.

«Я люблю рыбу, но не хочу, и к тому же, сейчас жарко».

«Слушайте, разве это жарко? Вот две недели назад было жарко, детей из дома не выпускали. Но я вас не уговариваю. Не хотите — не берите. Вы сами откуда приехали, из России?»

«Из Германии».

«Какие там цены на продукты?»

«Ну, пониже, чем в Израиле».

«Ай!» — отворачивается, что-то перебирает на полках, снова поворачивается. — «Хотите сладкого чего-нибудь?»

«Я хочу воды без газа, простой воды, не подскажете?»

«Конечно, подскажу! Видите, вон те бутылки?»

«Вон те?»

«Да-да! Не берите их. Они дорогие. Возьмите подешевле, я вам советую, значит, не эти, а вон те бутылки, очень, очень хорошая вода!»

Три истории как будто не про секс

На первый взгляд, эти три истории никак не связаны с сексом. Первая из них была рассказана мне одним московским товарищем. Итак, зима 20.. года, минус двадцать, вечер, мой товарищ идёт от метро домой. Вдруг слышит чей-то стон из сугроба: «Помоги, брат!» В снегах обнаруживается пьяный мужчина, повредивший ногу. Лез напрямик и поскользнулся, теперь встать не может. «Помоги до дома добраться, а то замёрзну, — просит пострадавший. — Я вон в том доме живу!» Мой товарищ вытаскивает дядю из сугроба, взваливает на плечи и тащит на себе, а тот корректирует трассу «налево, направо» и рассказывает свою историю. «Представляешь, жена мне изменяет, сука! — горячо шепчет прямо в ухо. — Я точно не знаю, с кем, но знаю, что он сейчас у неё. Сказал ей, мол, уехал, а сам пошёл, принял для храбрости, и вот я их накрою!» Товарищ дотащился до дома, открыл подъезд по подсказанному коду, прислонил мужика к стене у лифта. Тот повернулся, взгляделся в лицо спасителя... «Так это ты, сука, с моей женой спишь!» — и вдруг с силой шарахнул кулаком ему в лицо. Мой товарищ от неожиданности остушился и упал, а пока вставал, негодай вызвал лифт, запрыгнул в него на одной ноге и уехал.

Вторая история случилась со мной в фольклорной экспедиции в первой половине девяностых. Группа студентов и преподавателей РГГУ приехала в деревню и заняла здание местной школы. Председатель хозяйства сказал, в случае проблем — обращайтесь. Проблемы случились на третью ночь, когда в комнату, где ночевали девушки, снаружи постучали местные пацаны и настойчиво предложили выйти, а один попробовал пролезть в форточку. По сложившейся традиции, подобных искателей женской ласки в фолк-экспедициях зовут «шевальерами», но от этого не легче. Девушки перепугались, все мы собрались на кухне, в окна и в двери стучали. В здании школы только закончился ремонт, внешняя дверь изнутри не запиралась вообще. Начальник экспедиции А. Б. вышел к пацанам на крыльцо, но они уходить отказывались, требуя немедленного знакомства с нашими девушками. А. Б. зашёл внутрь и сказал

мне: «Держи дверь». И я взялся за ручку, готовый к тому, что снаружи её дёрнут. Пацаны стучали в дверь, шумели, кричали пьяными голосами: «Выходи, а то зайдём! Сейчас будем вам окна бить!» Так простоял я не помню сколько времени, но навсегда запомнил ощущение, словно вся моя жизнь сконцентрирована в простой дверной ручке, которую надо держать. В это время храбрая девушка Лиля выскользнула в заднее окно и побежала к дому председателя. Через некоторое время председатель лихо подкатил к школе на ГАЗике и разогнал дурковатых «шевальеров». Дёрнуть дверь они так и не догадались.

Третья история случилась со мной в окрестностях Якутска летом 1992 года. Мы прилетели на фестиваль искусств большой командой фриков из Москвы во главе с Сашей Петлюрой. Кажется, в первый же вечер — там, впрочем, царил полярный день, то есть никакого вечера не было — нас повезли «на рыбалку». На автобусе марки ПАЗ выехали мы за город и остановились на просёлочной дороге у неширокого канала. Почему это называлось рыбалкой, не помню, снастей ни у кого не было, но было немного алкоголя, и вскоре мы разожгли костёр. С нами также поехала местная журналистка Р. Мы с ней пустились в разговор, и хотя было не так уж холодно, прижимались друг к другу всё ближе. Кто-то спал в автобусе. Около двух часов белой ночи рядом остановился милицейский ГАЗик. Двое служивых с неприятными физиономиями спросили, кто мы, собственно, такие, и какого хрена тут делаем: «Документы есть?» Последовала долгая разборка, мол, документы в гостинице, мы делегация художников и так далее. Менты пытались придаться к распитию, по всему было видно, что мы им неприятны, но наш шофёр как-то уладил дело. Я случайно расслышал последние слова, менты говорят «Ладно, мы поехали через поле!» Шофёр советует: «Не делайте этого, завязнете». Менты садятся в ГАЗик и едут через поле. Краем глаза я вижу, реально, их машина вязнет! Почти по окна! Один мент босиком, закатав брюки, залезает на крышу и хватается за голову. Второй, по пояс в грязи, бредёт к нам, долго-долго, приходит и просит «дёрнуть». Шофёр отнекивается: «Говорил вам, не езжайте! А я не доеду, сам увязну!» Но мент настаивает, и шофёр медленно трогает ПАЗик со спящими

внутри московскими художничками в сторону увязших ментов. Их машина меж тем погрузилась в топь почти по крышу, один из служивых продолжал выплясывать свой танец дервиша на крыше с мигалкой. Не доехав полпути, автобус вязнет, сев на днище. Художнички очнулись, очумели, прыгнули в грязь и пришли обратно к костру. «Помогите вытащить!» — просят уже нас шофёр и второй мент, все в грязище с ног до голов. Но мы, обсудив ситуацию, понимаем: три часа ночи, лезть в грязь не хочется, да и огромный ПАЗик мы вряд ли вытянем, что уж про мусорскую тачку говорить. Кончилась «рыбалка»! И пошли мы пешком назад в Якутск. Я обнимал свою журналистку, а вслед нам летели проклятия разочаровавшегося в москвичах водителя автобуса и полного ненависти мента. Когда мы прошли примерно полпути, навстречу промчался БТР. Как мы узнали впоследствии, он вытащил обе машины, но наш водитель так оскорбился, что не стал нас больше возить, несмотря на оплаченный заказ. А я в ту солнечную ночь отправился в гости к Р. У неё и остался.

Отпускники

— Так, документики попрошу.

— А что, мы что-то нарушили?

— Сумку откройте. Так. А в чемодане что? Не надо только вот это вот, не надо смотреть. Смотреть так на меня не надо, я говорю.

— А в чём дело?

— Из карманов всё вынимаем и сюда кладём, в общем. Острорежущие, наркотики, оружие. Запрещённое всё выкладываем, это самое.

— У нас нет ничего запрещённого! Слушайте, мы на поезд опаздываем!

— Сейчас с нами поедете. Виталь, ты это, понял, нет, в отдел их оформлять повезём.

— Вы не понимаете! Мы! На поезд! Опаздываем!

— Досмотр личных вещей, это, вещей личных, чтобы по закону, с понятиями надо производить. В отдел проследуем, чтобы там. Всё по закону у нас.

— А что мы нарушили-то?

— Вы не подчиняетесь представителям власти? Вот что, не надо, чтобы это. Не надо! А если нарушать, то можно и это самое.

— Да мы подчиняемся...

— А то мы можем и закатать тебя и твою, блядь, девку, понял, нет? Если очень умный такой. На тридцать суток, блядь, хуило грешное.

— Я вот вам не хамил, а вы мне что хамите?

— Так, в машину садитесь оба. Виталь, всё, в отдел, давай, рули.

— Вы что, не с той ноги сегодня встали? Мы, с женой, едем в отпуск, вот билеты. А вы как с преступниками с нами! Что мы вам сделали?

— Ты, блядь, прежде чем себе в нос кольца вставлять, Родину бы любить научился. Всё, сел в машину, отпускник, блядь, умный очень, блядь.

...

— Простите моего мужа, он устал после года работы. Вы же тоже работаете честно, устаёте сильно, правда? А может, мы как-то решим этот вопрос без задержания?

— Так, я не понял, гражданочка, вы мне что предлагаете, в общем, взятку?

— Нет, ну что вы, разве можно предлагать взятку блюстителям порядка? Просто мы за наше нарушение можем, наверное, штраф заплатить? Вот какой штраф за наше нарушение, вы не подскажете?

— По закону вы, это самое, в общем, за неподчинение органам вы, короче, на тридцать суток, вот. За неподчинение вы. Да.

— Ну, господин офицер, товарищ майор, нам на тридцать суток никак нельзя, мы на поезд опоздаем.

— Чо, блядь, в Крым собрались? Гы-гы-гы!

— Нет, не в Крым, но всё же мы признаём свою вину, готовы заплатить штраф.

— Когда со мной культурно, то и я культурно! Вот, если говорят, что мы что-то выдавливаем, а мы ничего из людей не выдавливаем. Три тысячи, например, по закону, если платить. А

вот если взятку, так мы тоже можем на видео снять. И записать! Чтобы потом не говорили, что говорить нечего.

— Значит, три тысячи с нас?

— Два нарушителя, значит, два штрафа. Вот крышка, между сиденьями. Открыть можешь? Вот и открой. И туда, это самое, в общем.

— Вот мы шесть тысяч кладём. Спасибо вам большое!

— Так, Виталь, останови машину. Вылезайте, блядь, отпускники.

Топор любви

Осенью 1991 года я спешил к метро «Университет», чтобы успеть на один из последних поездов в сторону центра. На другом конце города меня ждала возлюбленная, в кармане лежал коробок с травой, попадаться ментам не стоило. Когда я пробегал мимо сквера возле кинотеатра «Прогресс», моё внимание привлекли шум и мельтешение меж стволов. Я остановился, пригляделся...

И с внезапным ужасом разглядел мужчину с топором в руке, преследующего во мраке женщину с криком: «Убью, сука! Стоять!» Он замахивался и рубил топором воздух, женщина на полкорпуса опережала безумца и тоненько, но отчетливо визжала: «Спаси-и-и-ите!» Я растерялся. Бросаться между ними было опасно. Просто уйти тоже нельзя. Парочка носилась между деревьями по сложной кривой.

Я поспешил к телефону-автомату, набрал «02». «Дежурная слушает!» — «Здесь мужчина с топором грозитя женщину убить. Ломоносовский проспект, дом такой-то!» — «А вы сами кто будете?» Наученный горьким опытом, что в таких ситуациях нельзя говорить: «Я простой прохожий», я отрапортовал: «Меня зовут Сидор Сергеевич Сумароков, живу в том же доме, квартира 7, второй этаж, все происходит прямо под окнами!»

«Выезжает к вам наряд!» — сказал женский голос в трубке. Я выглянул из-за угла. Мужик всё ещё был там, остановился, опустил топор, тяжело дыша. Казалось, он совсем рядом — руку протяни, отрубит. Женщина отбежала чуть подальше и замерла

в темноте, смутно белело лунное пятно её лица. «Бо-орь! — крикнула она. — Успокоился хоть?» — «Сука, падла, шлюха, гнида!» — взорвался мужик, воздел секиру и бросился за ней.

Я посмотрел на часы. Было без двух минут час. Коробок с коноплём жёг карман. Ментов дожидаться было никак нельзя! В данной ситуации я больше ничего не мог сделать. Отделение там находилось совсем рядом, меня туда пару раз забирали, им было ехать — раз плюнуть. И когда вдали замерцала наконец мигалка заворачивающего в проулок ГАЗика, я вздохнул и со всех ног бросился ко входу в метро.

Жи-иды-ы

Год 1987-й. Переход с «Таганской»-радиальной на «Таганскую»-кольцевую. Идём с волосатым коллегой после полуночи. Готовы, если что, к атаке неандерталов. Навстречу движется, покачиваясь, крупный экземпляр. Завидев нас, выворачивает наперерез, тяжело глядя исподлобья: «Жи-иды-ы...» — «Что?» — напряжённо спрашиваю я. «Жи-и-иды-ы...» — с ненавистью шипит неандертал. Волосатый коллега занимает позицию обороняющегося боксера: «Что надо, командир?» Самец человека с помутнённым сознанием делает мощное духовное усилие и выдавливает: «Жи-и-иды-ы-ы... Жи-и-идановская в какую сторону?» Была тогда станция «Ждановская», потом её переименовали в «Выхино». Показали ему направление. «Бля-а-а-а...» Ну, мы уже не напрягались. «Бля-а-а-агодарю-у!» — выдохнул он и пошатался дальше.

Бо-оря

В 1988 году в горьком городе Нижний Новгород накануне концерта группы «Зоопарк» Майк послал меня за пивом. Зажав в руке рубли из рук звезды рок-н-ролла, я поспешил. И всё удалось! Вскоре ящик ценнейшего в те годы напитка стоял за сценой летнего театра. Водка у музыкантов была своя. А на лацкане моей джинсовой куртки имелся самодельный значок

— я распатронил пластмассовое советское что-то, типа «Ну, погоди!» или «К борьбе за мир!» и вставил туда вырезанный ровным кружком из журнала «Ровесник» портрет БГ. Мне дали бутылку пива. «Эй, пионер! Кто это у тебя на значке?» — вкрадчиво спросил Майк. «Бо-оря!» — окнул я. «Бо-о-о-о-о-о-о-о-оря!» — громыхнул Майк. «Зоопарк» заревел. И сейшн потом был такой, каких сейчас не делают.

Запретная любовь

Во второй половине 1980-х я кое-как учился в старших классах советской школы. К нам пришла молодая учительница истории — сразу после института. История в те годы была очень интересным предметом! А учительница Елена Львовна была еще более интересная. Мой друг — одноклассник К. — сказал: «Я запал на училку!»

К. тусовался с фарцовщиками, имел — как в те годы говорили, капусту? — мани-мани на кармане. Как-то я в компании дружественных хулиганов пошёл в бар, боюсь соврать, в какой. В Центральном доме туриста? Нет, кажется, в другом месте, но где-то на краю Москвы. Там вдали за столиком сидели они — ученик и училка. Мы сделали вид, что не видим их, сами тут же принявшись обсуждать порнографическую сторону бытия.

Помню, незадолго до выпуска была дискотека — это вообще отдельная тема, цветомузыка, подпольная группа «НИИ Косметики», стилистика фильма «Эммануэль», сексуальность школьных дискотек конца 80-х, нижний брейк-дэнс, стиль робота и «девочки приглашают мальчиков». Мой одноклассник К. и Елена Львовна танцевали в полутьме. Её грудь обтягивала серая строгая блузка, а у него были американские джинсы.

Стоит ли уточнять, что их бурный роман продлился недолго. Пару-тройку месяцев после окончания нами школы. Меня-то вообще чуть не выгнали, я через дурку закосил аттестат. Но история не про это, а про запретную, товарищи, любовь.

ГУЛаг забыли

Москва. Еду в автобусе. Народ хмурый с утра. Рядом — пацан в спортивном костюме с нашивкой «ЦСКА. За нацию! За клуб!» и очень, ну очень мрачной рожей, зырит исподлобья. Пара работяг дремлют рядышком на одном сиденье. Старушки с кошёлками, дядька с золотыми зубами, мамыши с детьми, алкаш в огромной меховой шапке — дарагие маи масквичи, кароче.

Две бабушки разговорились, одна сидит совсем древняя, в очках с перевязанной чем-то вроде изолянты оправой, вторая пободрее, едет стоя и в какой-то миг говорит что-то вроде: «А сколько народу-то во время войны полегло, сколько мужиков поубивало, хорошо хоть, помнят про них!» Тут вторую старушку буквально перекрывает и она громко, на весь автобус, скрипучим голоском выдаёт: «Тех, кого на войне немцы убили, вон, целые списки переписывают, про них-то помнят, на каждом углу день победы да день победы, а только позабыли тех, кого родная страна погубила! Позабыли ГУЛаг, такую организацию! А она скольких наших же расстреляла да по лагерям сгноила, и что, кто их имена запишет на стене? А те, кто делал это, все квартиры отдельные получили да с телефонами!»

И тут произошло странное. Эту тираду УСЛЫШАЛИ ВСЕ. Бабушка в очках сказала и замолкла, её собеседница тоже замолчала, ошеломлённая. И по всему автобусу словно волна какая-то прошла. Пассажиры заволновались, стали оборачиваться, переглядываться. Работяги проснулись. Фанат рядом со мной стал губами жевать, взгляд его приобрёл подобие осмысленности, хотя менее мрачным не стал. Кто-то крикнул: «Ну, бабка!» Кто-то зло выдохнул: «Тебя бы саму в ГУЛаг!» Кто-то шепнул: «Всё правильно говорит...» Автобус остановился у метро. Бабушка слезла с кресла, маленькая, одежонка поношенная, еле ковыляет, но какая-то гордая, так и пошла, ни на кого не глядя. И молодая женщина бросилась помогать ей выйти из автобуса.

Хотя в целом ощущение, что большинство жителей в этом огромном, засможенном, примороженном городе погружены в тяжёлый духовный сон.

Радость

радость-то какая боже мой огурцы заквасились капуста заквасилась брусничной ягоды доложил и хорошо а по зиме солёенького хочется витаминной надбавки выйдешь из бункера пока бородатые не налетели в перерыве между погромами а с неба спутник русский светит лучом ангельским а ты стоишь в небо пялишься да и жамкаешь да снежком заедашь ах как хрустит хорошо на морозе смородиновый лист да с хренком а не то что в закрытом помещении вот я и говорю радость-то какая спасибо сами знаете кому что хоть и зимушка ядерная прямо как говорится а есть ещё соленья есть ещё запасы русские кухня наша славна традициями дедовскими тут и груздь солёный полезай в кузов пуза тут и яблочко мочёное да не в сортире ха ха как говорится прости господи слава перуну смерть пердуну а и клюквенная ягода а и можжевельниковый сбор ты сам-то умеешь квасить умеешь консервировать крышку завернуть чего надо для хрустоты добавить листа дубового чесночный зубчик а на холоде тянешь огненной водовки да закусишь помидоркой соёненькой сочной мякоткой внутри она алая словно заснеженная а кожица сходит с неё как с елды прости господи инсусе меня раба твово а и варенья добавить сладкого как без него как вечер не подсластить когда один в бункере только ветры снаружи гуляют 300 километров в секунду а ты ложкой варенье малиновое из банки глушишь снегу-то набрал да к котлу вскипятил воды да заварил сбор травяной алтайский целебный туда лимонника добавил да корень сибирской сам знаешь какие там мастера были живым закопают тебя а через семьдесят лет откапают нетленного всё от солений правильных да от трав наши деды знали спасибо сами знаете кому что так все у нас как и раньше складывается по лекалам предков да родины-матери слава правителю земному слава царствию небесному огурчик попробуй переломится пополам хрусть хрусть радость-то какая боже мой. Ъ

Елена Иноземцева

Испанский дневник

I. Письма на песке

Милая, здравствуй. Здесь снова зима.
Вызрел декабрь апельсином.
Воздух прозрачен. В пустом синема
пахнет рыбалкой и псиной.

Чайки бросаются с криками вниз.
Чайки и кошки и кроме
них — никого: последний турист
утром уплыл на пароме.

Я не уехал. За несколько лет
волн кругового набега
больше в глазах моих берега нет,
нет от беды оберега.

Море волнуется, горы сошлись
точно крестьяне на сходку.
Я не устал. Но кончается жизнь,
так же, как деньги на водку.

Милая, я не вернусь никогда.
Солнечной пылью запятнан,
замаскирую себя без труда
местным последним пиратом.

Пьяным напьюсь, упразднив падежи,
буду коверкать безбожно
славный испанский... А знаешь ли, жить
всё-таки можно.

Слушать до полночи чёрный прибой,
кутаться в куртку от ветра...

И не увидеться больше с тобой.
И не дожидаться ответа.

II. Дорога в Пегуэру

...Бесполезные виллы
растут, как грибы, из горы.
В городах этих пусто
и улицы будто мертвы —
все ушли на рождественский рынок,
над которым висит золотая звезда из гирлянд,
но не светит, не греет...
А та, что сильнее стократ,
заливает окрестности
белым полуденным светом...
Подниматься на горы, сомкнувшие остров корсетом —
с высоты их вершин
никогда не наскучит смотреть,
как целует солёное море солёную твердь,
как сжимает в объятьях
со страстью суровой и древней.
На закате входить
в голубые от неба деревни,
слушать колокол церкви,
пить кофе у розовых стен
и простую, как жизнь,
и такую же свежую воду.
Возвращаться назад
и предчувствовать — как непогоду
зверь предчувствует верным чутьём — нелюбовь.
Засыпать в черноте,
как в большой колыбели без снов.
Просыпаться за полдень
от визга газонокосилки...

III. Испанский дневник

уедем туда, где любимое слово — «маньяна»,
где русские женщины — сплошь Натали и Татьяны.
где солнце слипается, точно глаза у ребенка,
а завтрашний день — как засвеченная фотопленка.

уедем туда, где — ты это знаешь точно —
в старый отель никогда не приходит почта.
душ тебя душит струей с перегаром хлорки,
и на подушке томик Гарсиа Лорки.

в черную полночь, жгучую, как крапива,
ты мне прошепчешь, что жизнь все равно красива,
даже в такой невозможной дыре, как эта,
где на балконах простыни сушит лето,

где на обед и на ужин опять паэлья...
глазом луны, затуманенным, как с похмелья,
на побережье небо глядит циклопом,
и Одиссей путешествует автостопом.

споры любви, отравляющей воздух жаркий.
все перепутались нитки у нашей Парки.
карты истерлись, не отыскать дороги.
светит звезда, путеводная не для многих.

* * *

я входила к дикому зверю в клетку,
наливала чай, оставалась на ночь.
первобытное знание древних предков
об опасности забывала напрочь.
я ему подставляла свои ладони,
чтобы он их ласкал огрубевшей шерстью.
может быть, убьет может быть, прогонит —
я не думала, не боялась... вместе

с этим зверем мы пили, бывало, пиво,
рассуждали с ним на больные темы.
мне казалось даже, что я любила,
мне казалось, он тоже — возможно, тем он
и бывал смущен: не спешил с расправой,
проявлял радушие, даже кротость
временами... и в пасти его кровавой
расцветал цветок — белоснежный лотос.

Слепое чувство

Это что-то такое — назвать нельзя.
Это — если зажмурить сильней глаза,
То послышится, будто в лесу, в ночи
Громко ухает филин и выпь кричит.
Это — сказки чужие, клише и спам.
Это — если с похмелья и ночь не спал.
Это — жизнь в приоткрытый дверной проём
Убегает стремительно, ё-моё.
И какой-нибудь умник (читай — урод)
Говорит назидательно: все пройдет.
А хотелось бы просто: принасть к плечу
И молчать, и молчать... и молчу, молчу...

Анатолий Гринвальд

Замире Селимхановой

* * *

в какой-нибудь уехать городок
Германии которого и вовсе
нет на карте
и по утрам там почту разносить
и не писать стихи. особенно — тебе

да так оно и будет я уеду
гитару взяв и постаревшего кота
себе в довесок. и непременно скорым
настолько скорым чтоб печали не догнали
меня в пути. ну и особенно — кота.

ведь он в тебя влюблѐн и он страдает
опять не ест четвёртый день — кто скажет: старость
не понимает ничего в любви
да, вероятно он умрѐт через неделю
а может ещё две иль три протянет
как это грустно — умирать. особенно — весной

а я в том городке на главпочтамте
взяв поутру газеты или письма
их буду разносить с душой и сердцем:
примите вашу почту фрау марта
открытка на сей раз из Аргентины
которую себе вы отослали сами
когда от смерти прятались в Кордове

я буду лучший в мире почтальон

Городок

Здесь ничего не происходит,
И так оно, должно быть, лучше.
Ложатся дни травой под ноги,
Не поспевая за идущим.

В домах, сооружённых наспех,
Вершатся маленькие тайны.
К ладоням льнёт лениво Каспий,
И тишины на всех хватает.

А ты опять с похмелья выжил...
Запишут, хрустнув, эти пальцы,
Что солнце пьяное за вишни
Всё хочет, но не может спрятаться.

* * *

Когда я умру, не печальтесь, —
Пусть даже самоубийство...
Увидев некрóлог в печати,
Не надо в истерике биться.

Когда я умру, купите
В продмаге дешёвой водки.
И выйдите за пиита...
И тихо скажите: «Вóт как».

Ведь это легко — простыть и...
Похоже на чёрный юмор...
Когда я умру, простите,
За то, что вот взял — и умер.

Как будто других нет занятий, —
В грехах предо мной не кайтесь...
Когда я умру, то знайте, —
Меня унёс анст. Аист.

Оставьте сообщение после сигнала

любила шопена и вальсы
(не съели и пуда натрия)
но платье твоё открывалось
как занавес в кинотеатре
и сердце стучало гулко
готово вот-вот оторваться
какая прекрасная кукла
какие движенья и грация
смотрели как птицы под вечер
кружили над этим городом
какая была доверчивая
но одновременно и гордая
с улыбкой и смехом Наяд
на кухне в ночной пижаме
какая была не моя
какая была чужая
и мы досмотрели кино
(навряд ли заценят в Каннах)
я помню твой номер но
титры бегут по экрану

Лига Гермеса

Он говорит — от тени своей не убежать, а я попытаюсь
Он добавляет — нельзя мечтать о том, что было с другими
А я мечтаю... про эгейское море... про афинскую девушку Таис
Но он мне кричит — не дойти — ни до Афин ни до Рима!
А я дохожу
стою гладиатором на арене
лицо суровое
Хочу что-то громко сказать
не выходит
голос с чего-то сильный
Но публика вроде довольна, аплодисменты сорваны
А в груди у меня меч и из раны на жёлтый песок всё рябины
сыплются

Мне всего-то ничего не нужно, быть может, маленький краешек озера

Поплавок для фиксации взгляда, губы для ежевечерней риторики

Но он мне скрипит зубами железными, тронутыми коррозией:

Это озеро — частная собственность! покиньте его территорию!

Не двигаюсь с места, и он вызывает полицию нравов

Меня обвиняют в притоносодержательстве и ещё в рифмовке наречий

Крутят руки, забирают шнурки из ботинок, бросают на нары

Утром ведут на расстрел, я немного боюсь и нервничаю

Здесь, моя девочка, стриженная под гавроша, я должен признаться не лицемеря,

Что такая концовка сюжета меня бы устроила

Но когда до моей головы пуле лететь останутся какие-то миллиметры,

Она превращается в бабочку

а ко мне приближаются трое

Из чёрной книги с золотыми буквами на обложке

Тот, который сын, смотрит на меня грустно, но уголки губ смеются

Двое других берут меня под руки (так здесь положено)

Со всех четырёх сторон пахнет сиренью и тихо играет музыка

А эти двое — они такие милые и вежливые

Эти двое не вышли ростом — всего лишь мне по плечу

А я чувствую себя пьяным, шатает, хорошо, что эти двое поддерживают

А я чувствую себя сильным — ещё немного — и полечу

Евгения Доброва

Воздух на все пуговицы

Берлинские уроки

1. Победила

В маленьком берлинском парке, где я сижу после занятий немецким, цветут тёмно-жёлтые герберы и чайные розы. Перебравшись через невысокое ограждение, их нюхают школьники: две турчанки-подростка и их маленький брат. Одна девчонка толстая, словно надутый пляжный мяч («Персик, не порть фигуру!»), однако же самая шустрая и активная. За пару минут дети освоили весь цветочный партер. Из пластикового ведра, где была, наверное, краска, они сделали барабан и лупят в него:

— Трам-там-там!

Благостная тишина парка попорана.

— Это что вы там устроили?! — раздаётся возмущённый окрик откуда-то справа.

Я поворачиваю голову и вижу старуху немку, вместе со своим дедком они сидят на соседней скамейке. Дедок непрошибаем, а у фрау хороший децибел: сразу определяю холерика.

— Музи-и-и-к! — нагло орет толстая девочка.

— Валите домой и там играйте! — кричит в ответ немка.

Эта пожилая пара дышит воздухом под сенью ив уже давно, они молча наслаждались своей тихой субботней прогулкой, сидели беззвучно и чинно, — но потом немка ка-ак заорёт!

Достали тут лазить!

Дети перестали стучать, но с газона не ушли.

Немка смотрит на них, поджав губы.

Маленькие варвары! Того гляди начнут рвать цветы!

Но они их не срывают, просто теребят, щупают, мацают лепестки роз — именно мацают, трогают не с любовью и не с любопытством, — эти маленькие хозяева района Новый Кёльн, самого турецкого в Берлине, явно дразнят немку. С кустов осыпаются сухие лепестки. Немка раздраженно качает ногой в старушечьем носке. Сейчас-сейчас у неё снова не выдержат нервы!

Или выдержат? Она первая пришла сюда, в этот парк, в этот город, в эту страну — и она не уйдёт!

Дети продолжают щупать розы.

Молодая энергия громогласна, она звучит на весь парк.

— А эта сломана!

— Это чайная роза, она мёртвая!

Подошли ближе. Ведро у них не из-под краски, а из-под попкорна. Здоровое такое ведро.

— Не трогайте прекрасные цветы! Я полицию вызову!

Во! Не выдержали-таки нервы у немки. Одна пока орёт, муж молчит.

— Ничего мы им не делаем! — кричит «персию».

— Шнауце ду! Заткнись! Закрой свою пасть!

Ничего себе лексика, думаю я.

— Сама закрой!

— Свины! Свины! Убийцы! — немцы орут уже оба.

Дети уходят.

Немка что-то тихо втолковывает мужу, голос у неё довольный. Победила. Парк снова её. Надолго ли?..

II. Можно и нельзя

Немцы встают со скамьи и идут проверять цветочные грядки. Нет, всё в порядке, дети ничего не сломали. Турецкие дети знают, чего нельзя, а что и как можно. Например, ездить без билета. Стратегия такая: папа стоит в конце вагона, а трое отпрысков пристраиваются возле разных дверей. Как только заходят контролёры, папа хлопает в ладоши и дети выскакивают каждый в свою дверь, чтобы всем успеть.

Фрау со своим дедком обходят парк по периметру. Чуть дальше люди вообще залезли на дерево, но это соотечественники и их человек десять, с ними не справиться.

Чувствую на себе взгляд, обращаиваюсь. Из-за ограды, к которой прилеплена автобусная остановка, за мной наблюдает молодой краснорожий хлыщ; стоит, посасывает пиво. Сейчас я уйду, потому что мне уже пора, а он подумает, что из-за него.

До метро добираюсь пешком. Новый Кёльн захватывает архитектурой, но — турки! Точнее, турецкая молодежь. Столько мелких пакостей у них в арсенале. Эпизод: платформа U-Bahn, на скамейке тусуется стайка тинейджеров. По перрону идет девушка, с пяти метров к ней подлетает пацан и с разгона орёт ей в лицо:

— Гав!

— Что за фак! — отвечает она, не особо смутившись, и продолжает свой путь.

Свора хохочет. Пацан возвращается на скамейку.

Ещё эпизод. Торговый центр Нового Кёльна. В отделе женского белья вытаскиваю из кипы кружев и атласа затейливый пеньюар. Ко мне подходит мальчик, что-то говорит, но я не понимаю. Потом доходит, что он спрашивает, сколько стоит вещь. От какой-то странности ситуации отвечаю ему по-английски:

— Я думаю, тридцать евро.

И он, этот маленький засранец, кричит:

— Ю! Ты! Это ты столько стоишь!

Младенец даже не знает, насколько его устами глаголет истина, а русский банковский клерк рассказал бы ему о визуальном скрининге, который применяется, помимо анкетирования, при рассмотрении заявки на кредит. Согласно формуле кредит-менеджеров, сумма, на которую одет человек, равна сумме его месячного дохода.

Поэтому моя рука замирает в воздухе — и не отвечает парню подзатыльник.

— Бай-бай! — кричит изверг и убегает.

Воздух на все пуговицы

Вот уже битый час я пришивала пуговицы к воздуху.

«Когда учишь иностранные языки, нужно лепить, — сказала мне подруга лингвист. — Или заниматься любым другим

рукоделнем: мелкая моторика способствует развитию языковых центров».

Я устроилась за круглым бидермайеровским столом и делала дизайнерские кольца. Для этого требовалось прошить ниткой крест-накрест четыре пуговичные дырки, а потом приклеить пуговицу на грошное бижутерийное колечко, откуда предварительно был выковырян пластмассовый камешек.

Манипуляция с ниткой обязательна: получается, будто бы прямо к кольцу и пришито. Ну, клей из дырочек не полезет, раз там нитки. И вот сидишь и прошиваешь эти пуговичные дырки крест-накрест. Со стороны это выглядит странно.

— Что ты делаешь?

— Пришиваю пуговицы к воздуху. Теперь он сможет застёгиваться. И расстёгиваться.

Если застегнуть воздух на все пуговицы, он станет официальным, как на королевском приёме; а если расстегнуть — то ноншалантным, как на приморском бульваре.

Последний раз я очень давно была на таком бульваре. И всё равно на море летом не поехала, а поехала в Берлин учить немецкий. И не пожалела. Где ещё такой воздух, к которому пришивай да пришивай?

Твой день начинается с того, что читаешь в учебнике, как двадцатипятилетний парень из Гамбурга бреет воздушные шарики — и ни один, заметьте, не лопнул! На странице фотография юного цирюльника со своим объектом: связка шаров в мыльной пене, напоминающих мороженое-пломбир.

Потом приходят гости, м + ж, она взахлёб рассказывает, как петербургские дворянки отправляли в Лондон бельё в стирку: настоящие женщины! Представьте, вот такое богопроявление!

— Богопроявление?

— Конечно. Если здесь это всё проявляется, значит, там — она указывает на потолок, — это всё есть!

Её спутник разглядывает рыбок в аквариуме, а за обедом среди прочего говорит:

— Я вот думаю: я на спорт хожу. Я же душ принимаю! Зачем дома воду тратить?!

За окном раздаётся громогласная речь — кто-то говорит по мобильнику:

— А я из-за этого спать не могу! Это действует на меня интенсивно! Вы ещё в конце месяца обещали зарплату!

Соседи снизу начинают играть на скрипке «Времена года» Вивальди.

Прибегает хозяйская дочка и спрашивает, где её украшение в виде розового пирожного.

На дворе безостановочно орёт автосигнализация, а возле машины стоят и разводят руками трое полицейских.

И тогда ты застёгиваешь воздух на все пуговицы.

Потому что утром тебе рано вставать и идти в школу рассказывать про побритые шаррики на немецком языке.

Ночью, ворочаясь в постели, ты слышишь собственный голос:

— Кому ещё колец? Кому воздух прошить? Заказывайте!

Национальный изюм

«И гауды, пожалуйста, грамм двести...»

Тебе нужно триста, а говоришь — двести. Ты в России. Продавщица кидает сыр на разделочную доску. Её нож взлетает, как дирижёрская палочка, одно точное движение — кусок сыра в три пальца толщиной отрезан и отправлен на весы.

Загораются зелёные цифры: 296.

«Чуть-чуть побольше вышло — возьмёте?» — «Хорошо, давайте». Эти тётки советской продмаговской закалки просто ювелирно, прецизионно отрезают на сто граммов больше. Они на проценте с продаж.

Главное, первая цифра — двойка. Глаз-алмаз.

Если ты выпал из контекста, отвык за лето, катаясь по Европе, или просто забыл — на упреждение — отбросить лишнее, то теперь переплатишь.

С одной стороны, ты чувствуешь себя слегка обманутым, а с другой, не хочешь вступать в дискуссии по поводу каких-то там 96 граммов — с поджатыми губами тётка, конечно, сделает как надо, но тогда ты вроде как её обижаешь этой процедурой.

И ты соглашаешься, берёшь и уходишь: ладно, в салат потру.

Она тебя сделала.

Чудно́ это после Германии с её манерой пунктуальности и после Польши, где шаг взвешивания не 50 граммов, как у нас, а десять, «дека». « Попрошу два дека». Двадцать граммов, значит. Тебя ещё спросят: порезать? А что делать, если балерон в мясном бутике стоит 15 евро за килограмм, а месячная зарплата — 400 евро. А хочется. *Эх, два кусочка колбаски у тебя лежали на столе...*

Поляки вообще склонны к уменьшениям (и приуменьшениям). Подписи на документах у них убористые, иногда просто бисерные — а российский росчерк если взять, особенно какого-нибудь начальника милиции или паспортного стола, так он на пол-листа.

На вопрос «как дела?» русский ответит:

— Более-менее.

А поляк:

— Менее-более. (*«Mniej-wiecej»*.)

Язык не обманет. Однажды у писателя Андрея Битова поинтересовались: кто всё-таки главнее в русской литературе, Достоевский или Толстой? На что Битов сказал: «Ответ — в языке. Мы как говорим? «Толстой и Достоевский». Мы не говорим «Достоевский и Толстой». Язык умнее нас».

Можно было бы возразить: так проще по ритму; но нет, «Лер-мон-тов-и-Пуш-кин» звучит гораздо чётче, это чистый хорей, однако же — «Пушкин и Лермонтов».

Но — к сыру. Много у нас ещё странных традиций. Мужчины могут идти в обнимку — и при этом они не ген. Выпили они!

Или время, например. Русский назначает мероприятие на 19:00, и немец назначает на 19:00. Русский имеет в виду: раньше этого времени не начнём точно. Немец имеет в виду: позже этого времени не начнём точно.

Или приглашает, например, нью-йоркский мачо московскую девушку поужинать в ресторан. Американский культурный код: на самом деле это приглашение в постель, а если она за время ужина понимает, что мачо не очень-то ей нравится, или другой смс-ку прислал, — тогда она сама за себя платит, и это значит: никакого секса, только дружба между нами.

Русский культурный код: правило трёх свиданий. Раньше третьего свидания не давать. И если она пойдёт с американцем в их первый вечер в ресторан (и платить за себя, конечно же, не станет), то он будет в недоумении, почему обещала и не дала, а она — почему нет второго свидания, ведь на третьем она точно решила дать.

Другой российский культурный код: если мужчина не перезванивает после ночи любви, вычеркни его из своей записной книжки.

Ты рассказываешь об этом своей латвийской подруге, а она очень удивляется и говорит: «После ночи любви я ещё никого не записываю!»

Потом рассказываешь американцу, а он с испугом: «А я тебе звонил?!»

Ну и о политике. Телефонируют в воскресный день родители и спрашивают: «Ты в Москве? Выборы сегодня. Иди и проголосуй за Навального». — «Извините, — отвечаешь ты, — но я не могу выполнить вашу просьбу». — «Мы редко тебя о чём-то просим; иди и проголосуй».

В ответ ты можешь сказать, что в Финляндии, допустим, даже спрашивать, за какую ты партию, неприлично. Интимнейшее дело. Какое там — проголосуй!

Зато скандинавы могут подарить тебе гроб, если ты неизлечимо болен, от души и чистого сердца: инверсное отношение к смерти, они её не боятся.

Так давайте посадим русских, американцев, немцев, латвийцев, поляков и финнов за стол и выпьем за то, что сейчас пока нет войны, открыты границы и мы столько всего интересного друг о друге узнали.

Люблю твои мяски

Сварила минестроне на вермуте, заправила фисташковым маслом. Из лесных орехов вообще-то вкуснее, чем фисташковое, но, когда я их покупала, я и понятия не имела, какие они на вкус, и взяла разных, и вот из лесных орехов кончилось первым, а фисташковое осталось. Масло это в цилиндрической таре,

железной, похожей на аэрозольный баллончик, — как спрей для обуви или химия какая бытовая. Сзади на этикетке написано «Ранска» — Франция по-фински, в Сомюре отжали. В России мне подобное не попадалось, ну я и купила в Хельсинки сразу шесть штук этих банок, полтора литра в совокупности. Упаковала в чемодан, одну к одной, такой компактной связкой, и сдала в багаж в аэропорту Ванта. На прилёте — ручка чемодана в синем скотче с какими-то сигнальными отметками. Открываю, там записка от финских погранцов — покопались у вас тут, ничего не взяли. За связку гранат эти жбанки с маслом приняли на рентгене. Кроме них в чемодане лежала пара книг, дорожный утенок и много кружевных трусиков — я со свидания ехала тогда. Меня, как помню, вполне устроил этот образ русской путешественницы глазами финских таможенников. Ещё я подумала — правильно, что не закрываю на код чемодан: если из-за каждой банки будут к нему с посадки выдёргивать, это ж с ума сойти. А так — сами посмотрят, успокоятся, шильдик приклеят.

Второй раз я возвращалась с таким же маслом и по такому же поводу через год. Чемодана у меня уже не было, была здоровая матерчатая чёрная сумка — шопинг-бэг, — она была мягкая, и, чтобы устаканить банки с маслом, я поместила их в обувную коробку — из России в ней приехал в Данию (которую баба Яга пролетала на помеле) заказ друзей: пена для ванн (в Копенгагене нету), шоколадные конфеты фабрики «Красный Октябрь» и бутылка московского коньяка, — так вот, я сложила масло в эту коробку и поставила её в сумку на попу, чтобы масло ехало стоймя. На торце коробки я сама написала пограничникам записку: ребята, здесь масло ореховое, осторожно открывайте! Написала я это по-английски, допустив сразу несколько орфографических ошибок — я из тех, кто делает четыре ошибки в слове «восемь», и чем больше учу языков, тем больше элементарных ошибок, например, люди все чаще ходят у меня *по улицах, по травах и по вагонах* (польский «вплыв»). Мне это всё забавно, потому что я в России десять лет корректором работала, вычитывала миллион знаков в месяц, три толстых журнала примерно, четвёртый мне уже не давали, за качество боялись: перегруз. А я злилась, мне хотелось побольше заработать. А теперь смешно, в гробу я

видала всю эту орфографию, это только для переводчиков важно, чтобы слова были написаны правильно, потому что если с ошибкой, а ты не знаешь, словарь тебе — фигу, гугл — фигу, и, пока туземец не придёт на помощь, будешь тыкаться как слепой котёнок и материться кучерявым воронежским матом. Или сиди гадай, переставляй буквы. Приходит мне, допустим, из-за границы смс-ка: *lublju, zeluju vse moi ljubimie meats*. То есть явно человек хотел написать *mesta*, а написал — *meats*, «мяски». Люблю, и обожаемые мяски целую. Ну это же гораздо круче, чем места!

Коробку с ошибками погранцы проверять не стали. Сняв в Шереметьево сумку с багажной ленты, я уже приготовилась прочитывать ответ, но ни записки, ни спецнаклеек не было. Я поправила купленный в дьюти-фри длинный узорчатый шарф, вязанный в два слоя, от ледяного, до костей пробирающего скандинавского ветра, и поспешила домой варить огненное пьяное минestrоне на ореховом масле. **¶**

Москва — Берлин, 2012 – 2014

Анна Нежная

Погладить фарфор

Берлин — город многоликий. Неосведомлённый турист устремится здесь с одинаковой вероятностью в сторону Бранденбургских ворот и тусклого, перекопанного Унтер-ден-Линден, чинного безликого Ку'дамма с бутиками и замка Шарлоттенбург, похожего на роскошную конюшню. Более прошаренный турист закинется чем-нибудь интересным и пойдёт исследовать район Кройцберг и клуб Бергхайн (я обязательно расскажу про Бергхайн, как только закончу этот семестр. В противном случае есть вероятность его не закончить). Но всякий, кто так или иначе здесь окажется, обязательно наткнётся на шизофреников. Особенно много их в метро — периодически подходят и рассказывают истории из жизни. Некоторые на английском, но мне пришлось выучить немецкий, чтобы понимать их на языке оригинала. Очень захватывающе!

Хороший, качественный шизоид — явление редкое. Выбор, конечно, богатый — берлинских психов отпускают показаться на трамвае и съесть мороженку в обеденный перерыв. В очередной раз на отборного шизофреника я наткнулась, посетив культурное мероприятие под названием Gallery Weekend. Это событие отличается мощнейшей концентрацией хипстеров, яппи и шизоидов на один квадратный метр.

В шизофреническом эпизоде того вечера быстро темнело, галерейный уикэнд подходил к концу. В районе Митте закрывались, одна за другой, стеклянные двери галерей, уставшие владельцы разбредались по соседним барам. Туда же стремилась и наша небольшая компания (от искусства у всех изрядно пересохло в горле), как вдруг мы набрали на приветливо распахнутые двери и коллекцию забавных фарфоровых предметов.

Я зашла внутрь первая, намереваясь уделить секунд восемь композиции с фруктами и примерно пятнадцать секунд — динозавру. Ещё там была классная черепаха. Внезапно, как чёрт из коробочки, из подсобного кабинета выбежал хорошо одетый мужчина средних лет с диким взглядом:

— Потрогайте это! Не стесняйтесь! Да ПОТРОГАЙТЕ же! — закричал он на меня. По-моему мнению, тактильные ощущения — не самое главное, когда дело касается искусства. Я робко провела пальчиком по фарфоровому панцирю тортилла. Мужчина не успокоился.

— Вы должны взять это в руки! Давайте же, смелее! Это фарфор, и его НАДО трогать, — убеждённо произнёс он, уже жонглируя парочкой *objet d'art*. — Всё необходимо непременно, обязательно исследовать только осязательно!

— Вы что, психиатр? — вырвалось у меня.

— Нет, всего лишь психотерапевт, — тонко улыбнулся странный галерист. — Отдал свой офис под выставку знакомой. Не правда ли, отличная идея?

Он представился, кажется, Сергеем, а фамилию назвал длинную и немецкую, с приставкой «фон». Такая бывает у баронов и других аристократов, такая была у Отто фон Штирлица. Который вёл себя намного, намного сдержаннее. На запыстье у Сергея тускло поблёскивали золотые Omega, его офис-галерея отличалась скромной роскошью.

Мы поинтересовались, пятась к выходу, успокаивает ли пациентов созерцание прекрасного.

— О да! Вы даже не представляете, как важно, как необходимо иногда осязать, гладить предметы искусства! В особенности фарфор, он просто создан для этого! — И тут дядюшка Фрейд демонически захохотал.

Статуетки жалобно задрезжали, черепаха готова была убежать под стол. Мы поспешили ретироваться в бар на соседней улице, чтобы успокоить распалившиеся нервы. Однако после аперитива стало ясно, что сеанс психотерапии не закончен. Внезапно за нашим столиком снова возник психоман Сергей — кажется, он крался следом. Заблокировав пути к отступлению, он с размаху заказал всем по апероллю и продолжил развивать

теорию фарфоровых заговоров. Минут через пятнадцать я снялась с якоря, сославшись на внезапную встречу, и убежала через чёрный ход куда глаза глядят.

Наутро я первым делом позвонила главной берлинской сплетнице — терзало любопытство, откуда всё-таки берутся подобные психоманы.

— Кажется, вконец обнюхался... современного искусства, — задумчиво ответила она. — Он же всегда был адекватнейшим из психоманов, этот психоман. Но — гладить фарфор?

И я вот тоже думаю, гладить фарфор? Думаю и терзаюсь любопытством. А что если записаться к нему на сеанс психоанализа? Наверняка это будет волнующе.

Тирр: Не стоит путать психа берлинского обыкновенного с представителями разномастной русской эмиграции. Дело в том, что на вольном берлинском воздухе каждый/каждая стремится почувствовать себя кюнстлером (художником в широком смысле этого слова). Если индивидуум выкрасил/а себе ногти в жовто-блакитные цвета, вылез/ла на сцену и читает стихи собственного производства, это ещё ничего не значит. Скорее всего, просто мимикрирует, и при этом не совсем удачно. К разнообразным кюнстлерам из той же среды, сбрывающим брови и пишущим картины причинными местами, наглотавшись амфетаминов, тоже не стоит относиться серьёзно. Настоящий, сертифицированный псих имеет полное право на уютный стационар в тихой лесной глуши и пенсию от немецкого правительства. А нам такое и не снилось. Пока ещё. **¶**

Georg Heym
(1887 – 1912)

Die Tänzerin in der Gemme

Lange verschlossen, tief im runden Steine
Mit einem Trauerbaum und wenig Zweigen,
Noch dreht sie um den Hals den sanften Schleier
Und geht in leisem Tanz in stiller Feier.

Immer noch fort, wo schon die Götter starben
Über den Inseln, und draußen gezogen
Ist das Meer unter schläfrigen Wolken,
Unter den Ufern murrte die Woge.

Orpheus ging einst. Und sie sann seiner Schritte
Durch die Schluchten herunter zur stillen Ebene
Da sie lag im Schilf mit den wolligen Herden.
Aber ferne ging die Flöte des Gottes.

Über der grünen Ruhe der toten Fluren,
Die so einsam sang ihre Traurigkeit,
Grauen Gewölben, über den Weiden weit,
Wo die Tiere lagen mit tiefem Hörne.

Георг Гейм
(1887 – 1912)

Перевод Леонида Бердичевского

Танцовщица в гемме

Глубоко врезана в круглый камень,
Где облик древа почти без веток.
В шарфе из газа, — он виден в гемме,
Светло танцует, как лёгкий ветер.

Вперёд и дальше, где смертны боги,
Сквозь поле, рощи, — тропой лесною.
Вот море плещет, вот край дороги,
Вот берег гулко ворчит волною.

И встретив как-то в пути Орфея,
Шла у ущелья, где брег отлогий.
Там отдохнула, благоговя,
Под звуки флейты красавца-бога.

Здесь место мёртвых, средь нив зелёных,
Что над судьбой их рыдают вечно.
Свод серый низко лежит на клёнах,
И скот пасётся, жуя беспечно.

Ricarda Huch
(1864 – 1947)

Auf der Brücke

Auf jener Brücke standen wir,
Mein Lieb und ich alleine,
In eins geflossen fanden wir
Die erst getrennten Rheine.

Nacht war es, und wir standen still
Auf der verlaßnen Stelle,
Der Träne gleich, die fallen will,
Bewegte sich die Welle.

Die Berge ragten groß und weit
Wie Rächer unsrer Fehle;
Vernichtend lag die Einsamkeit
Auf dein und meiner Seele.

Рикарда Хух
(1864 – 1947)

Перевод Леонида Бердичевского

На мосту

Мы стояли на Старом мосту, –
Я с Любовью. Совсем одиноки.
Провалили себя в темноту,
И тонули. Как в Рейне притоки.

Мост — случайный, но зябкий приют.
Тишиной угостила нас полночь.
Только слышалось: что-то поют
И рыдают неистово волны.

Мост зажат великанами гор,
Высота их нам головы кружит...
Одиноки остались с тех пор, —
Пустота начинила нам души.

Hermann Hesse
(1877 – 1963)

Ravenna

Ich bin auch in Ravenna gewesen
Ist eine kleine tote Stadt;
Die Kirchen und viele Ruinen hat,
Man kann davon in den Büchern lesen.

Du gehst hindurch und schaust dich um,
Die Starssen sind so trüb und nass
Und sind so tausendjährig stumm
Und überall wächst Moos und Gras.

Das ist wie alte Lieder sind.
Man hört sie an und keiner lacht
Und jeder lauscht und jeder singt
Hernach daran bis in die Nacht.

Герман Гессе
(1877 – 1963)

Перевод Леонида Бердичевского

Равенна

Я приехал к тебе, Равенна.
Показалось мне: город мёртвый.
Но красоты твои нетленны,
И веками они не стёрты.

Я слышал на улицах тихих
Твоё трепетное дыханье,
И толпы торопливой лихость,
Развалин твоих скрежетанье.

Щемящих мелодий, Равенна,
Звук насмешек шумных и вздорных.
Сложился во мне постепенно
Твой образ живой. Бесспорно.

Kurt Tucholsky
(1890 – 1935)

Augen in der Grosstadt

Wenn du zur Arbeit gehst
am frühen Morgen,
wenn du am Bahnhof stehst
mit deinen Sorgen:
da zeigt die Stadt
dir asphaltglatt
im Menschentrichter
Millionen Gesichter:
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider -
Was war das? vielleicht dein Lebensglück...
vorbei, verweht, nie wieder.

Du gehst dein Leben lang
auf tausend Straßen;
du siehst auf deinem Gang, die
dich vergaßen.
Ein Auge winkt,
die Seele klingt;
du hast's gefunden,
nur für Sekunden...
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider -
Was war das? Kein Mensch dreht die Zeit zurück...
Vorbei, verweht, nie wieder.

Курт Тухольски
(1890 – 1935)

Перевод Анны Давидян

Глаза большого города

Когда с утра идёшь
ты рано на работу
и электричку ждёшь,
тая в душе заботу:
в воронку города
течёт без ропота
безмолвный батальон —
покорных миллион:
Взгляд мимолётный незнакомых глаз,
узор таинственный брови, зрачка и века —
Возможно, это был ваш звёздный час...
Но прочь глаза! И нету человека.

Бредёшь по жизни
Тысячью дорог;
Встречая тех,
с кем будешь одинок.
Глаза горят,
В душе заряд;
ура — нашёл!
но сон прошёл...
Взгляд мимолётный незнакомых глаз,
узор таинственный брови, зрачка и века —
Возможно, это был ваш звёздный час...
Но прочь глаза!
И нету человека.

Du mußt auf deinem Gang
durch Städte wandern;
siehst einen Pulsschlag lang
den fremden Andern.
Es kann ein Feind sein,
es kann ein Freund sein,
es kann im Kampfe dein
Genosse sein.
Er sieht hinüber
und zieht vorüber ...
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider -
Was war das?
Von der großen Menschheit ein Stück!
Vorbei, verweht, nie wieder.

Судьба твоя — идти
сквозь толпы городские,
А на твоём пути
встречаются чужие.
И каждый мог бы быть
наперсником тебе,
врагом, товарищем,
соратником в борьбе.
Окинул взором молчаливо
на миг — и снова мимо... мимо...
Взгляд мимолётный незнакомых глаз,
узор таинственный брови, зрачка и века —
Возможно, это был ваш звёздный час...
Но прочь глаза!
И нету человека.

Theodor Fontane
(1819 – 1898)

Die Alten und die Jungen

«Unverständlich sind uns die Jungen»
Wird von den Alten beständig gesungen;
Meinerseits möcht ich's damit halten:
«Unverständlich sind mir die Alten.»

Dieses am Ruder bleiben Wollen
In allen Stücken und allen Rollen,
Dieses sich unentbehrlich Vermeinen
Samt ihrer »Augen stillem Weinen«,

Als wäre der Welt ein Weh getan -
Ach, ich kann es nicht verstahn.
Ob unsre Jungen, in ihrem Erdreisten,
Wirklich was Besseres schaffen und leisten,

Ob dem Parnasse sie näher gekommen
Oder bloß einen Maulwurfshügel erklommen,
Ob sie, mit andern Neusittenverfechtern,
Die Menschheit bessern oder verschlechtern,

Ob sie Frieden sä'n oder Sturm entfachen,
Ob sie Himmel oder Hölle machen -
Eins läßt sie stehn auf siegreichem Grunde:
Sie haben den Tag, sie haben die Stunde;

Der Mohr kann gehn, neu Spiel hebt an,
Sie beherrschen die Szene, sie sind dran.

Теодор Фонтане
(1819 – 1898)

Перевод Анны Давидян

Старики и молодёжь

«Нам никогда не понять молодых», —
Только и слышится от пожилых;
Хочется сразу на это сказать:
«Мне пожилых ни за что не понять».

Это желание быть у руля,
Судьбы вершить на планете Земля,
Важность большую себе придавать
и незаметно слезу утирать,

Словно виновен в их грусти весь мир -
Нет, не понять мне подобных придир.
Как молодёжь в непочтении сущем
Сможет дарить человечеству лучшее,

И заберётся ль она на Олимп —
Или заблудится в будней пыли,
Сможет ли мир изменить сгоряча
Или разрушит его невзначай,

Что принесёт она — рай или ад,
Мир иль войну, новый взлёт или спад
Только одно уже ясно для нас:
Время настало, пришёл её час;

Мавр, уходи, вновь игра начинается,
Молодость правит, и жизнь продолжается!

Алина Бронски: Язык для меня служит скорее прикладным инструментом

Алина Бронски родилась в 1978 году в Свердловске (СССР). Уехала в Германию ещё в детстве. Училась в университете, в дальнейшем работала в газете «Darmstädter Echo». В 2008 году вышла её первая книга — роман «Парк осколков», за ней последовали ещё три романа и две детские книги (см. библиографию в конце интервью). Вышедший в 2015 году роман «Последняя любовь бабушки Дуни» попал в длинный список Немецкой книжной премии (Deutscher Buchpreis).

«Берлин. Берега»: Начнём с вашей авторской самоидентификации. Как бы вы себя могли охарактеризовать: русский автор, пишущий по-немецки, или всё-таки немецкий автор?

Алина Бронски: Этот вопрос, который мне задают нередко, обычно ставит меня в тупик. Люди всё-таки нечасто занимаются самоидентификацией. Я не задумываюсь, кто я именно. Но если меня всё-таки заставить об этом поразмыслить, то я, наверное, не смогла бы себя назвать просто немецким автором. Всё же есть некоторая разница между авторами, родившимися в немецкой среде, выросшими тут, и теми, кто рос в других странах. Наверное, я — автор, пишущий на немецком, но с русскими корнями. Но при этом лично для меня это роли не играет.

Логично в связи с этим предположить, что вы не задумываетесь о своей национальной идентичности?

В отличие от авторского самоопределения, этот вопрос намного более личный и при этом более сложный. Национальная самоидентификация в моём случае вещь переменчивая. Иногда мне кажется, что я русская, в некоторых случаях я называю себя немкой. Иногда чувствую себя ближе ко всему славянскому, иногда — европейскому. Но, опять-таки, редко этим вопросом задаюсь.

У вас есть и книги для подростков, и «эмигрантская» проза, а ещё говорят, что вы представляете развлекательную литературу. К какому жанру вы бы отнесли себя?

Жанр определить действительно сложно, хотя вопрос и очень интересный. Принадлежность к определённому виду литературы важна для продаж — чтобы издательство знало, как подать книгу, чтобы в книжных магазинах для неё нашлось место. Моему издательству, моему агенту вряд ли бы понравилось, если бы я постоянно пыталась менять жанр, даже если лично мне как автору это было бы интересно. Но рынок требует определённой ясности. Рынок «приветствует», когда автор публикует то, в чём уже преуспел, нежели когда он пишет немного здесь, немного там. Когда я работаю над очередной вещью, я не могу игнорировать вопрос, а заинтересует ли это ещё кого-либо. Важно, чтобы читатели могли всё это понять и принять. При этом считается, что они не очень любят перемены и сюрпризы.

Во всех интервью вы подробно рассказываете о русской жизни — если вас спрашивают. А сейчас расскажите, пожалуйста, немного о «своей» Германии.

Детали, если честно, я не очень помню. Мы приехали с родителями в Германию, я пошла в школу, пыталась понимать домашние задания, много читала со словарём и жадно впитывала нюансы разговорной речи. Но сам процесс адаптации настолько постепенный, что его трудно почувствовать и описать. В какой-то момент мне начало казаться, что я понимаю больше, дальше — практически всё. Потом мне стало важно избегать ошибок — речь идёт не только о языке, а вообще, хотя язык тут играл важнейшую роль, чтобы не чувствовать себя чужим в чужой стране. И в один прекрасный день я поняла, что более-менее разбираюсь в немецкой повседневной жизни, что мне многое близко и знакомо.

Хорошо ли вы знакомы с современной русской литературой?

Весьма плохо. В последнее время я перечитывала классику. Иногда моя мама, которая более внимательно следит за этим, мне что-то рекомендует.

Тот же вопрос о современной немецкой словесности.

Я стараюсь не делить литературу по национальному признаку. Если кто-то очень хвалит книгу, или я о ней слышу много хорошего, то стараюсь её найти и прочитать. Но вопрос, почему эта книга мне интересна и я хочу её прочитать, меньше всего связан с тем, на каком языке она была написана. При этом я, конечно, стараюсь читать русские, немецкие и английские книги в оригинале.

Влияет ли на вас сейчас современная литература?

Влияние оказывает, конечно, всё. Любой человек, любая книга — особенно если она произвела впечатление — оставляют свой отпечаток, может быть, бессознательный. Но такого, чтобы мне обязательно хотелось реагировать на какие-то веяния, походить на кого-то или наоборот отталкиваться от кого-то — такого нет. Хочется делать то, что другие авторы пока не охватили, что-нибудь новое...

Сказались ли на вашем писательском опыте собственное медицинское образование и опыт работы копирайтером?

Думаю, да. Любой опыт влияет на то, что автор пишет. Опыт копирайтерства, как и журналистский, был важен тем, что я впервые в жизни пыталась сознательно работать с формулировками. Это неплохая школа для любого писателя. Мой медицинский опыт, если его вообще можно так назвать, весьма небольшой. Я провела на медицинском факультете всего несколько семестров, это очень мало. Но тем не менее на меня всё произвело большое впечатление и поддержало общий интерес к медицинским темам и естественным наукам.

В интервью Deutsche Welle в 2011 году вы говорили, что русский язык для вас — язык семейного и домашнего общения. Изменилось ли что-то сейчас?

Существенно не изменилось. Всякий раз, когда возникает необходимость говорить по-русски с незнакомыми людьми (к примеру, давать интервью), мне приходится брать некий

психологический барьер. Это я делаю с большим удовольствием и сознательно, но факт — удобнее и легче мне было бы говорить по-немецки. Ведь проще делать так, как тебе привычнее.

А писать по-русски — не в бытовом понимании, а в художественном — вы не пытались?

Я начала учить немецкий в возрасте почти тринадцати лет и до того, конечно, я всё делала по-русски, в том числе писала — точнее, пыталась имитировать любимых авторов. Для меня это было важно. Но сейчас переключаться на русский было бы неестественным ходом. Я знаю, что по-немецки мои книги будут публиковаться, продаваться, читаться. Россия для меня отдалась настолько, что если бы я вдруг начала писать по-русски, то непонятно, кто бы этим заинтересовался. Таких же возможностей я как автор вряд ли бы получила.

Но иногда слова или мысли сами, извините за банальность, просятся на бумагу или на монитор, и иногда они идут то на одном языке, то на другом. То есть некоего физического стремления написать что-либо на русском у вас нету?

Действительно, такой потребности нет... Для меня начальная точка текста — когда появляется стремление сесть и что-то написать. Первым делом появляется то, что хочется рассказать — есть какая-то тема или персонаж, а язык служит скорее прикладным инструментом. Нет такого, чтобы я купалась в словах и наслаждалась собственным текстом. Я просто пользуюсь языком, чтобы рассказать то, что мне интересно.

Сильно ли изначальная задумка книг отличается от конечного результата?

Наверное, всё-таки не сильно. При этом у меня обычно нет четкого плана содержания, глав и тому подобного. Изначальная задумка — это, скорее, мысли, энергия, ощущения, атмосфера, которые мне хотелось передать через персонажей, удаётся сохранить. А то, что некоторые детали изменяются в процессе, — неизбежно.

Одна ваша книга точно переведена на русский — детская книга «Дитя зеркала». Кто вышел на вас с идеей издать её в России, читали ли вы готовый перевод?

Такими вещами я не занимаюсь. Я очень рада, что в издательствах есть люди, которые занимаются продажей прав за рубеж. Обычно иностранные издательства — в данном случае речь о российском — проявляют интерес и обращаются к правообладателям. Я к процессу не имею отношения. Возможно, было бы по-другому, если бы возник интерес к одному из романов, которые мне кажутся более важными и более личными. В этом случае, думаю, я бы внимательно просматривала перевод. Но вообще я в эти дела никак не вмешиваюсь, не контролирую, и, в качестве положительного эффекта, избегаю дополнительной и часто безрезультатной работы.

Хотели бы вы, чтобы и другие ваши книги — к примеру, «Последняя любовь бабы Дуни» — вышли на русском языке?

Сложный вопрос. Всегда приятно, когда к тебе есть интерес. Я радуюсь любому переводу и изданию. В любом случае интерес должен быть у издательства, желающего опубликовать перевод, а не у меня как у автора, мечтающего о книге на русском. При этом я бы, конечно, переводу обрадовалась, но и немного бы испугалась. На месте русскоязычного читателя я была бы весьма скептически настроена по отношению к таким книгам, как мои.

Вы объясняли использование псевдонима тем, что у вас непростые имя и фамилия, которые немцам трудно даются. Как относились ваши родители к тому, что вы прославились под придуманной фамилией?

Не знаю, не спрашивала...

Что для вас значат литературные премии, если не упоминать очевидную финансовую сторону?

Когда у меня вышла первая книга, «Scherbenpark», я наговорила довольно много глупых вещей, в том числе, что мне

не нужны премии и что мне достаточно просто писать. Это, конечно, не совсем так. Литературные премии — и крупные, и маленькие — это признание со стороны критиков. У меня нет ни одной премии, хотя довольно много номинаций. Я уже не очень надеюсь когда-нибудь что-нибудь действительно получить. Считается, что с возрастающим успехом какого-либо автора, вероятность присуждения ему или ей премии снижается. Но если это всё-таки произойдёт, я, конечно, очень обрадуюсь.

Что такое для вас родина? Бывает ли так, что вы скучаете по ней?

Под словом «родина» мне трудно представить что-то конкретное. То, что могло бы быть моей родиной, я покинула в возрасте двенадцати с половиной лет. С тех пор я жила в Германии — и мне это нравится. Невозможно связать понятие «родина» с конкретной страной, которую я давно не видела и совсем не знаю. Я с большим удовольствием читаю что-либо на русском, но от этого чувство родины не возникает. Я наблюдаю за Россией со стороны, но у меня нет никакой тоски по ней, и я не хочу возвращаться туда, где я росла. Того, что связывает меня с детством, давно нет. **БН**

Беседовал Григорий Аросев

Краткая библиография Алины Бронски:

- Парк осколков (*Scherbenpark*). Kiepenheuer & Witsch, Кёльн, 2008
- Самые острые блюда татарской кухни (*Die schärfsten Gerichte der tatarischen Küche*). Kiepenheuer & Witsch, Кёльн, 2010
- Дитя зеркала (*Spiegelkind*). Arena Verlag, Вюрцбург, 2012
- Трещина в зеркале (*Spiegelriss*). Arena Verlag, Вюрцбург, 2013
- Зови меня просто супергероем (*Nenn mich einfach Superheld*). Kiepenheuer & Witsch, Кёльн, 2013
- Последняя любовь бабы Дуни (*Baba Dunjas letzte Liebe*). Kiepenheuer & Witsch, Кёльн, 2015

Екатерина Крыжановская

О Чернобыле весело и с задором

Alina Bronsky. Baba Dunjas letzte Liebe. Roman.
Kiepenheuer & Witsch, 2015. ISBN 978-3-462-04802-5

Главная героиня романа живущей в Берлине писательницы Алины Бронски «Последняя любовь бабы Дуни» (*Baba Dunjas letzte Liebe*) — типичная некрасовская женщина. Разве что вместо горящей избы и коня у неё Чернобыльская зона и тюрьма: и туда, и туда она отправляется добровольно. Бывшая медсестра, которой уже за 80, живёт простой жизнью: дом, огород, кошка, редкие встречи с соседями. Куда чаще, чем с людьми, она видится с призраками — с соседским петухом Константином, при жизни мешавшим ей беспардонным кукареканьем среди ночи, а теперь лишь укоризненно глядящим на неё с забора. С мужем Егором — пьющим и гулящим, пока она в одиночку растила детей, и угомонившимся, но по-прежнему абсолютно бесполезным после смерти.

В заброшенную родную деревню Черново, оказавшуюся в зоне отчуждения после аварии на ЧАЭС, женщина возвращается первой. Устав от неудачного брака и отправив детей за границу, через годы после вынужденного переселения она решает провести остаток жизни в одиночестве, спокойствии и собственном доме, пусть это и значит невозможность впредь видаться с дочерью и внучкой. Какое-то время ей это удаётся, несмотря даже на появление в округе других самосёлов. Станных, как толстая Марья, не отлипающая от телевизора вместе со своей козой, но в большинстве своём всё-таки крайне симпатичных.

Всё меняется, когда в Черново приезжает молодой мужчина с маленькой девочкой: по наводке мужа Егора (какой-то толк в нём всё же есть!) баба Дуня догадывается, что он привез дочку на заражённую территорию в отместку бывшей жене. Она

решает спасти ребенка, в результате чего в деревне появляется труп. Размеренная сельская жизнь — смородина, колорадские жуки, петрушка — вдруг сменяется допросами, СИЗО, судом и, наконец, тюрьмой — баба Дуня благородно берёт вину на себя.

Несмотря на формально мрачный сюжет, в книге много забавного, откровенно смешного и (конечно, умышленно) доведённого до абсурда. Много трогательного и даже щемящего. Загвоздка лишь в том, что за счёт этого в забавное, трогательное и даже щемящее превращается и само место действия — Чернобыльская зона. Да, жизнь в ней не курорт, конечно. Но и проблем особых здесь, по версии автора, нет: огурцы растут, крыжовник зреет, даже электричество, остаться без которого боятся жители деревни — и это чуть ли не единственный их страх — по-прежнему есть. На этом фоне периодически приезжающие к бабе Дуне репортёры и учёные в защитных костюмах, в резиновых перчатках берущие от всей души предложенные им помидоры (и то — лишь для исследования), выглядят комичными слабаками. Серьёзных же отсылок к настоящим последствиям чернобыльской трагедии в книге практически нет — разве что раз оброненная фраза о ликвидаторах, да несколько безмолвных привидений, которые появляются в паре сцен и больше не возвращаются на страницы книги.

С одной стороны, писатель волен селить своих героев, куда ему вздумается, даже на загрязнённую радиацией землю. С другой — реальность здесь уж слишком упрощается, а то и вовсе не отрицается: живущие в деревне люди здоровы и сильны, как, например, почти столетний Сидоров, решивший повторно жениться. Один-единственный по-настоящему больной человек в Черново — сбежавший из больницы Петров с онкологией — и тот неплохо проводит время в ожидании смерти: читает книги, ходит в гости, философствует и качается в гамаке.

Да, автор имеет право. Но зная, что написанная по-немецки книга рассчитана на аудиторию, вряд ли в деталях знакомую с последствиями Чернобыльской аварии, жаль, что она может вынести именно такое представление о трагедии: ничего страшного, в крайнем случае, всегда можно обернуться фольгой — так баба Дуня защищает от радиации забранную ею у

приезжего девочку. Те же, кто хорошо понимает, что произошло в Чернобыле в 1986-м, вряд ли смогут не отвлекаться на откровенно легкомысленный подход — временная для абстрагирования от действительности ещё, наверное, слишком мала.

При этом сама баба Дуня, от лица которой ведётся повествование, — женщина, на чью сторону сложно не встать. Честная, открытая, прямая, она знает, чего хочет, искренне жалеет людей и готова им бесконечно помогать. Простым и ироничным языком она описывает, что видит, любит, чувствует и вспоминает. И в её воспоминаниях всплывают темы, над которыми и правда стоит задуматься: она рассуждает о женской доле, семейной жизни, ошибках в воспитании детей, определяющих их характер и в какой-то мере судьбу, разлуке. Серьёзных вопросов, таким образом затронутых в книге, много. Ответов — куда меньше: до логического завершения эти размышления чаще всего не доходят, так что додумывать читателям придётся самим.

В романе хватает и других любопытных, но не слишком нужных деталей. Так, кроме живущей в Германии дочери Ирины и внучки Лауры, у бабы Дуни есть сын Алексей. Отношения с Ириной и Лаурой — преимущественно эпистолярные — становятся стержнем произведения, позволяя лучше понять главную героиню — бесстрашную женщину, которая, однако, боится спрашивать родных о здоровье, чтобы не услышать плохих новостей. Но для чего упоминается её сын — не ясно. Всё, что о нём известно, — это несколько фактов из детства, а также то, что он уехал в Штаты, откуда посылает матери открытки на «американское Рождество». Но вопрос Петрова, почему она так мало с ним общается, баба Дуня неожиданно заявляет, что Алексей «не любит женщин».

Такой поворот событий, очевидно, что-нибудь да должен значить. Противопоставление западных и так называемых традиционных ценностей? Возможно. Но при этом баба Дуня ни на секунду не осуждает подростковую внучку, которая побрилась налысо, украла у родителей деньги и ушла из дома. А ведь с «ценностями» такое поведение тоже как-то не вяжется — ни длинной косы, ни юбки в пол. Впрочем, тема была исчерпана коротким диалогом и больше в романе не поднималась.

В то же время, ведь и в жизни сюжетные линии обрываются без пояснений, грустное перемешано с весёлым, и ответов на важные вопросы часто нет. А значит, получать удовольствие нужно от процесса. В случае с «Последней любовью бабы Дуни», с её харизматичными героями и фантастическими происшествиями, это более чем возможно. **БГ**

Борис Хазанов

Ута, или Путешествие из Германии в Германию

эссе

Один саксонец умер, попал на тот свет. Апостол Пётр ему говорит: «Иди вон в то здание, поднимешься на третий этаж, по коридору налево, комната номер такой-то. Там скажут, куда тебя определили». Он пошёл, отыскал комнату, стучится, никакого ответа. Снова постучал — никакого ответа. Потом кулаком. Потом разбежался, вышиб дверь — там стоит Иисус в славе. «Что, — говорит, — не мог подождать?»

Один солдат дезертировал, его поймали, привели в палатку к королю. Старый Фриц ему говорит: «Как же это ты, сукин сын. Вот, — говорит, — прикажу тебя повесить». Солдат отвечает: «Ваше величество, дела-то наши плохи. Вот я и решил, лучше сбегу, пока не поздно». Старый Фриц подумал и говорит: «Знаешь что. Завтра у нас решающее сражение. Проиграем — побегим вместе».

Одна американка захотела увидеть Бисмарка, приезжает в Берлин, сидит в рейхстаге с переводчиком на местах для публики. Железный канцлер произносит громовую речь, стучит кулаком. «О чём это он?» Переводчик молчит. Бисмарк по-прежнему мечет грома и молнии. «Что он говорит?» — «Терпение, мэм, — отвечает переводчик, — я жду глагола».

(Немецкий фольклор)

1.

В Гессене, в небольшом городе Бебра, ничем не замечательном кроме того, что здесь находится важный железнодорожный узел, я выхожу из вокзала и жду своих друзей, немецкую

чету из Рура. Дело происходит в 1989 году. Обед на скорую руку в Гельзенхаузене. После чего мы катим к границе. С двух сторон от дороги стоят столбы, выкрашенные в государственные цвета. Краска несколько облупилась. Мало кто помнит историю этих цветов. Во время освободительной войны против Наполеона чёрный мундир с красными отворотами и золотыми пуговицами носил павший в бою под Гадебушем двадцатидвухлетний лютовский стрелок Теодор Кернер, автор воинственных стихов, которого Вересаев ставил выше Дениса Давыдова.

Итак, бывшая германо-германская граница... По существу границы уже нет. Жёлтая полоса наискось пересекает шоссе. Сразу за полосой начинается другой асфальт, выщербленный, кое-как залатанный. Машина подпрыгивает. Разница двух миров даёт о себе знать в первую же минуту.

Холмистая местность, сколько хватает глаз, перегорожена сеткой, видны остатки проволочных ограждений, запретная полоса, уходящие к горизонту сторожевые вышки. Справа от шоссе железная дорога, тоже защищённая сеткой. Тишина и безлюдье, словно мы въехали в загадочную зону из фильма Тарковского. Мы на территории государства, которое внезапно исчезло.

Мы в Тюрингии. Пока ещё, согласно прежнему административному делению, это называется «округ Эрфурт». Но уже чья-то рука зачеркнула слово «округ» и начертала: Thüringen. За холмами начинаются рощи, «страшный Тюрингский лес», как сказано у Новалиса. С севера подступает Гарц, откуда шёл пешком, с палкой и котомкой, геттингенский студент Гейне, направляясь в Веймар, и слушал «шум ручьёв и птичий звон». Увы, ничего больше не слышно. Это кажется непостижимым приехавшему из Западной Германии, молчание ошеломляет, и в дальнейшем, если не считать ворон и воробьёв, наблюдение наше подтвердилось. Птицы покинули этот край, как некогда гномы уходили из обнищавших стран, — чтобы вернуться, когда благоденствие восстановится.

2.

Старый товарищ, которому разрешили съездить за границу, написал о своём впечатлении от Германской Демократической Республики: «Теперь мы знаем, как вы живёте». Я смотрел на это запустение и вспоминал его письмо. Конечно, для нас не было тайной, что уровень жизни в Западной Германии относился к уровню жизни в ГДР примерно так, как жизненный уровень ГДР относился к уровню жизни в Советском Союзе. Немецкий спутник был прижатым на стороне детищем восточного великана. И всё же степень этого родства, масштабы бедствия — оказались для всех неожиданностью.

Государство Ульбрихта и Хонекера слыло образцовой социалистической страной. Когда говорили, что эксперимент повсеместно провалился, следовало возражение: а Восточная Германия? Сообщалось, что она даже входит в первую десятку передовых стран мира. Люди рассказывали, что в ГДР нет очередей. В ГДР есть все продукты. В ГДР чистота и порядок.

Чистота и порядок, о, Господи... Но ведь в конце концов вовсе не обязательно, чтобы всё было вылизано. Переехав через Рейн в районе Страсбурга, замечаешь, что на другом, французском берегу не подстрижена трава, торчат клочья бурьяна. А что сказать об Италии, Греции? Но тут вы из Германии приезжаете в Германию. И оказывается, что даже Германию можно было превратить в свинарник.

В Лейпциге, проезжая мимо чёрных от копоти домов по широким, тускло освещённым улицам, вдыхая запах бурого угля, которым здесь отапливаются все жилища, думаешь о том, что когда-то, должно быть, это был очень красивый город. На месте рухнувших балконов торчат ржавые консоли. Нет ни одного жилого здания, которое не зывало бы о помощи. В центре города попадаете на глаза табличка: в этом доме квартировал студент Александр Радищев. Памятник старины, охраняемый законом. Берегитесь, возле памятника стоять небезопасно. А напротив громоздятся уже, так сказать, официальные руины — после войны прошло почти полвека. Вас, однако, ожидает испытание похуже: новые районы. Вы спрашиваете прохожего, как проехать, и в ответ слышите охотное и подробное, как в России,

объяснение на забавном саксонском диалекте. Центральная улица — дорога в квартале новостроек — называется *Heiterblickallee*, то есть аллея Весёлый Взгляд. Мрачные серо-коричневые блоки, груды мусора. Почти нет магазинов, нет кафе, сумрачно. Аллею, радующую взгляд, пересекает улица Платанов, где нет ни одного дерева, вообще ни единого кустика, да и улицей назвать её невозможно.

Веймар. Как не побывать в Веймаре? Автомобиль с западным номерным знаком, качаясь и подпрыгивая, въезжает в старинную, славную столицу крохотного великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах. Останавливаемся на пустыре под названием «улица Фридриха Энгельса». Неужели «Федя» обитал и здесь? Впрочем, колеся по стране, привыкаешь к повсеместному присутствию этих друзей. Точно так же вас преследует повсюду, на юге и на севере, во всех городах и даже в самых дальних деревушках, незабвенный Эрнст Тельман. Третий избранник судьбы, везде оставивший своё имя, — Отто Гротеволь. Вылезаем. Напротив, по другую сторону дороги, высится старый и облезлый, словно памятник средневековья, новый дом из шлакоблоков. Мимо, с громом, вздымая прах, катит брезентовый фургон с надписями по-русски. На тротуаре, вернее, там, где когда-то был тротуар, стоит офицер в травянисто-зелёном кителе и разлтых штанах, — для меня, который год живущего вдали от родины, зрелище ошеломительное. Подойти и заговорить? Но я как-то стесняюсь. Минуту спустя едет ещё один фургон, и ещё один. Для маленького городка поразительно массивное братское присутствие.

3.

Всё это, конечно, «западный» взгляд, а чего же, собственно, ожидали? Могло быть и хуже. Вы думали, что грязь и бесхозяйственность несовместимы с образом жизни, с психологией этого народа, но нет, это тоже Германия. Правда, русскому гостю бросилось в глаза, что вывески учреждений и магазинов — буквальный перевод с «советского». Например: «Продукты» или «Товары первой необходимости». Ведь на Западе товары второй необходимости считаются такими же необходимыми, как и первой.

Выясняется, о, стыд, что кроме этих речений, кроме партийной терминологии и ритуальных приветствий (*mit tschekeistischem Gruß*, с чекистским приветом!), аляповатой героической живописи на стенах и в залах официальных учреждений, тайной полиции с её армией «информантов», созданной по образу и подобию Старшего Брата, кроме залитых бензином и смазочным маслом, загаженных территорий, на которых располагались советские войска, — почти полувековая оккупация ничем не обогатила эту страну. Выясняется, правда, и другое: некоторые старые традиции, вопреки всему, не исчезли. Станным образом не удалось уничтожить сельское хозяйство, не выкорчевана церковь, всё ещё жива прусская и протестантская мораль.

Как бы то ни было, это всего лишь первые впечатления. В один из этих дней мы останавливаемся в Дрездене у пожилой вдовы, в сумрачной квартире с высокими потолками и шкафами, на которых громоздятся пыльные чемоданы, с коридором, забитым рухлядью. Похоже на Москву тридцатых годов; и так же, как в моём детстве, нашей соседкой была старушка, о которой говорили, что прежде ей принадлежала вся квартира или даже весь дом, так и дрезденская хозяйка некогда была домовладелицей. После 1949 года в ГДР была установлена низкая квартплата. Бедняки получили возможность жить в нормальных квартирах. Как не благословить государственный социализм! Но на мизерные деньги, взимаемые с жильцов, владельцы не могли содержать дома, поэтому им было милостиво разрешено подарить свои дома государству. Что, однако, не решило проблему. Таково объяснение обвалившимся балконам, разрушенным подъездам, вонючим лестницам и всему остальному.

Старая дама кисло улыбается, произносятся даже как-то обломки русских слов. Во всех учебных заведениях ГДР русский язык был обязательным предметом. Но и среди молодых людей мне не посчастливилось встретить ни одного, кто сумел бы произнести хотя бы одну фразу по-русски. Ничего удивительного, наши сверстники в СССР тоже почти все учили в школе немецкий, и результат тот же.

Как все, она потрясена внезапными переменами и, кажется, не сожалеет о прошлом. Как все, ненавидит «товарищей». Вообще с языком здесь происходит что-то похожее на то, что приключилось с немецкой речью после войны: рухнувший режим оставил после себя искалеченный словарь. Целый слой запачканных слов, которыми невозможно пользоваться. Слово *Genosse* зафиксировано в памятниках литературы за много веков до возникновения рабочего и социалистического движения. Сколько времени должно пройти, прежде чем это слово восстановит своё звучание и значение? Но в том-то и дело, что с правлением товарищей дело обстоит так же непросто, как и с коммунизмом в России.

4.

Кто-то бросил крылатую фразу: Германия становится северной и протестантской. Со времён Реформации и Тридцатилетней войны население бывшей Средней Германии, которая стала после 1945 года Восточной, почти исключительно является евангелическим. Эти земли, за исключением Саксонского королевства, раньше, чем западные приобретения Пруссии, были объединены под прусским владычеством. Слово «пруссачество» (*Preußentum*) вызывает привычные отрицательные ассоциации. «У других государств есть армия, — сказал Мирабо. — В Пруссии у армии есть государство».

Но, может быть, стоит вспомнить, что кроме деспотизма и палочной дисциплины, существовали прусские добродетели. Существовал Старый Фриц — Фридрих Великий, чей портрет нарисован в «Войне и мире», он носит там имя старого князя Николая Болконского. В семидесятых годах XVIII столетия Фридрих II принял участие в разделе Польши, отхватив изрядный кусок. И, как это ни горестно признать национальному самолюбию, под прусским королём польскому хлопну жилось лучше, чем под шляхтой.

Кто такой был *der Alte Fritz*?

Маленький, подвижный, как ртуть, не знающий покоя и отдыха, уверявший всех, что сон — это привычка, от которой можно отучиться, и спавший четыре-пять часов в сутки, король-

солдат и полководец, метавшийся от одной границы к другой во время Семилетней войны против обступивших Пруссию со всех сторон войск Большой коалиции, — но также *roi charmant*, обворожительный король, философ, писатель, поэт, музыкант и композитор, чьи произведения исполняются до сих пор, скептический вольнодумец, капризный деспот, вельможа, писавший и говоривший по-французски лучше, чем на языке своих подданных, реформатор и законодатель, истинный основатель прусской Германии, которому, однако претило всё немецкое, — всё, кроме немецкого, точнее, прусского чувства долга. «Король есть первый слуга государства». И, разумеется, каждый чиновник, каждый офицер, каждый юнкер. Это государство слуг и начальств, в котором неслыханная даже для века Просвещения веротерпимость — отнюдь не тождественная политической терпимости — сочеталась с иерархическим и верноподданническим духом, государство, устроенное на военно-дисциплинарных началах и вместе с тем по-своему справедливое, где мужик мог подать в суд на помещика и выиграть процесс, суровое государство, где нет места коррупции, воровству и самоуправству. Государство, которое заслужило того, чтобы помянуть его добрым словом, хотя бы потому, что оно оставило в наследство сегодняшним гражданам Германии туповатопедантичную и достаточно занудную, но честную немецкую бюрократию.

5.

Прибавьте к этому протестантскую этику с её представлением о труде как исполнении религиозного долга, с традицией скромного, почти скарёдного, чуть ли не аскетического образа жизни, — какого-то унылого героизма. Кочуя по городам и весям вчерашней Германской Демократической Республики, ловишь себя на еретической мысли. Да, навязанный извне, лживый и бесчеловечный строй; говорили одно, делали другое, стреляли по собственным гражданам, то и дело — недели не проходило — пытавшимся бежать из своей страны любыми способами, по воде и по воздуху, через контрольные посты, сквозь запретные полосы, сквозь ряды проволочных заграждений, по которым

пущен ток. И всё же эта страна была не только слугой и союзником главного брата. Не только старательным учеником, государством-тенью, где всё, от облика и образа жизни рядовых граждан до верхних ступеней власти, воспроизводило в уменьшённом виде Советский Союз. Но она была и потомком Пруссии. Так стареющий правнук вдруг оказывается похожим на портрет прадедушки. Через голову нацистского рейха (у которого ГДР, само собой, тоже многому научилась) она протянула руку в восемнадцатый век, и оттуда, как из могилы, высунулась и пожала честную длань геноссе Эриха Хонекера старчески-сухая, цепкая рука Старого Фрица.

Честную? Я снова вспоминаю разговоры с пожилой дамой из Дрездена, с научным работником в Восточном Берлине, с женой сельского пастора из области Укермарк на севере Бранденбурга, с деревенским учителем в Рудных горах.

«У нас был не настоящий социализм».

«Позвольте... но где вы видели настоящий социализм?»

«Это не имеет значения. Важно, что у нас его не было».

Все эти люди были более или менее единомышленны в своём отношении к рухнувшему строю. Их, однако, возмущали не столько принципы этого строя, сколько то, что они не выполнялись как следует. Негодование было вызвано тем, что в правительстве затесались воры и взяточники.

Отличие от русского языка, по-немецки слова «кормило» и «кормушка» не звучат так похоже. Спросите рядового человека в России. Он забыл, что такое кормило, и скажет, что сидеть у кормила — это и значит сидеть возле кормушки. Коррупция верхнего эшелона в бывшей ГДР оказалась для граждан ужасным открытием. Станный народ! Даже если не все исповедовали — по крайней мере, в душе — марксистско-ленинское вероучение, они всё-таки считали своих жалких и изолгавшихся руководителей, этих вождей, устроивших для себя жизнь в общем-то не лучшую и не худшую, чем жизнь верхушки в других социалистических странах, — людьми долга. Они всё ещё думали, что живут в стране пусть не самой благоустроенной и либеральной, но возглавляемой властителем, который подаёт пример истовой службы государству. То, что в России никогда никого не удивляло и не удивляет, — что страной правит продажное жульё, — для них было неслыханным потрясением.

6.

«...Особо упорное ядро демонстрантов вновь и вновь пытается воспрепятствовать рассеянию демонстрации и нацелить шествие на объекты партии, государственного аппарата, а также служебно-административные объекты Министерства госбезопасности... В Ростоке и Лейпциге ситуация перед служебными объектами МГБ время от времени обострялась. Небольшие группы провокационно настроенных демонстрантов повторно вызывали инциденты, разжигали толпу посредством хоровых выкриков против МГБ, в том числе и с намерением спровоцировать сотрудников органов безопасности на неконтролируемые действия. Также и в других городах имели место перед объектами МГБ подстрекательские выкрики типа: «Сожгите этот дом», «Свиньи из Штази, выходите», «Бей их» или «По вас плачет верёвка». Вследствие этого возникла значительная опасность для государственной безопасности и общественного порядка. Кроме того, установлено, что организаторы демонстраций, частью при поддержке церковных сил, всё больше переходят к тому, что захватывают инициативу в свои руки... Подпись: *Милке*».

Таково было одно из последних донесений генсеку Хонекеру бывшего министра «штази», то есть *Staatsicherheit*, госбезопасности, — этого волшебного пароля всех деспотических режимов. Органы безопасности в опасности! Пятнадцатого января 1990 года несколько тысяч человек вломилась в здание Главного управления «штази» на улице Норманнов в Восточном Берлине. Помещение взяла под охрану гражданский комитет. В блоке VIII, центре всего комплекса, на стеллажах, протяжённостью 18 тысяч метров, стояли папки с делами на 6 миллионов подданных страны. Почти сорок процентов её 16-миллионного населения.

В саксонской столице мы остановились у бетонной стены, которую сплошь покрывают непочтительные надписи, те самые подстрекательские выкрики. Ворота, куда ещё недавно по ночам въезжали глухо законопаченные фургоны с врагами народа, а днём — бронированные лимузины с чинами главного государственного ведомства, распахнуты настежь. На заднем

дворе громоздятся пустые железные стеллажи и картотеки без карточек. Рабочие выносят мебель, письменные столы, за которыми восседали эти крысы.

Штурм и крах цитадели — это символ и традиция европейских революций. Всю нашу жизнь мы видели дивный сон: несчётная толпа запрудила площадь Дзержинского, как некогда парижане — площадь Бастилии. Мужчины и женщины, ветхие старики, и мальчишки, облепившие памятник, не спускают глаз с молчаливых, мрачных рабочих, которые что-то там делают, разматывают бикфордов шнур. Сейчас крепость взлетит на воздух. Сейчас... В этот момент меня кто-то будит.

7.

Но и 1989-й, и 2-е октября 1990-го года давно позади. Одиннадцать союзных земель «старой» Федеративной Республики должны были взять на себя заботу о пяти новых землях: Бранденбурге, Саксонии, Тюрингии, Саксонии-Ангальт и Мекленбурге—Передней Померании. Наступили хмурые будни. Как и Советский Союз, ГДР была государством, хотя и державшим своих подданных в чёрном теле, но — содержавшим их. Теперь редко какое учреждение обошлось без «фактора 2» — необходимости сократить обоз сотрудников по крайней мере вдвое. Редко какое промышленное предприятие оказалось вообще жизнеспособным. То, что, как выяснилось, вся страна ГДР была банкротом, который рано или поздно слетел бы с копыт и без всякой революции, не утешало: ведь как-то работали, что-то зарабатывали, не говоря уже о привилегированной верхушке. И, наконец, это чувство, что у тебя отняли биографию... Восторг сменился унынием, уныние — возмущением. Начались демонстрации, в Галле канцлера Гельмута Коля забросали тухлыми яйцами.

Казалось — или могло показаться, — что братание с процветающим соседом сулит Восточной Германии огромные преимущества по сравнению с другими странами бывшего Восточного блока, коллегами по разбитому корыту. Так-то оно так. А вместе с тем барьер оказался слишком высок, прыгая, можно сломать шею. Куда спокойнее было бы «догонять» какую-нибудь Португалию.

«В Египте мы сидели у котлов с мясом...»

То, что принято называть гражданской и экономической свободой, означает отказ от утопических надежд. Вот цена, которую западное человечество платит за современный образ существования. Потому что свобода личности — это бремя взрослого человека; а мы привыкли считать себя подростками, привыкли быть ими. Потому что свобода для населения, жившего, вопреки заверениям о самом передовом и прогрессивном строе, в прошлом веке, означает внезапный отказ от провинциальности, и это всё равно что вывернуть с просёлочной дороги на гремящую и свистящую от проносящихся на огромной скорости лимузинов, смертельно опасную магистраль: некуда деваться, нужно лететь самому.

8.

От Берлина до атлантического побережья Португалии приблизительно такое же расстояние, как от Берлина до Уральских гор. Если, воткнув в Берлин ножку циркуля, провести на карте Европы окружность радиусом в две тысячи километров, то в неё впишется весь или почти весь континент. Другими словами, Берлин — это географический центр Европы.

Чуть ли не на другой день после объединения начались разговоры о том, не перенести ли столицу в Берлин. Но любопытно вспомнить доводы сторон в споре, который в конечном счёте представлял собой столкновение двух государственных концепций — централизма и федерализма. Оставить столицей провинциальный Бонн значило в большой мере подтвердить верность федералистскому устройству, союзу самоуправляющихся земель и городов, традиционному для Германии. Однако хочется быть «как все». Самая большая по населению в Западной Европе, экономически мощная страна с высоким международным престижем должна, не правда ли, иметь и соответствующую столицу. Берлин — это вертикальное измерение. Бонн — горизонтальное.

Выдвигались и более конкретные соображения. Берлин был столицей Германии после её объединения в 1871 году. До этого он несколько веков был главным городом Бранденбурга

и Пруссии, столицей курфюрстов и королей, а ведь Прусское королевство в конце концов и возглавило объединение немецких государств. В Берлине жили великие писатели, мыслители, художники, музыканты, архитекторы, с Берлином связаны блестящие эпохи немецкой науки, — а что такое Бонн? Но дело не только в многовековом преемстве. На наших глазах Берлин пережил нечто не имеющее аналогий. Берлин стал символом расколотой Германии. Почти полвека три бывших западных сектора — три четверти города — были островком демократии в тоталитарном мире, анклавом Запада на порабощённом Востоке. Берлин был городом Стены. Берлин стал центром незабываемых событий, грандиозных манифестаций, неслыханного восторга, когда люди плакали и обнимались на огромной площади перед Бранденбургскими воротами, когда тысячные толпы повторяли: «Мы — народ! Мы — один народ!..» Наконец, после того, как обе части страны воссоединились, признание Берлина общенациональным центром должно означать, что бывшая Восточная Германия — не приёмыш, а равноправная часть страны. Таковы были доводы в пользу Берлина.

Кандидатура Бонна казалась мне, однако, не менее убедительной. Перенос столицы — дорогое удовольствие. Кроме того, передислокация на восток означала, хотели мы этого или не хотели, известный геополитический сдвиг. Если когда-то Берлин был действительно географическим и экономическим центром Германии, то сейчас, после потери Восточной и Западной Пруссии, Восточного Бранденбурга, Силезии, Познани, Восточной Померании, Берлин находится на окраине страны. Берлин напоминает не только о прусской славе, он напоминает о прусском милитаризме. Что касается Бонна, то не такое уж это захолустье. Бонн — один из древнейших рейнских городов, вдвое старше Берлина: он был заложен ещё римскими легионерами. С тринадцатого века Бонн был резиденцией кёльнских курфюрстов. Бонн — родина Бетховена. В Бонне был принят Основной закон Федеративной Республики; Бонн — это колыбель и столица немецкой демократии. Он удачно расположен, обладает прекрасной системой коммуникаций, в Бонне всё налажено, в Бонне спокойно и уютно. И, наконец,

разве так уж плохо, что резиденцией президента и правительства является небольшой город?

Что такое Берлин? Город, который, может быть, станет столицей XXI века, подобно тому как Париж, по выражению Вальтера Беньямина, был столицей XIX века. Но в наших воспоминаниях это город последних дней войны, цитадель врага, это флаг над рейхстагом, картины, которые и сейчас стоят перед глазами. А где-то в далёком детстве — весёлые строчки Маршака:

*Идёт берлинский почтальон,
последней почтой нагружён.
На куртке пуговицы в ряд
как электричество горят!*

9.

Поедем в Наумбург. К юго-западу от Лейпцига, в долине реки Заале лежит городок, знаменитый своим собором. Если бы понадобилось назвать, допустим, пятнадцать величайших архитектурных сооружений средневековой Европы, то среди них, вместе с готическими храмами Франции и Испании, вместе с соборами в Бамберге и Вормсе, с московским Кремлём и церковью Покрова-на-Нерли, был бы наумбургский четырёхбашенный романо-готический собор с двенадцатью фигурами его учредителей.

Вы, конечно, слышали о них, видели их в альбомах, а портал, не правда ли, вам хорошо знаком по копии в московском Музее изящных искусств. В латинской грамоте 1249 года за подписью здешнего епископа упомянуты *primi ecclesiae nostrae fundatores*, «первооснователи нашей церкви». Безымянному мастеру из Майнца было поручено увековечить их память. Основатели жили за двести лет до того, как была составлена грамота, следовательно, собор возведён в одиннадцатом или в десятом веке.

Каменные статуи в рост человека стоят на высоких карнизах, окружая сзади заалтарное пространство, так называемый западный хор. Мы глядим на них снизу вверх. Об этих людях сохранилось немногим больше сведений, чем о самом ваятеле, чьё имя осталось неизвестным. Они живут не столько

в истории, сколько в искусстве. Искусство дарит бессмертие малозначительным деятелям, оставляя в тени великих. Полу-кругом стоят мейссенские и остмаркские графы Зиццо, Конрад, мечтательный Вильгельм, похожий на миннезингера; далее Дитмар, прикрывший нижнюю часть лица щитом, на котором начертано: *comes occisus*, то есть «убиенный граф», он и в самом деле погиб на поединке. За ним мрачный, как туча, Тимо фон Кистриц, о котором известно, что он получил пощёчину от соперника и жестоко отомстил ему. Застывший с открытым ртом, точно поражённый внезапной мыслью, Дитрих фон Брена, две одинокие дамы — Гепа, благородная вдова с покрывалом на голове и раскрытой Библией, и грустная Гербурга — и две владетельные четы: слева Герман и Реглиндис, справа Эккегард и Ута.

Маркграфиня Ута фон Балленштедт стоит рядом со своим глуповатым супругом, слегка отгородившись приподнятым воротником плаща, устремив задумчиво-вопросительный взгляд в пространство. Это поразительный образ совсем молодой женщины, — говорят, она рано умерла, — в чьей позе и осанке соединены достоинство и робость, насторожённость и едва уловимое кокетство. И я подумал, что ради одной Уты стоило совершить всё моё путешествие. **И**

1990—2015

Мюнхен

Марк Уральский

Свои среди чужих: Илья Троицкий, Осип Дымов и другие

*Зачем, мой Рок, для жизни бременной
Ты дал мне тёмную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу?*

Юргис Балтрушайтис

В устах Юргиса Балтрушайтиса (1873—1944) характеристика своей билингвистической ориентации как «тёмная межа» звучит достаточно претенциозно, ибо именно он, один из крупнейших русских и литовских поэтов начала XX столетия, как мало кто другой служит примером успешного самоопределения творческой личности в иноязычной среде. В кругу русских символистов, где не очень-то жаловали инородцев, он всегда был своим, как и в родной ему Литве. И это — документальный факт, то, что имеет собственную реальность, от которой невозможно что-либо отнять или добавить, ибо она находится под охраной сурового закона подлинности.

Не Рок определил литовцу Балтрушайтису стать русским поэтом. Он сам, по собственной воле, выбрал эту стезю, заработав на ней почёт и уважение. А когда политическая буря, разрушившая Российскую империю, прибила его к русским берегам, стал работать послом только что народившейся Литовской республики в Москве, а затем советником литовского же посольства в Париже.

А вот его русским собратьям-литераторам, устремившимся из Совдепии на Запад, чему он как дипломат всячески содействовал, действительно пришлось идти по тёмной меже. Для писателя, волею судьбы вынужденного жить на чужбине,

проблема состоит не только в том, что делать, как приспособиться и прижиться, но и в своего рода духовном перерождении, обретении нового видения, тематики, стилистики и, конечно же, своего читателя.

Некоторый опыт в этом отношении у русских интеллектуалов уже был. В XIX веке образованные представители русского общества начали активно осваивать Западную Европу, подолгу, а то и большую часть жизни проводя за границей. В зависимости от причин, заставивших русских интеллектуалов перебираться в Европу, обустранивались они там по-разному.

Некоторые находили себя в активной публицистической деятельности, принимая участие в работе первой русской диссидентской газеты «Колокол», выходившей в 1857 — 1867 годах в Лондоне на русском языке, а в 1868 году в Женеве под тем же названием, но по-французски (*La Cloche*). Другие русские литераторы, попав в чужеродную среду, ограничивались лишь профессиональными контактами, стараясь обрести дружеские связи среди местных политиков и литературных элит. Тургенев, например, был знаком с крупнейшими французскими писателями того времени — Гюго, Жорж Санд, Мериме. Последний активно занимался популяризацией творчества русского писателя во Франции. Позже, в 1860—70-х годах Тургенев сблизился с Флобером, Золя, Эдмоном де Гонкур, Доде, Мопассаном — причем автор «Милого друга» даже объявил себя его учеником.

Интересно, что, в совершенстве владея французским, английским и немецким, Тургенев писал прозу только на родном языке. Он даже декларировал это как принцип: «Я никогда не писал ни строчки (я говорю о литературе) на другом языке, кроме своего русского, и даже признаюсь вполне откровенно, что не понимаю авторов, способных на такой *tour de force*¹: писать на двух языках²».

Однако в русской литературе можно найти и противоположный пример. Фёдор Тютчев, друг и современник Ивана Тургенева, подолгу живя за границей, не пренебрегал — ради

---

¹ Tour de force (фр.) — проявление силы, ловкости или изобретательности

² Письмо Тургенева в парижской газете Temps от 20 мая 1877 года; <http://www.ivan-turgenev.ru/memyari/080-4.html>

самоопределения в иноязычной среде — возможностью писать по-немецки и по-французски. Как своего рода «русский курьёз» отметим, что, в отличие от западника Тургенева, Тютчев был истовым славянофилом. Однако в частной жизни он говорил и только по-французски и по-немецки. Ни первая, ни вторая жёны Тютчева по-русски не говорили. Все его письма, все политические Тютчева статьи написаны на этих языках, по-французски же были сказаны и все его знаменитые остроты, а также написаны многие стихотворения³.

В конце XIX века начинается массовая эмиграция из Российской империи, главным образом в Новый Свет — в США, Канаду, Аргентину. В этой ситуации русский язык начинает использоваться в качестве средства межнационального общения в эмигрантской среде. Представители интеллигенции, желавшие в среде русской диаспоры заявлять себя как публицисты, создавали периодические издания на русском языке⁴, привлекая к работе в них собратьев по перу. Участие же русских литераторов в иноязычной литературной жизни было весьма редким явлением. В качестве примера здесь можно вспомнить колоритную фигуру Лео Пасвольского (1893—1953), талантливого публициста, в 1917—1920 годах работавшего редактором нью-йоркской газеты «Русское слово». Также Пасвольский выпускал ежедневную газету на русском языке «Американский вестник», писал статьи для англоязычной *The Russian Review* и вел активную политическую деятельность в среде иммигрантов. В дальнейшем Пасвольский сделал блестящую карьеру экономиста и политика (в частности, он был автором Устава ООН).

На немецкой культурной сцене XX века выделялась деятельность русских евреев-литераторов, перебравшихся на жительство в Германию. Успешно ассимилировавшись в благодушно настроенной по отношению к ним среде, эти талантливые и широко образованные люди стали играть роль «превосходных посредников» (по определению Томаса Манна), связующих русскую и немецкую культуры. К их числу относятся

³ <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/france.html>

⁴ <http://www.newreviewinc.com/?p=2453>, <http://www.newreviewinc.com/?p=2517>

переводчик и пропагандист русской литературы Александр Элиасберг (1878—1924), переводчик и литератор Павел Бархан (1878—1942), а также журналист и общественный деятель Илья Маркович Троцкий (1879—1969), назначенный в 1906 году знаменитым медиамагнатом Иваном Сытиным специальным корреспондентом газеты «Русское слово» в Германии, а затем и Скандинавских странах⁵.

В этом материале мы ограничимся описанием деятельности Ильи Троцкого в кайзеровской Германии (1907—1914)⁶, не в последнюю очередь потому, что общая картина отношений между Россией и Германией сто лет назад очень напоминает наши дни.

Это было время относительного благоденствия. Политические дразги никак не влияли на повседневную жизнь двух стран. Границы были открыты, визовый режим не обременял путешественников и между Россией и Германией шёл непрерывный обмен — людьми, идеями, капиталами. С запада на восток ехали предприниматели, специалисты, любители экзотики, а также многочисленные родственники «русских немцев», диаспора которых по численности считалась одной из наиболее крупных в Российской империи. Русские стремились в Германию ради учёбы, лечения, покупок, и, конечно же, отдыха.

До начала Первой мировой войны (28 июля 1914 года) число русских граждан, длительное время проживающих в Германии, непрерывно росло. Среди них можно было выделить три основные группы — учащиеся высших учебных заведений, политические эмигранты — главным образом социал-демократы всех мастей, в те незамутнённые ещё идеологической враждой годы любезно принимаемые немецкими однопартийцами, и туристы. Учащиеся были наиболее представительной группой российских граждан в Германии. Русские студенческие землячества существовали в Берлине, Мюнхене и Гейдельберге. Только

---

⁵ Марк Уральский: Илья Маркович Троцкий — публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании / Сборник РЕВА, Книга 9 — Торонто; СПб. — 2014.

Илья Маркович Троцкий, публицист и общественный деятель русского Зарубежья / Новый журнал. — 2014. — № 277.

⁶ И. М. Троцкий также жил в Германии с 1921 по 1933 годы.

в одном Берлинском университете в 1913 году почти каждый десятый студент был родом из России (большинство из них числилось на медицинском факультете). В таких университетских городах, как Гейдельберг и Фрайбург работали русские читальни, а вместе с ними и справочные бюро для ищущих работу, кассы взаимопомощи, лагеря отдыха, театральные, литературные, научные и спортивные кружки.

По свидетельству Ильи Троцкого⁷, столичная русская колония помимо студентов состояла из людей, давно и прочно осевших в Берлине, — частью из представителей литературного, научного и художественного мира, приехавших в Германию работать и учиться. Жила русская колония мирно, спокойно и солидарно. Отношения её с берлинскими властями не внушали никаких опасений. Даже небольшая группа политических эмигрантов, державшихся особняком от прочей колонии, чувствовала себя в сравнительной безопасности от поползновений царской охранки.

В этой обстановке Илья Троцкий, прекрасно владевший немецким, чувствовал себя как рыба в воде. В отличие, скажем, от Павла Бархана, который хоть и был автором очерков из русской и немецкой жизни, переводил с идиш и русского языка, но никогда не стремился переводить свои произведения на русский и сотрудничать с периодическими и книжным издательствами в России, поскольку полагал, что «нет России вне России».

Что касается Ильи Троцкого, то он, вопреки мнению одного из лидеров сионистского движения Владимира Жаботинского, согласно которому еврей легко приобретает личину того народа, которому служит и где ему хорошо, отнюдь не горел желанием стать просвещённым немцем и не сделал ни малейшей попытки онемечиться. Троцкий не только искренне любил Россию, но и был на редкость цельной личностью, в которой три составляющих — еврей, русский интеллигент и литератор — формировали гармоничное единство. Каждый представитель людей этого типа, а их в истории русской культуры насчитывается целое поколение, «был и умен, и образован, и человек со своей

---

⁷ Илья Троцкий: В Берлине в дни объявления войны / Сегодня — 1924. — 28.07 (№ 207)

биографией (что не часто встречается), вообще — персонаж недожизненный⁸» — пользуясь определением писателя Романа Гуля (1896—1986).

Увы, к концу XX века этот яркий и разносторонний тип личности сошёл с исторической сцены.

Период жизни в кайзеровской Германии, наверное, был самым счастливым и беззаботным в биографии Ильи Троцкого. Влияние зарубежных корреспондентов столичных русских газет в эти годы было очень велико — с журналистами считались и министры, и дипломаты, и нередко через репортёров, неофициальным путём, в Петербург передавали те сведения, которые нельзя было сообщить в официальных нотах. И. М. Троцкий много раз участвовал в этих закулисных играх. Он знал Бернгарда фон Бюлова, встречался с Теобальдом фон Бетман-Гольвегом⁹ и кайзером Вильгельмом II, как и с русскими министрами, приезжавшими в Германию¹⁰.

Сам Илья Маркович рассказывает в одной из своих статей-воспоминаний¹¹ забавную историю на тему политического закулисья, связанную с визитом в 1912 году в Германию английского военного министра лорда Холдейна¹². По этой статье можно судить как о его личном авторитете серьёзного журналиста, так и о внимании, с каким русское правительство относилось тогда к политическим новостям, публикуемым в «Русском слове». И. М. Троцкий пишет, что, состоя тогда берлинским корреспондентом газеты, решил добиться свидания с Холдейном. Лорд, отлично говорящий по-немецки, стал рассказывать о своих заданиях в Берлине. Он «рассказывал такие

⁸ Роман Гуль: Я унёс с собой Россию: Апология эмиграции. Т. 1. ч. 1. — М. — Б.С.Г.-Пресс. — 2001. — С. 85.

⁹ Бернгард фон Бюлов (Bernhard von Bülow; 1849—1929), рейхсканцлер Германской империи с 1900 по 1909 годы; Теобальд фон Бетман-Гольвег (Theobald von Bethmann Hollweg; 1856—1921), рейхсканцлер Германской империи с 1909 по 1917 годы.

¹⁰ А. Седых: Памяти И. М. Троцкого / Новое русское слово. — 1969 — 07.02 (№ 20423).

¹¹ Илья Троцкий: Страничка истории (Из воспоминаний журналиста) / Сегодня — 1928.

¹² Ричард Бёрдон Холдейн (Richard Burdon Haldane; 1856—1928), военный секретарь (1905—1912) и лорд-канцлер Великобритании (1912—1915).

интимные подробности, которые журналисту редко приходилось слышать от дипломата». Слушая Холдейна, Троцкий «решительно не понимал, чем ему обязан подобной откровенностью. Загадка, однако, скоро разъяснилась. Прощаясь, Холдейн, улыбаясь, сказал: Пожалуйста, не звука об этом в газете. Всё, что я сообщил, только для вашей личной информации. Вот тебе и сенсационное интервью!»

В ответ Троцкий рассказал Холдейну историю о немецком журналисте Клаузнере и Отто фон Бисмарке. Железный канцлер несколько раз сообщал журналисту якобы важные и тайные сведения, а спустя какое-то время спросил, почему тот не опубликовал в газете ничего из рассказанного. «Вы говорили о государственной тайне», — ответил Клаузнер. «Неужели вы полагаете, что государственную тайну я доверю именно вам?!», — якобы удивился фон Бисмарк, и журналист тут же опубликовал все полученные сведения. Лорд Холдейн рассмеялся, но ничего не сказал. Троцкий напечатал в «Русском слове» их беседу, вызвавшую большой переполох в Петербурге. После публикации английский министр специально заинтересовался, была ли статья подписана фамилией Троцкого. Узнав, что да, Холдейн удовлетворённо сказал: «Если джентльмен ставит свою подпись, значит, он отвечает за свои слова».

Однако политика не относилась к числу приоритетов журналиста Троцкого. Он уделял ей внимание по долгу службы, а настоящие интересы его всегда были связаны с миром искусства, главным образом с жизнью литературной среды. В Берлине он был вхож в закрытые для широкой публики литературные салоны, где заводил полезные для себя знакомства среди местных интеллектуалов. «Мы обменивались письмами, строили всякого рода издательские планы», — писал на закате жизни Илья Троцкий в одной из своих статей-воспоминаний¹³.

Один грандиозный проект — издание русскоязычной немецкой газеты — Илье Троцкому вполне удалось претворить в жизнь. Причем в реализации его «полезные знакомства» сыграли свою роль, возможно, что даже определяющую. К

---

¹³ Илья Троцкий: Накануне Первой мировой войны (Из личных воспоминаний) / Новое русское слово. — № 18751 — 1964.

примеру, газета, будучи издаваемой в Берлине, продавалась по всей Германии, а на её рекламных страницах красовались имена знаменитых и по сей день компаний, фирм и торговых марок. 8 июля 1912 года Илья Троицкий писал Осипу Исидоровичу Дымову (о нём речь пойдёт ниже) из Берлина: «Как видите, пишу на бланке «Заграничных откликов». Эта газета, отчасти, моё детище. Открыл её ещё с двумя коллегами. Вышли уже шесть №№, которые Вы на днях получите. Прошу Вас, дорогой Осип Исидорович, прислать нам кое-что для печати. Мы платим как никто. Целых семь пфеннигов со строки. Не откажите в духовной поддержке¹⁴».

В 1912 году за 10 немецких марок давали 4,6 рубля, стало быть, семь пфеннигов составляли 3,22 копейки. Много это было или мало по тогдашним русским расценкам для пишущей братии? Иван Бунин, вспоминая о своей встрече с поэтессой Миррой Лохвицкой (сестрой знаменитой Тэффи), передаёт их разговор о литературных гонорарах: «Вам сколько платят?» — «Рублей семьдесят пять, восемьдесят за лист». — «Боже мой! А за стихи сколько?» — «так?» — «Не знаю». — «Значит, я хуже вас?» — «Помилуй Бог, что вы!» — «Но в чем же тогда дело? Вам сколько лет?» — «Двадцать четыре». — «Ну, тогда, очевидно, только потому, что я по сравнению с вами ещё ребёнок...^{15 16}»

Итак, иностранный корреспондент газеты «Русское слово» Илья Троицкий, пользуясь своими связями в высших кругах берлинского общества, организовал на паях собственный издательский бизнес — первую в истории многотиражную русскоязычную немецкую газету, названную «Заграничные отклики» (*Das ausländische Echo*). Это было периодическое издание, рассчитанное на самый широкий круг проживавших на чужбине россиян. В «Зарубежных откликах» публиковались в первую очередь актуальные новости.

¹⁴ Осип Дымов: Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия. Т. 2. — С. 504.

¹⁵ Иван Бунин: Из записей. <http://www.mirrelia.ru/memoirs/?l=memoirs-1>

¹⁶ На самом деле Мирра Лохвицкая (1869—1905) была старше Бунина на год (1870—1953).

Официально газета выпускалась никому не известным издательством Х. Крунника (*Verlag Ch. Krunnik*), чья контора и редакция располагались в центре Берлина на Фридрихштрассе, 120. Интересно также то, что фамилия Троцкого как одного из издателей газеты в ней не фигурировала, он был всего лишь одним из её корреспондентов. Важно и то, что некрологов и светской хроники в еженедельнике не печатали, хотя такого рода информация для любой газеты — верная прибыль. В первом случае, по-видимому, издатели стремились не омрачать настроение своих читателей, а во втором — отсутствие интереса к жизни высших классов общества отражало демократизм и «левизну» еженедельника.

Еженедельник «Зарубежные отклики» — общественная, политическая, литературная и экономическая газета — в полиграфическом отношении выглядел вполне солидно и регулярно выходил в Берлине по воскресеньям с июня 1912 года по август 1914 года. Всё это время дела газеты шли отлично. Она продавалась по всей Германии. Издание было строго ориентировано на две русскоязычные группы германских читателей — оседлых россиян (студентов, коммерсантов, политических эмигрантов, среди которых было много евреев) и приезжих (курортников и всякого рода путешественников). Из всех отечественных событий тех лет наиболее активно и страстно в газете обсуждалось «дело Бейлиса»¹⁷, которое, будучи первым (и последним) в Европе «кровавым наветом» на евреев, стало громким судебным процессом не только в России, но привлекло к себе внимание всей международной общественности.

Большое место в еженедельнике уделялось повседневной культурной жизни. Причем в основном эти темы освещал сам Илья Троцкий. Так, например, сообщалось, что на выставке 1913 года «Первый немецкий Осенний салон» в берлинской галерее *Der Sturm* выставляются так же произведения русских художников-авангардистов: братьев Бурлюков, Шагала, Гонча-

---

¹⁷ Дело Бейлиса — судебный процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874—1934) в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. 12 марта 1911 года Бейлис был оправдан.

ровой, Ларионова, Якулова, Кульбина, «русских мюнхенцев» — Кандинского, Явленского и Верёвкиной. Рассказывалось о том, что берлинский Оперхаус, готовящий постановку «Бориса Годунова», предполагает пригласить на гастроли Фёдора Шаляпина, а в Камерном театре Макса Рейнхардта в его постановке с успехом прошла премьера последней пьесы Августа Стриндберга.

Бросается в глаза, что из всех политических событий, которым газета уделяла внимание в горячие предвоенные месяцы 1914 года, меньше всего места отводилось темам, непосредственно связанным с грядущей войной. Балканский кризис и даже сараевское убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги освещались на удивление скупно, как бы между прочим. Вероятно, политическая интуиция не относилась к числу сильных сторон редакции «Заграничных откликов». Впрочем, позднее Илья Троцкий рассказывал в своих статьях-воспоминаниях, что русские в Германии жили «уютно, беспечно, благодушно, и меньше всего ожидали, что вот-вот разразится мировая война¹⁸».

С исторической точки зрения большой интерес представляют статьи Троцкого в «Заграничных откликах», касающиеся восприятия немецкими читателями и зрителями литературных и драматических произведений писателей из первого эшелона русской литературы — Достоевского, Толстого, Чехова, Горького и других. Вот, например, что Троцкий пишет в большой статье «Чехов в Германии» от 05 (18) июля 1914 года:

«На днях исполнилось десятилетие со дня смерти незабвенного Антона Павловича Чехова. Как это ни печально, но Чехова в Германии ещё не понимают. Его пьесы терпят в большинстве фиаско, и редкий театр рискнёт сейчас выступить с произведениями нашего безвременно ушедшего таланта. Спросите рядового немецкого читателя из среднего интеллигентного круга — знает ли он Чехова, и вы получите в ответ:

---

¹⁸Илья Троцкий: С. Ю. Витте и мировая война / Дни. — 1924 — 27.07 (№ 522); Накануне Первой мировой войны; Со ступеньки на ступеньку (Из записных книжек журналиста) / Новое русское слово. — 1964 — № 18751 и 1967 — 03.07

«А как же? Знаю!» Но поговорите с ним на эту тему и вы убедитесь, что он знает не Антона Чехова, а Антошу Чехонте. Ни один писатель, за исключением Горького, Достоевского и Мережковского, не имел в Германии такого успеха, как Антоша Чехонте. <...> Чужд Чехов немцам! Чужды им его герои с их бескрылыми надеждами, далека их психология и непонятны их порывы».

Что же касается упомянутого писателя Осипа Дымова (1878, Белосток — 1959, Нью-Йорк), то сегодня как прозаик и драматург он прочно и незаслуженно забыт. И только единственное в своём роде подробно откомментированное издание Иерусалимского еврейского университета 2011 года даёт представление об этом удивительном человеке, писавшем на четырёх языках — русском, немецком, идиш и английском, дружившим с наиболее выдающимися деятелями русской культуры, многие из которых — Леонид Андреев, А. Н. Толстой, Собинов, Шаляпин, Мейерхольд, Владимир Немирович-Данченко — не только считали его «своим», но и — что в художественно-артистической среде явление редкое — по-настоящему любили.

Дымов от рождения звался Иосифом Исидоровичем Перельманом, но, решив быть русским литератором, взял себе псевдоним — фамилию и имя одного из героев рассказа высоко чтимого им его Чехова. Со временем «Дымов» из псевдонима превратился в его фамилию, став также официальной фамилией его семьи.

В отличие от своих старших братьев по перу и хороших знакомых — Андреева, Горького, Куприна — Дымов не был ни властителем дум русского общества, ни глашатаем нового литературного направления. В его новеллах и рассказах открывался камерный мир, центром которого оставались небольшие события, настроения, переживания — «коротенькие образы, коротенькие мысли, коротенькие чувства и мелькание, мелькание, мелькание без конца». Суть этого мира К. И. Чуковский назвал «мистицизмом обыденности».

Осип Дымов в начале Серебряного века был одним из самых известных публицистов в России.читающая публика знала его как автора политических фельетонов. Дымову даже на-

чали подражать. Корней Чуковский в своём очерке «Мещанское и его поэзия» (1905) писал: «Маленький, но изящный юмор в маленькую, но не изящную эпоху сатирических журналов 1905—1907 годов сделал из него Дымова, одного из лучших юмористов, создавшего несколько шедевров сатиры, которые со временем непременно попадут в хрестоматию».

Большой успех сопутствовал Дымову-драматургу и за рубежом. Его самая знаменитая пьеса «Ню. Трагедия каждого дня» впервые была показана на немецкой сцене: её премьера состоялась 17 марта 1908 года в берлинском камерном театре «Каммершпигеле» (*Kammerspiele*), главным режиссёром которого был знаменитый реформатор театрального искусства Макс Рейнхардт. Илья Троицкий впоследствии вспоминал, что эта постановка пользовалась ошеломляющим успехом. Немецкая критика безоговорочно и единодушно одобрила удачный выбор Рейнхардта, не скупясь на похвалы и режиссёру, и автору пьесы. «Ню» с лёгкой руки Рейнхардта обошла все германские и австрийские сцены.

Став преуспевающим писателем, Осип Дымов — первый еврей, снискавший столь лестный титул на русской литературной сцене — тем не менее постоянно подвергался поношениям со стороны кондовых русских почвенников. Его относили «к компании еврейских литературных клопов, зажигающих русскую литературу наглой и бездарной декадентской чепухой, которую теперь выдают за самое модное и за самое превосходное творчество¹⁹», обвиняли в «европеизме», в протаскивании стилистики венского модерна на русскую сцену и других «непатриотических» грехах. Можно полагать, что остаться на Западе Дымова подвигли только объективные причины — Первая мировая войны и русская революция, заставшие его на гастролях в США, а также почвенническая риторика российских правых.

В середине 1920—х, убедившись, что культурная жизнь в США значительно скучнее и провинциальней, чем в Европе, Дымов вернулся в Старый Свет, поселившись в Берлине.

---

¹⁹ Виктор Буренин: Критические очерки и памфлеты / СПб. — Издательство А. С. Суворина. — 1884.

Владение, причем вполне на литературном уровне, четырьмя европейскими языками открыло ему двери в различные литературные сферы. Вплоть до 1933 года его пьесы на немецком языке пользуются большим успехом в Германии. Также он сделал карьеру и в мировом кинематографе. По его сценариям в 1930—1939 годах было поставлено несколько десятков фильмов. Но при всём этом Дымов не оставлял и отечественную словесность. До конца 1929 года — поразительный случай в истории эмиграции! — Дымов работал собственным корреспондентом ленинградской «Красной газеты». Он был не просто просоветски настроенным литератором, в чём его в эмиграции обвиняли многие, в том числе и И.М. Троицкий. Дымов — писатель, который был советским журналистом на Западе²⁰. Однако в 1930—х годах такое «роскошествование» ему уже не позволялось и просоветские симпатии Осипа Дымова сошли на нет.

Подводя итог творческой активности Осипа Дымова в России, Европе и Америке, Илья Троицкий констатировал очевидный факт: «Осип Дымов не обманул возлагавшихся на него надежды. Его литературное наследие охватывает все почти жанры литературной словесности: беллетристику, драматургию, юмор, сатиру и даже мемуаристику. На всём этом лежит печать дарования, оваянного настроениями его капризной музыки. Некоторые из произведений Дымова, особенно в области драматургии, не утратили и по сей день актуальности и воспринимаются с интересом²¹».

Что же касается самого Ильи Троицкого, то в контексте интеграции русского литератора в чужеродной культурной среде его личный опыт представляется весьма и весьма поучительным. Хотя, как писал он в конце жизни, большинство его совместных планов и проектов с немецкими литераторами кайзеровской эпохи «сгорело в огне Первой мировой войны», сам факт их наличия много стоит. И здесь сразу же напрашиваются параллели с нашими днями.

---

²⁰ Иван Толстой, Владимир Хазан: Возвращение Осипа Дымова; <http://www.svoboda.org/content/transcript/24688695.html>

²¹ Илья Троицкий: Вместо венка на могилу О. Дымова / Новое русское слово. — 1959 — 18.02 (№ 1676).

В современной Германии не так уж много мест, где человек, подобный Илье Троцкому, мог бы реализовать себя как журналист. Исконный русский вопрос «что делать?» подводит к необходимости рассматривать опыт исторических персонажей как модели поведения. В таком подходе И. М. Троцкий являл собой модель, в которой творческий потенциал личности органично реализуется в двух «неслиянных и нераздельных» ипостасях, что в идиографической форме можно отобразить лигатурой **db** (соединением букв d и b).

Как журналист-профессионал Троцкий выступал на огромной российской сцене в амплуа германиста-просветителя, наводящего мосты между странами и народами. Одновременно он осваивал и культуризовал «русское пространство» Германии, постоянно насыщая его информацией, так или иначе связанной с далёкой родиной, и реалиями повседневной германской жизни.

По-видимому, такая модель самореализации за рубежом и в наше время остаётся оптимальной. «Русское пространство» в Германии сегодня в разы больше, чем в начале XX века. Оно дышит по-своему, но чутко прислушивается к «шуму времени». Как в каждой сугубо национальной общности, в нём, естественно, сильны изоляционистские тенденции, которые как бы противодействуют вектору полной ассимиляции. На этой сцене всегда кипят страсти, но, увы, очень редко мелькает тень плодотворной мысли. Креативному интеллектуалу здесь можно реализовать свой творческий потенциал в полную силу. Обладая терпением и собранностью, такой человек сконцентрируется на поиске общности интересов, выявлении культурных параллелей и пересечений. Об этом ему необходимо постоянно информировать и германскую аудиторию, становясь таким образом «своим» в чужом, всегда недоверчивом по отношению ко всему русскому миру.

На этом пути возникают и специфические трудности. Для германской аудитории нужно найти приоритеты, отработать свою литературную форму представления информации. Это всё

очень непросто сделать. Илье Троцкому, например, при всём его европеизме, так и не удалось найти свою нишу в немецкоязычной печати.

Идеальным инструментом для воплощения культурологических интеграционных проектов мог бы быть солидный русский литературный журнал, снабжённый подробными немецкими аннотациями. Сможет ли русская часть Германии справиться с такой задачей, покажет время. **Б**

Елена Мадден

ЛИТЕРАТУРА—2, —3, —4, —5?

К описанию русскоязычной литературы Германии

Эти заметки навеяны некоторыми особенностями биографии и профессиональной судьбы автора: в прошлом доктор филологических наук, вузовский преподаватель, критик, автор литературоведческих книг стала в новой жизни фрилансером-многостаночником, помимо этого, попробовала себя в роли актёра художественной сцены: автора визуальных стихотворений и видео, эссе и рассказов для детей. Перемена роли вносит в личную жизнь трудности (долгое прощание с тем, что хорошо умеешь; начало с нуля) — но и открывает новые возможности.

Прежде всего, меняется восприятие. Нет, речь не о метаморфозе, не о смене угла зрения (вместо прежней дистанции учёного — вовлечённость участника художественного процесса). В данном случае произошло нечто иное: автор заметок обнаружила себя *на границе*: литературоведения — и проб в искусстве, литературы — и визуальных искусств, профессионализма — и дилетантства. Пограничное положение обременяет двойным видением. Оглядываешься на границе, оставаясь в привычной роли литературоведа, — взгляду открывается картина несколько статичная: события редки, но значительны, фигуры действуют заметные и весомые, и неважно, что у них разные весовые категории: все действующие лица — профи, все признаны в качестве литераторов. Входишь в роль участника процесса — сталкиваешься с десятками неучтённых (и принципиально не учитываемых) наукой фактов и имён.

В итоге арена действия начинает напоминать квантовое поле: видишь иерархически выстроенные фигуры, но стоит сменить оптику — участвуешь в «броуновском движении» и физически ощущаешь его энергетику — заряды, волны энер-

гии, токи... И есть догадка, что возможно объединить две (не слишком совместимые) картины происходящего — и что в итоге к научным описаниям добавятся некие важные штрихи.

* * *

Литературоведческое представление о русскоязычной литературе Германии достаточно хорошо разработано. Она описывается, например, в известных справочниках.

Моего авторства справочник *Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland*, вышедший в 1998 году в издательстве *Verlag Otto Sagner*, сегодня (когда речь идёт уже о пятой волне мигрантов) устарел; но он стал одним из важнейших источников известной книги Сергея Ивановича Чупринина «Русская литература сегодня: Зарубежье», вышедшей в 2008 году. (По просьбе автора я передавала его тогдашнему сотруднику критику Александру Агееву русскую версию моего вышедшего на немецком справочника.)

С. И. Чупринин с полным правом называет себя «бывалым словарщиком». Он издал несколько справочных пособий, и труд его оценен по достоинству. Автор рецензии в «Новом литературном обозрении», социолог культуры и историк литературы, библиограф Абрам Ильич Рейтблат указывает на «громадный информационный потенциал» чупрининской двухтомной энциклопедии современного русского литературного зарубежья (хоть и отмечает «неточности» и «спорные методические решения»).

В рубрике «Германия» девяносто восемь имён. Представлено несколько поколений пишущих: здесь и старейшины литературного цеха Борис Хазанов и Анри Волохонский, и среднее поколение, и младшее — например, Александр Дельфинов. Описаны союзы писателей и периодика.

Ещё одно авторитетное (хотя, кажется, менее известное) справочное пособие по русскоязычной и, в частности, «русской немецкой» литературе — «Литкарта» (www.litkarta.ru), которой руководит в качестве главного редактора Дмитрий Владимирович Кузьмин, известный поэт, критик, литературовед и издатель.

Создает «Литкарту» коллектив из нескольких человек, которым помогают добровольцы (мой скромный вклад есть и в этом издании).

Русская литературная Германия в интернет-издании не столь многочисленна, как в книге «Русская литература сегодня: Зарубежье»: принципы отбора имён строже. В региональном разделе «Германия» сорок шесть персоналий — вдвое меньше, чем в книге Чупринина; в списке периодики два журнала — у Чупринина много больше, к тому же названы писательские союзы.

Останься я российским литературоведом, сочла бы результат обработки огромного литературного материала вполне удовлетворительным.

Но человека, занимающего *пограничное положение*, перестает устраивать московский взгляд с высоты птичьего полёта, своего рода «аэрофотосъёмка» русскоязычных литературных объектов на германской территории.

Отбор персоналий для справочника, то есть попытка выверить вес (рейтинг, ранг) участников литературного процесса, не кажется столь уж важной задачей. Усилия — изнутри литпроцесса — угадать и выстроить иерархию фигур неизбежно приводят к спорным результатам, это ведь прерогатива будущего (*большое видится на расстоянии*). Поэтому меньше всего возражений вызывает (тот или иной) перечень литературных имён и названий. Он всё равно мало о чём говорит. Список фамилий, книг, периодики может быть длиннее или короче, детальнее или строже, он может быть более или менее актуальным, но в любом случае он... не даёт представления о том, что (и как) здесь, в литературном процессе русской Германии, происходит!

Решающим кажется не отбор, не количество фигур на доске. Втянутый наблюдатель *изру* переживает иначе: вокруг него поле, где на многих подмостках приводятся в движение, получают право голоса и заявляют о себе творческие импульсы, поля и потоки энергии.

Такое восприятие усиливается в западном пространстве, где креативный потенциал, креативная энергия сами по себе имеют заведомо высокий статус. Этот взгляд на вещи осенён

авторитетом Йозефа Бойса (его убеждением, что каждый человек — потенциальный художник). И подкреплён практикой такого (неодадаистского) движения, как *Fluxus* (в русской транслитерации флюксус; или флюксус, флаксус и даже — попытка транскрипции — флаксас), с его переориентацией с арт-вещи и арт-персоны — на арт-энергию (с художественной продукции — на процесс, с Мастера — на концепт и его импровизационное исполнение), так реализуется главный принцип флюксуса, размытость границы между разными искусствами или вообще между искусством и жизнью — между культурным и тривиальным, высоким и заурядным...

Западный арт-мир давно уже переносит центр тяжести с искусства на творческий порыв. В итоге здесь десятилетиями идёт пополнение рядов культуры «улицей» («безъязыкой» ли?) и крепнет представление о том, что искусство не служение, а самовыражение, и не профессия — скорее стиль жизни, организация жизненного пространства.

Когда идешь по берлинскому району Пренцлауэр Берг или гуляешь по Парку стены вечером или в выходные, зреет ощущение, что здешние обитатели по жизни заняты тем, что производят концепты, превращающие среду обитания в арт-пространство, — и обмениваются продукцией...

Эти-то ощущения и размышления и приводят к тому, что в вышеупомянутых справочниках ощущается нехватка чего-то важного, а может, и главного. Они мало учитывают энергетику литературных полей. В справочниках не находится места для описания как раз тех феноменов, которые непосредственно воплощают креативные энергии как таковые.

* * *

Попробую описать проявления литературных энергий на примере берлинской литературной жизни.

При ближайшем рассмотрении речь о пограничных феноменах.

— Прежде всего: *держат руку на пульсе* берлинского литературного сообщества просто: надо чаще бывать на «чтениях»

или «презентациях» — в кафе, в книжном магазине *Nimmersatt*, в «Арт-салоне» или «Салоне Фадиных», в театре P.A.N.D.A. Самая устойчивая форма бытования литературы зарубежья — устная.

При этом выступления писателей *live* — нечто большее, чем обычная рекламная акция или традиционные «встречи с читателями»: тут не столько вспомогательная форма литературной жизни, сколько ее самостоятельное проявление.

— Любопытно, что, наряду с собственно «изящной словесностью», «презентируются» и явления на её границе (сценарии или, скажем, комиксы). А то и за границей: литературные вечера сопровождаются выставками, концертами, театральными постановками, фильмами. Коллективные шоу на границе литературы, музыки, перформанса, видео и так далее обеспечивают автору имя и отклик с большей гарантией, чем наличие его книг в каталогах эстаблированных книжных издательств.

Цель таких встреч, опять-таки, не просто желание любыми средствами «усилить резонанс» словесного искусства. И тем более не простая *тусовка* представителей разных искусств. Пожалуй, и тут заявляет о себе — достаточно последовательно и интенсивно — некая самостоятельная форма художественной жизни.

Не потому ли выступления в совместных шоу довольно трудно классифицировать?

Что демонстрирует Театр каллиграфии: абстрактную живопись, инсценированные тексты, танец, концерт, видеофильмы, перформанс, «сейшн» художников, танцоров и музыкантов? Ни то, ни другое, ни третье...

Или: что предлагает вниманию публики в рамках *slam poetry* «не только русский театр» P.A.N.D.A.: чтения, музыкальные импровизации, перформансы, хэппенинги, фестиваль, конкурс?

Если плоды *сотрудничества* такого рода публикуются в виде книг, они меньше всего похожи на традиционные книги.

Вспомним проект «Берлин — открытый город». Альманах издаётся с 2005 года и насчитывает около двух десятков выпусков; ещё больше выпусков запланировано. Каждый выпуск — тридцать экземпляров, они пронумерованы и подписаны

авторами; переплёт и часть эстампов / фотографий / коллажей изготовлены вручную. Есть попытки добавить к текстовому и графическому модусу «книг» ещё и звуковой: тексты записываются в исполнении авторов в аудио-(видео)формате. Что любопытно: визуальный компонент ни в коем случае не представляет собой привычные *иллюстрации*: графика вполне независима; но всё же не обособлена: если отделить её от текстов, она многое теряет. Тут и в самом деле симбиоз...

— «Поли— / интер— / трансмедialные» проекты не только переводят литературу на языки других искусств — часто участники говорят буквально на разных языках. В серии билингвальных вечеров *Schloß Moabit* немецкие стихи звучат вперемешку с русскими, авторов сменяют переводчики.

— Группы, объединяющие литераторов с художниками и дизайнерами, с актёрами и режиссёрами, музыкантами и композиторами, скорее мобильны, чем стабильны, они меняют состав со сменой места, и всё же им удаётся порождать нечто целостное — как если бы действовал своего рода коллективный автор.

— Этот многоязычный (во многих смыслах) автор поистине поражает «волей к жизни», к самоутверждению и экспансии:

— Идёт неустанный поиск всё новых площадок и форм репрезентации. Активно используются онлайн-платформы, ведь они открывают безграничные возможности. Интернет-презентации становятся своеобразными каналами вещания, с новостями, фото и видео. А также с возможностью коллективного импровизационного самовыражения — к собственно авторам присоединяются «авторствующие» читатели-зрители-слушатели. Канал «не только театра» P.A.N.D.A. в *Facebook* объединяет больше тысячи участников-«пандидос»!

— Мобильные группы-проекты-тусовки берут на себя задачу документации и архивирования *белых пятен* «Литкарты» (*BadTVBerlin*);

— Плоды саморефлексии часто демонстративно противопоставлены представлениям «цеха» — вспомним самообозначение группы или, скорее, течения «высокая кул(!)тура»;

— Тут рождается — и активно утверждается — своё

представление о центрах литературной жизни и собственная модель «табели о рангах»; итогом — версия литературной жизни, очень не похожая на ту, что вырабатывают профи.

Примеры?

Большинства из победителей альтернативных фестивалей и конкурсов не найти в московских справочниках.

В аннотации к проекту «Берлин — открытый город» его куратор представляет публике *«современный художественный «Русский Берлин» во всём его единстве и многообразии»*. Проект призван показать: *«Так звучал Берлин начала XXI века»* (ещё одна цитата из аннотации). «Коллекционные книги» — выпуски альманаха продаются в крупнейшие библиотеки (*Buchmuseum der Deutschen Bücherei* в Лейпциге, *Kunstabteilung der Stadtbibliothek* и *Staatsbibliothek, Stiftung Preussischer Kulturbesitz* в Берлине, *Die Deutsche Bibliothek* во Франкфурте-на-Майне) — похоже, и в самом деле для будущих славистов-историков литературы «Берлин — открытый город» окажется синонимом арт-Берлина XXI века...

Но насколько *неофициальная*, альтернативная, картина литературной жизни оправданна? И что такое — объективно — высокая кул(!)тура? Она открывает ворота всем: аутсайдерам-маргиналам, экспериментаторам-первопроходцам, дебютантам, дилетантам и графоманам — но кого тут больше? И кто из них, собственно, делает литературную погоду в современной русской Германии? И какова — объективно — перспектива ситуации?

Может, высокая кул(!)тура — всего лишь симптом очередного наступления «культуры масс»? Новая мутация массовой культуры, ныне способной поглотить и переварить всё, даже и авангардный поиск? Новое понижение планки...

* * *

Самое время правильно, корректно поставить вопросы. Это нелегко...

Вот, похоже, вопросы, на которые найдётся ответ: какие отношения связывают сегодня (высокую) кул(!)туру — и культуру? В чём, например, смысл происходящего на площадке «Берлин — открытый город»: тут питательная среда для лабораторной

работы над новыми формами искусства и для рождения нового — или поглощение культуры потоком витальной художественной самодеятельности?

(Высокая) культура и кул(!)тура не отграничены друг от друга, и движение между ними не одностороннее (не только снизувверх) — наблюдается диффузия. В серии «коллекционных книг», наряду с Мариной Оргазмус, присутствуют именитые авторы: Сергей Гладких и Борис Шапиро, живой «классик авангарда» Сергей Бирюков... Мэтры охотно забредают на «альтернативные» территории. Но в чём причина? Поиск возможно широкого контакта с публикой, естественное желание литератора напечататься (где бы то ни было)? Или индивидуальный темперамент, мужество сделать шаг навстречу витально заряженным молодым силам? А может, всё тот же выбор экзистенциальной модели литературной жизни? Той самой, в которой литература уже не — или не только — уединённая работа над словом и образом, она нечто большее: *lifestyle*, организация жизненного пространства, жизнетворчество... По непосредственному ощущению — скорее последнее.

Но если точка соприкосновения именно тут, если участников связывает не просто прагматичный интерес, — есть надежда на глубину контакта. На то, что происходящее обернётся не поглощением культуры, но осмосом её в раствор «культуры масс»; на то, что *энергия поиска* не просто усилит энергетический заряд *массового автора*, но расширит его горизонты, расположит его потенциал в достойных контекстах, поднимет планку.

Опять-таки по непосредственному ощущению, силы пока равны. Так, может, и нет в современной берлинской художественной жизни никакого мейнстрима, *middle of the road*?

Тут нельзя не вспомнить идею «длинного хвоста», которую развил американский журналист, редактор и издатель Крис Андерсон.

Он, собственно, писал о художественном рынке, о его неожиданной метаморфозе. О том, что изменилось рыночное значение продукции, раньше экономически невыгодной: сейчас продукты, что могут быть оценены далеко не всеми, или те, что создаются любителями, гарантированно находят своего

покупателя — и «превращаются в экономическую и культурную силу, с которой придётся считаться». По Андерсону, происходит это «благодаря экономике цифровой дистрибуции». (Не исключено, что и благодаря особой энергетике, ведь «нишевые продукты» подпитывают мотивы намного более жизненно важные, чем настрой на развлечение, прежде заправлявший рынком...)

Мониторинг рынка обнаруживает сегодня «длинный хвост», вес которого сравним с весом тела динозавров шоу-бизнеса... «Массовый рынок превращается в массу ниш», — прогнозирует Андерсон.

Массовая культура уступает место массе микрокультур?.. Когда-то Владимир Паперный говорил о культуре-2, развивающейся параллельно официальной советской; с падением последней Россию настиг мировой тренд, массовая культура; но теперь и ей предстоит ступешваться перед «нишевыми» культурами — культурой-3, -4, -5?..

В своё время российский учёный Владимир Леопольдович Каганский много писал о «пространстве маргинальности», об отношениях «центра» и «периферии», о статусе «границы». Он указывал на возможность инверсии оппозиции «центр — граница»: на то, что центр может стать периферией, а на бывшей границе могут образоваться новые ЦЕНТРЫ. Будущее — за полицентричными структурами?

* * *

Время вернуться к описанию литературного процесса, к модели его.

Сегодня я сместила бы центр тяжести в работе над справочником, призванным воссоздать картину современной литературы. Сами принципы подхода к материалу видятся мне сейчас иначе, чем много лет назад.

Панорамирование, уменьшение масштаба литературной карты подводит к представлению о том, что сегодня перестаёт работать иерархическая модель литературной жизни (не заслуживающая внимания профи низовая самодеятельность — андерграунд — мейнстрим массовой культуры — несущая *энергию*

поиска / энергию заблуждения высокая культура, какую бы форму она ни принимала: реализм, авангард, постмодерн). Похоже на смену иерархическим структурам идёт *полицентричный мир* равноценных «нишевых» микрокультур.

Структура художественного процесса меняется — и это надо бы учитывать в справочниках. Их содержанием уже не может быть просто ряд имён, отобранных профи. Литературная топография должна учитывать и описывать сами творческие энергии и их проявления на тех новых площадках, на которые сегодня выходит литература (подобно тому как выходила «на площадь» в начале или в середине прошлого века).

Площадки / перекрёстки креативных энергий, рождающихся в разных сферах жизни и в разных видах искусства, не могут далее оставаться незамеченными. **Ъ**

Илья Члаки

Телефон для справок

Фрагмент из пьесы «Картинки из провинции»

Действующие лица:

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
ДЕВУШКА

Голос Молодого человека слегка приглушён.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Алё, алё...

Работает автоответчик.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Очень интересно. Давай, барышня, покороче. Дубина бездушная! Слушай, ты мне надоела...

Поёт песню не совсем естественным голосом. Автоответчик останавливается, слышен женский голос.

ДЕВУШКА. Служба справок, я рада приветствовать вас...

Он не слышит её, поёт.

ДЕВУШКА. Алё... Вы будете петь или спрашивать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вообще-то у меня нет слуха, да и голоса тоже, но, если вы согласны меня слушать, пожалуй, буду петь.

ДЕВУШКА. До свидания.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Пардон. Извините. У меня есть вопрос. Вы слышите меня?

ДЕВУШКА. Я слушаю.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Как поживаете?

ДЕВУШКА. Ваш вопрос?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мой вопрос.

ДЕВУШКА. Я не поняла.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Как дела?

ДЕВУШКА. Это железнодорожная справочная, а не бюро знакомств.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я пошутил. Девушка, подождите, я задаю вопрос, задаю... Ну, например, когда приходит поезд... из Берлина, что ли?

ДЕВУШКА. Куда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ну... в Ганновер.

ДЕВУШКА. Одну минуточку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Разумеется, конечно же. Я готов ждать всю жизнь, раз вам так понравилось моё пение. Ищите не спеша, я спою пока что-нибудь другое. Вот, как вы к этому отнесётесь?..

Молодой человек начинает петь.

ДЕВУШКА. Господин, господин...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я, я господин. И меня зовут... Как же меня зовут?..

ДЕВУШКА. Поезд из Берлина в Ганновер приходит в пятнадцать ноль-ноль.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Меня зовут Эрих.

ДЕВУШКА. Рада за вас.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Девушка, не вешайте трубку! Пожалуйста! Ещё вопрос, ещё вопрос!

ДЕВУШКА. Говорите.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Меня зовут Эрих.

ДЕВУШКА. Я поняла. Ваш вопрос.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ваше имя?

ДЕВУШКА. Вы занимаете линию не по делу, господин.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Эрих.

ДЕВУШКА. Это телефон для справок.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вот я и спрашиваю.

ДЕВУШКА. Я слушаю.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Извините, я не имею права вести личные беседы. До свидания.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Стоп, стоп! Когда приходит поезд из... из Дюссельдорфа?

ДЕВУШКА. В Ганновер?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да-да, конечно.

ДЕВУШКА. Одну минуточку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я больше не буду петь, не волнуйтесь.

Вот, теперь и петь не буду. Я лучше скажу вам... Можно? Мне так понравился ваш голос... Правда. Столько тепла, домашнего уюта, спокойствия от него исходит... Такого голоса я ещё не слышал...

ДЕВУШКА. Господин...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Эрих.

ДЕВУШКА. Эрих.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Спасибо, большое спасибо.

ДЕВУШКА. Ваш поезд приходит в девятнадцать сорок три.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это не мой поезд, мой — давно ушёл и, кажется, безвозвратно.

ДЕВУШКА. Мне очень жаль, но... я должна работать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Как вас зовут?

ДЕВУШКА. Мари. Всего вам доброго.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мари! Когда приходит поезд из Москвы?

ДЕВУШКА. В Ганновер?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да-да.

ДЕВУШКА. Минуточку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мари, Мари! Ах, какое имя! У вас есть друг, Мари?

ДЕВУШКА. Поезда из Москвы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Неужели у вас нет друга? Нет, быть того не может!

ДЕВУШКА. Есть.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Слушайте, Мари, вас не раздражает мой голос? Противный, правда? Мне самому не нравится, не привык я к такому... Козлиный какой-то, да?

ДЕВУШКА. Не знаю, я не понимаю...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это из-за простуды, погода такая, что... Впрочем, не люблю я свой голос, ни так, ни эдак не люблю. А вот ваш... Как бы я хотел!

ДЕВУШКА. Поезда из Москвы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да. Как бы я хотел встретиться с вами...

ДЕВУШКА. Вы даже не знаете, сколько мне лет. Вдруг я уже старуха, что тогда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Плевать, у вас такой голос...

ДЕВУШКА. А мне не плевать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Никакая ты не старуха.

ДЕВУШКА. Да? Откуда вы знаете?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Тебе не больше двадцати трёх. Не так, не так?

ДЕВУШКА. Двадцать два.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Видишь! Твой голос говорит обо всём. Ты даже не подозреваешь, что он передаёт... Я точно знаю, как ты выглядишь, какие у тебя волосы, глаза...

ДЕВУШКА. Какие?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Соломенные волосы, серые глаза...

ДЕВУШКА. Глаза — голубые, серо-голубые.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я представляю, очень хорошо представляю твою походку, вижу твои руки, форму пальцев...

ДЕВУШКА. Этого не может быть...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Может. Пальцы у тебя тонкие, длинные, музыкальные пальчики.

ДЕВУШКА. Так все говорят.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вот и я...

Небольшая пауза.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Скоро мне исполнится двадцать шесть.

ДЕВУШКА. Правда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что тебя удивляет?

ДЕВУШКА. Нет, ничего, просто... нет!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что?

ДЕВУШКА. Нет-нет, ничего.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Двадцать шесть лет... И уже так всё надоело, слов нет!

Небольшая пауза.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Тебе нравится твоя работа?

ДЕВУШКА. Не очень.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Зачем же ты здесь работаешь?

ДЕВУШКА. Деньги. Противно зависеть от родителей, вообще от кого-нибудь зависеть.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да, это правильно. Мне бы тоже хотелось, но, увы, не всегда получается...

ДЕВУШКА. У меня тоже не всегда.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А тебе не скучно, Мари?

ДЕВУШКА. Что?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Жить не скучно?

ДЕВУШКА. По-разному. Бывает и скучно. А тебе?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мне? Никогда. Не успеваю скучать, не до скуки, понимаешь? Голова всё время занята какими-то важными мыслями... Вот, например. Интересует меня очень, существует ли поезд из Ганновера в никуда? Можешь ответить мне на этот простой вопрос? Обратное направление меня не волнует.

ДЕВУШКА. Минуточку, я посмотрю.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ну, что?

ДЕВУШКА. Так, так... Есть.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ага! Я же говорил, я всегда говорил! Когда отправляется?

ДЕВУШКА. Тридцать второго числа, в двадцать пять девяносто восемь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Забронируйте местечко.

Девушка смеётся.

ДЕВУШКА. Эрих...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да-да.

ДЕВУШКА. А где твоя девушка, Эрих?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У меня её нет.

ДЕВУШКА. Врёшь?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Зачем?

ДЕВУШКА. Не знаю...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мы с тобой вряд ли когда-нибудь увидимся, так что врать нет смысла.

ДЕВУШКА. Да...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да...

Небольшая пауза.

ДЕВУШКА. Ты меня спрашивай почаще.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. О чём?

ДЕВУШКА. Ну... маршрут называй, а то... Я ведь тут не одна...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Во сколько отправляется ближайший поезд в Ганновер?

ДЕВУШКА. Откуда?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Из Ганновера.

ДЕВУШКА. Из Ганновера в Ганновер? Уже вышел.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Тогда в Брауншвайг.

ДЕВУШКА. Из Ганновера в Брауншвайг?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

ДЕВУШКА. Минуточку... Эрих, почему ты позвонил в справочную?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А куда же мне ещё?.. Некуда больше, некому... Так было скверно на душе, хоть в петлю лезь... Захотелось услышать человеческий голос. Мне повезло, я услышал твой... Мари, Мари... Удивительно, что я познакомился с тобой. Ты живешь с родителями?

ДЕВУШКА. Да. А ты?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Один.

ДЕВУШКА. Не работаешь? Не работаешь?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет. Что там с поездом?

ДЕВУШКА. Поезд из Ганновера в Брауншвайг отправляется в шесть ноль пять, шесть пятьдесят, семь двадцать...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Знаешь, мне кажется... я слышу в твоём голосе... У тебя что-то произошло?

ДЕВУШКА. Нет.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не сейчас, раньше.

ДЕВУШКА. Нет.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я слышу, всё время слышу.

ДЕВУШКА. Нет.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Говори, всегда лучше выговориться.

ДЕВУШКА. Мне нечего сказать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Мари...

ДЕВУШКА. Поезд из Касселя в Ганновер? Минуточку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Тебя бросил друг?

Небольшая пауза.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я так и подумал. Мне кажется, я, конечно, могу ошибаться, но... он был не очень хорошим человеком, твой друг. Да? Не говори ничего. Он наверняка тебя бросил безо всякой причины. Просто ты ему надоела, и он ушёл. Так ведь? Пресытился. Захотелось свободы и независимости, и — до свидания. Поэтому и голос у тебя грустный. Мари... Ты не должна даже думать... Всё это так далеко, настолько в прошлом, что и посмеяться можно.

ДЕВУШКА. Не хочется. Хоть и действительно прошло около года...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Около года...

ДЕВУШКА. Да.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. И ты до сих пор?.. Ты его любишь?

ДЕВУШКА. Нет!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я понимаю, прости...

ДЕВУШКА. Ничего, всё нормально.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Хорошо, что я тебе позвонил. Тебе, так же как и мне, стало менее одиноко. Что может быть хуже одиночества! Мари, хочешь, я буду звонить тебе каждый день?

ДЕВУШКА. А ты никого не бросил, Эрих?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Бросил... Так получилось, что я должен был... Нет, я никого не бросал.

Небольшая пауза.

ДЕВУШКА. Что же ты молчишь? Эрих? Эрих? Ты ещё здесь?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да-да, я здесь.

ДЕВУШКА. Я тебя хотела спросить...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я слушаю.

ДЕВУШКА. У тебя очень приятный голос, Эрих, и мне кажется, я тоже могу... попробую обрисовать тебя. Можно?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Если хочешь...

ДЕВУШКА. Я попробую.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Давай.

ДЕВУШКА. У тебя длинные волосы.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

ДЕВУШКА. Карие глаза.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

ДЕВУШКА. Ты любишь музыку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

ДЕВУШКА. Я тоже люблю музыку.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я знаю.

ДЕВУШКА. А может, нам с тобой...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что?

ДЕВУШКА. Встретиться?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Зачем?

ДЕВУШКА. Я не знаю... Мне кажется, мы подходим друг к другу...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А есть такой поезд, в который

заходишь, а выйти уже нельзя, никогда, никуда? Есть? Я бы хотел воспользоваться таким поездом.

ДЕВУШКА. Ты не хочешь со мной встретиться?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не хочу.

ДЕВУШКА. Почему?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ты меня неправильно описала.

ДЕВУШКА. Только поэтому?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да.

ДЕВУШКА. У тебя не тёмные волосы?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Светлые.

ДЕВУШКА. Не карие глаза?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Голубые.

ДЕВУШКА. Зачем же ты говорил?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Какая разница, какого цвета мои волосы, глаза?!

ДЕВУШКА. Конечно, это не важно... У тебя доброе сердце.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. При чём здесь моё сердце?

ДЕВУШКА. Ты не встретишься со мной?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

ДЕВУШКА. Ты же этого хочешь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не хочу.

ДЕВУШКА. Неправда, я слышу!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Твой слух обманывает тебя. Давай прощаться.

ДЕВУШКА. Эрих...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что?

ДЕВУШКА. Я завтра не работаю, пойдём в кафе?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. «Пойдём»?

ДЕВУШКА. Или просто куда-нибудь?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Пойдём?

ДЕВУШКА. Да.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не получится, Мари.

ДЕВУШКА. Но почему?!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не могу я ходить, не могу!!!

ДЕВУШКА. Эрих!

Голос Молодого человека становится более ярким, отчётливым.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ног нет, не ясно?! Ни левой, ни правой!

Так что с «пойдём» — проблемы! Могу только прикатить! Колясочки такие бывают, знаешь?! Кресла на колёсах! И у меня такая имеется! Сел и поехал! Катисься, что есть духу!

Пауза.

ДЕВУШКА. Господи!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вот именно!

ДЕВУШКА. Нет, не может быть! Клаус!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не Клаус, не Клаус!

ДЕВУШКА. Клаус! Господи! Зачем ты так?! За что?! Почему?!

Неужели тебе доставляет удовольствие?! Клаус! Клаус!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Огромное удовольствие.

ДЕВУШКА. Я ведь тебя не узнала, совсем не узнала!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я старался. В конце вот только не выдержал. Извини, нервы ни к чёрту стали.

ДЕВУШКА. Зачем ты наврал? Про ноги... Дурацкие шутки, глупые!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да уж, наврал.

ДЕВУШКА. Клаус!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да, да, да!

ДЕВУШКА. Господи! Нет, я не верю! Не хочу верить, не хочу!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ерунда, давно уже было... Целый год прошёл...

ДЕВУШКА. Год?! Так, значит, ты?! Клаус! Клауси! Поэтому ты не звонил! Поэтому пропал! Поэтому мне врал, что ты уехал в Штутгарт, Франкфурт! Клаус, милый мой Клаус! Я ведь не верила, что ты меня бросил, не верила! Не могла в это поверить! Почему же ты, почему?!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да уж так...

ДЕВУШКА. Я понимаю, понимаю... Как это произошло?! Господи, что я говорю!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Авария, всё обычно. Ладно, мне очень жаль, что ты меня узнала, я не хотел этого...

ДЕВУШКА. Клауси!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я хотел услышать твой голос, только услышать... Я звонил каждый день. Каждый день я несколько раз набирал номер справочной. И каждый день из трубки доносились чужие голоса. Недели, месяцы. Но я упорно набирал

эти цифры — каждый день, каждый день, — потому что верил, что рано или поздно я услышу твой голос. Услышал... Так по-дурацки получилось! Прости меня...

ДЕВУШКА. Клаус!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Давай прощаться, я ведь за этим и позвонил.

ДЕВУШКА. Я приду к тебе.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет.

ДЕВУШКА. Не вешай трубку, прошу тебя!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У меня другой адрес.

ДЕВУШКА. Я знаю, я тебе столько раз звонила... Какой? Говори, я пишу...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ты не придёшь ко мне, Мари.

ДЕВУШКА. Приду!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, я не хочу этого, слышишь, не хочу!

ДЕВУШКА. Я думала о тебе, всё время думала! Господи, только о тебе и думала!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я... Нет, я не думал! Случайно всё! И ты не думай, поняла?! Не смей обо мне думать!

ДЕВУШКА. Я люблю тебя, Клаус.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У меня нет ног, Мари!

ДЕВУШКА. Я знаю, знаю!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Прощай!

ДЕВУШКА. Я люблю тебя! Милый мой!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я люблю тебя, прощай...

ДЕВУШКА. Любимый! Какое счастье, что ты позвонил! Теперь у нас будет всё нормально, как раньше! Я думала, сойду с ума! Господи, мы вместе, снова вместе! Я не могу без тебя жить, Клаус! Если б ты знал, если б ты только знал, как я счастлива! Я люблю тебя, люблю! Алё, Клаус, Клаус! Клаус, Клаус!

На другом конце телефона — тишина. ❧

Сведения об авторах

Леонид Бердичевский (1938, Киев). Художник, поэт, переводчик с шести языков. Руководитель клуба литературы и искусства, главный редактор альманаха «До и после». Автор двенадцати книг стихов и переводов (в том числе Розы Ауслендер и Рейза Цихлински). Десятки публикаций в изданиях по всему миру, в том числе статей о малоизвестных художниках. В Германии с 1993 года.

Георг Гейм (Georg Heym; 1887, Еленя-Гура (Хиршберг) — 1912, Берлин). Поэт и писатель, один из основоположников раннего экспрессионизма в немецкой литературе. Автор более чем 500 стихов, драматических произведений и рассказов. Автор стихотворных сборников «Вечный день» (*Der ewige Tag*, 1911), *Umbra vitae*, (лат. «Тень жизни», 1912), «Небесная трагедия» (*Der Himmeltrauerspiel*, 1913). Первые опубликованные в школьной газете стихи написаны под впечатлением от самоубийства одноклассника. Большое влияние на формирование стиля Гейма первоначально оказали, в числе прочих, Ницше, Новалис, Мережковский, фон Клейст. В январе 1912 года Гейм, катаясь на коньках на реке Хафель в Берлине, провалился под лёд и утонул. Менее чем за два года до этого в своём дневнике Гейм сделал запись сна, во многом повторявшего обстоятельства своей смерти.

Герман Гессе (Hermann Hesse; 1877, Кальв — 1962, Монтаньола). Писатель, поэт, художник. Будучи сыном балтийского немца, Гессе при рождении получил российское гражданство, которым обладал до переезда семьи в Швейцарию. Обучался в религиозных школах, в 15-летнем возрасте предпринял попытку к бегству, в дальнейшем — к самоубийству. С самого начала XX века его произведения обрели известность в высших литературных кругах Германии. Увлекался психоанализом, что оказало значительное влияние на его творчество. Был активным

сторонником пацифизма, в годы Второй мировой войны некоторые его произведения были запрещены в Германии. Общемировую известность Герману Гессе принесли «Степной волк» (*Der Steppenwolf*, 1927) и «Игра в бисер» (*Das Glasperlenspiel*, 1943). В 1946 году Герман Гессе был удостоен Нобелевской премии по литературе.

Анатолий Гринвальд (1972, Семипалатинск). Поэт, журналист, историк. Автор трёх книг стихов («Чернильный город», 2003, «Настоящее», 2005, *Sonne on demand*, 2011). Ряд публикаций в немецких, российских и прочих литературных изданиях. В Германии с 1997 года.

Дмитрий Грицкий (1988, Харьков). Поэт, физик-теоретик, специалист по нейронным сетям. В Германии с 2005 года.

Анна Давидян (1973, Москва). Переводчик, координатор проектов. Работала референтом по России в программе «Свободная пресса Восточной Европы» (ZEIT-Stiftung). Финалист литературного конкурса русского зарубежья «Пушкин в Британии». Публиковалась в вестнике МГУ, сборнике *Four Centuries* (переводы стихов с русского на немецкий). Также переводила юбилейный справочник «Гамбург — Санкт-Петербург» (2003). В Германии с 1994 года.

Александр Дельфинов (1971, Москва). Поэт, журналист, гражданский активист. Автор поэтических книг «Веселые нечеловечки» (2000), «Анестезия 2084» (2003), «Шкаф» (2005), «Воробьиный атом» (2013). Стихи и художественные тексты публиковались в различных печатных и сетевых журналах. Победитель международного поэтри-слэма на берлинском литературном фестивале (2007). В Германии с 2001 года.

Евгения Доброва (1977, Москва). Поэт, прозаик, драматург, преподаватель. Автор книг «Персоны нон грата и грата» (2008), «Угодья Мальдорора» (2010), «Чай» (2010) и многих других. Десятки публикаций в российских литературных журналах.

Елена Иноземцева (1975, Семипалатинск). Искусствовед, литератор, художник. Ряд публикаций в немецких, российских и прочих литературных изданиях. Входила в лонг-конкурсы «Заблудившийся трамвай» (2005), лонг-лист «Русской премии» (2015), шорт-лист конкурса короткого рассказа имени В. Г. Короленко (2015). В Германии с 1998 года.

Екатерина Крыжановская (1982, Минск). Журналист, внештатный сотрудник русской редакции Deutsche Welle. Публиковалась в таких изданиях, как «Комсомольская правда в Белоруссии», РБК, GEO. Более пяти лет была автором и ведущей ряда программ о культуре и обществе на английском, русском и белорусском языках на радиостанции «Беларусь». В Германии с 2010 года.

Елена Мадден / Тихомирова. Литературовед, критик. Доктор филологических наук. Руководитель Интеркультурного молодежного и семейного центра ШАЛАШ при «Клубе Диалог». Автор-составитель справочника *Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland: Ein Nachschlagewerk* (1998), автор двухтомной монографии «Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна» (2000), а также книг о детском многоязычии: «Наши трёхязычные дети» (2008, 2011) и «Русскоязычные дети зарубежья: Справочник мам» (2014). Ряд публикаций в журналах по всему миру («Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «НЛО», «Русский журнал», «Новый журнал» и др.) и в научных сборниках. Как эксперт по детскому многоязычию награждена Ассоциацией русских культурно-образовательных объединений Eurolog-UK (2011). В Германии с 1995 года (постоянно — с 2004 года).

Анна Нежная (Москва). Художник. Окончила факультет графических искусств Полиграфического университета, работала в печатных и телевизионных СМИ. Работы выставляются в Москве, Берлине и Грайфсвальде. Учится в *Caspar-David-Friedrich Institut Greifswald* на факультете искусств. В Германии с 2013 года.

Екатерина Садур (Новосибирск). Писатель, драматург. Автор книг «Праздник старух на море» (1998, 2002), «Воздух» (2004). На немецком языке вышли книги *Die Wunde Ungeliebt* (1998) и *Das Flüstern der Engel* (1999). Ряд публикаций в российских журналах. Пьесы «Соль», «Учитель ритмики» и «Голпа одиноких» неоднократно ставились в российских театрах. На 2016 год запланирована премьера пьесы «Острова блаженных» на немецком языке в театре *Volksbühne*. Премия журнала «Знамя» (1994), премия «Малый Триумф», премия фонда Альфреда Тёпфера (2001). В Германии с 2012 года.

Курт Тухольски (Kurt Tucholsky; 1890, Берлин — 1935, Гётеборг). Писатель, поэт и журналист. В 15-летнем возрасте потерял отца, который оставил семье значительное состояние, позволившее Курту получить юридическое образование в Берлине и Берне. Ещё в университете занимался журналистикой, интересовался литературой. Во время Первой мировой войны на Восточном фронте издавал полевою газету. После войны стал убежденным пацифистом. В годы Веймарской республики в своих статьях активно протестовал против политических убийств, в том числе Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Как и его кумир Генрих Гейне, способствовал взаимопониманию между Германией и Францией. Убедившись в бесполезности своей борьбы за демократию в Германии, Тухольски в начале 1930—х годов переселился в Швецию. В 1935 году покончил с собой, не выдержав тягот постигшей его болезни.

Марк Уральский (1948, Новокузнецк). Поэт, литературовед, историк. Как поэт выступал под псевдонимом Николай Марин. Автор книг «Камни из глубины вод» (2007), «Немухинские монологи» (2011), «Избранные, но незванные» (2012), «Небесный залог» (2013). Ряд публикаций в литературных изданиях по всему миру. В Германии с 1992 года.

Теодор Фонтане (Theodor Fontane; 1819, Нойруппин — 1898, Берлин). Писатель и поэт, один из ведущих представителей поэтического реализма. В 20-летнем возрасте, работая помощ-

ником аптекаря, написал первые стихи. С 1849 года, бросив службу, стал свободным журналистом и литератором. Следуя своим консервативно-религиозным взглядам, 20 лет работал в редакции «Новой прусской газеты», одним из основателей которой был Отто фон Бисмарк. Впоследствии перешёл от политической журналистики к театральной критике. Автор многочисленных романов, стихов, драм, биографических произведений, книг о путешествиях, военных мемуаров, перевода «Гамлета».

Борис Хазанов (1928, Ленинград). Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Кандидат медицинских наук. Сооснователь и редактор журнала «Страна и мир» (выходил с 1984 по 1992 гг. в Мюнхене). Автор ряда книг, десятков публикаций в литературных изданиях по всему миру. Произведения Б. Хазанова переведены на ряд языков. Лауреат премии города Гейдельберга (1998), «Русской премии» (2008), премии имени Марка Алданова (2010), премии журнала Иностранная литература (2013). В Германии с 1982 года.

Рикарда Хух (Ricarda Huch; 1864, Брауншвейг — 1947, Кронберг). Писательница, поэтесса, философ и историк. Окончила исторический факультет Цюрихского университета. Участвовала в феминистском движении. Резко отрицательно относилась к нацистскому режиму, не вступая, однако, с ним в открытую конфронтацию. Её поэтическое творчество оказало большое воздействие на возрождение романтического направления в немецкой литературе. Одна из важнейших представительниц литературного модернизма. Автор историко-биографических романов, посвящённых жизни выдающихся деятелей Италии, Германии и России, в том числе Михаила Бакунина, и монументальной «Немецкой истории».

Илья Члаки (1959, Москва). Драматург. Автор более пятидесяти пьес, поставленных в Германии, России, США, Великобритании, Украине и других странах. Произведения И. Члаки переведены на ряд европейских языков. Номинант и лауреат ряда премий и конкурсов. В Германии с 1991 года.

Олег Юрьев (1959, Ленинград). Поэт, прозаик, драматург, эссеист, переводчик. Автор нескольких десятков книг на русском и немецком языках. Десятки публикаций в литературных изданиях по всему миру. Лауреат премии им. Хильды Домин (2010), премий журналов «Звезда» (2012) и «Новый мир» (2013), поэтической премии «Различие» (2014). В Германии с 1991 года.

Ефим Ярошевский (1935, Одесса). Поэт, филолог, преподаватель русского языка и литературы. Автор книг «Провинциальный роман-с» (1998), «Поэты пишут в стол» (2001), «Королевское лето» (2005), «Холодный ветер юга» (2010), «Непрощенная речь» (2015). Лауреат премии «Сетевой Дюк» (2001, две первые премии) и премии имени Паустовского (2006). Ряд публикаций в российских литературных журналах. В Германии с 2008 года.

Kurze Zusammenfassung

Diese Ausgabe beginnt mit zwei Gedichtsammlungen: die eine stammt von dem in Cottbus lebenden **Jefim Jaroschewskij**, einem der führenden Vertreter der Emigrantenpoesie, die andere von dem jungen **Dmitrij Gritzki** aus Düren.

Der bekannte Prosaist **Oleg Jurjew** (Frankfurt a. M.), Autor dutzender Bücher, stellt ein Fragment seines Buches „von zeiten“ vor. Es handelt sich um kleine Erzählungen – Erinnerungen an die jüngste und fernere Vergangenheit, an Menschen, Städte und Zeitläufte.

Die Dramatikerin und Prosaistin **Jekaterina Sadur** (Berlin) stellt uns den Essay „Die Berliner Scherben“ sowie die Erzählung „Oktober und das Zwielficht verdichten sich langsam über Berlin“ vor: zwei wunderschöne, bildreiche, gefühlvolle und feinsinnige Meditationen über die Stadt, in der so viele Begegnungen und Trennungen stattfinden, so viele Hoffnungen und Enttäuschungen passieren.

Der bekannte Dichter und Musiker **Alexander Delfinov** (Berlin/Köln) bietet den Lesern eine Sammlung von Mini-Erzählungen unter dem Titel „Text, Drugs, Rock- n-Roll“. Delfinovs Definition zufolge handelt es sich um „Blitze und Gedächtnislücken eines Vierteljahrhunderts“. Der Autor schichtet seine Eindrücke vom Leben in Deutschland und Russland, stellt prägnante Betrachtungen an und liefert eine einwandfreie Diagnose der Epoche.

Es folgen zwei weitere Gedichtsammlungen. Mit ihrer Poesie konfrontieren uns die talentierten Autoren **Yelena Inozemtseva** und **Anatolij Grinvald** (beide Leipzig).

Die Moskauer Schriftstellerin **Jewgenija Dobrowa**, Verfasserin von mehr als zehn Büchern, stellt ihre Sammlung „Die geknöpft Luft“ vor. Sie hat sich mehrfach in Deutschland, und zwar in Berlin, aufgehalten. Es ist ihr gelungen, zahlreiche Beobachtungen,

---

die sie dort gemacht hat, festzuhalten und niederzuschreiben. Sie erzählt auch, was sie in Polen gesehen hat, als sie dort wohnte.

Die junge Autorin **Anna Nezhnaya** (Greifswald) wartet mit einer spannenden Beobachtung auf, bei der es um das Berliner Leben geht. Die Protagonistin der Erzählung „Porzellan zum Berühren“ besuchte eine bemerkenswerte Ausstellung. Dort traf sie einen realen Berliner Patienten!

Die Abteilung „Übersetzungen“ enthält Gedichte von **Georg Heym, Ricarda Huch, Hermann Hesse, Kurt Tucholsky** und **Theodor Fontane**. Die ersten drei wurden von dem bekannten Literaten und Übersetzer **Leonid Berdychevskiy** (Berlin) übertragen, die beiden anderen von **Anna Davidian** (Norderstedt).

Grigorii Arosev, der Chefredakteur der Zeitschrift, hat die bekannte deutsche Schriftstellerin **Alina Bronski** (Berlin) interviewt. Bronski ist russischer Herkunft. Sie spricht über sich und ihren Schaffensweg in Deutschland. Anlass zu dem Interview war ihr neuer Roman „Baba Dunjas letzte Liebe“.

Katsiaryna Kryzhanouskaya, Journalistin aus Bonn, bespricht den Roman für „Berlin. Berega“. Ihre Besprechung trägt den Titel „Froh und schmissig über Tschernobil“. Darin versucht sie, dem interessanten, aber auch vielschichtigen Text Bronskis gerecht zu werden.

Der Altmeister der russischen Prosa **Dr. Boris Chasanow** aus München, der 1982 nach Deutschland übersiedelte, legt einen tiefgründigen und präzise formulierten Essay mit dem Titel „Uta oder die Fahrt von Deutschland nach Deutschland“ vor. Chasanow war Zeitzeuge der Wende, deshalb sind seine philosophisch geprägten Erinnerungen und Meditationen von leichter Melancholie und feiner Ironie durchzogen.

Dr. Mark Uralski, Publizist aus Brühl, schreibt in seinem Artikel über einige russische Schriftsteller, die Anfang des 20. Jahrhunderts im Ausland auftauchten. Es gab ein großes Problem: wie konnte man sich in einem fremden Land wiederfinden?

Dr. Elena Madden, Literaturwissenschaftlerin aus Berlin, erforscht die gegenwärtige russische Literatur in Deutschland, und zwar in Berlin. Die Grenze zwischen den Gattungen, Verbindungen und Tendenzen, die Perspektive der mündlichen und schriftlichen russischsprachigen Literatur in ihrem gesamten Verlauf – darum geht es in Elenas Beitrag.

Der bekannte Dramatiker **Ilja Tschlaki** (Berlin) stellt uns eine Szene seines Theaterstücks „Bilder aus der Provinz“ vor. Ein Telefongespräch: Er und sie. Er ruft die Zug-Hotline an. Sie antwortet. Der Dialog nimmt aber eine unerwartete Wendung. Wie wird er enden?

Информация о подписке

В 2016 году выйдут два номера литературного журнала «БЕРЛИН. БЕРЕГА» — в мае и ноябре. Стоимость годовой подписки — 16 евро. Также возможны покупка одного из номеров (стоимость — 10 евро) и электронная подписка (10 евро за два номера).

Для того, чтобы подписаться, необходимо:

- перевести выбранную сумму на счёт:

Maria Aroseva

IBAN: DE02 1007 0024 0525 6623 00

BIC: DEUTDE33HAN

Deutsche Bank 24

Назначение платежа: berlin.berega

- сообщить редакции имя и почтовый адрес абонента, а также выбранную категорию подписки. Информацию просят отправлять по электронной почте (berlin.berega@gmail.com) либо по адресу:

Maria Aroseva

Schieritzstr. 8

10409 Berlin

Читайте в „БЕРЛИН.БЕРЕГА“ № 2

Новые рассказы Марины СТЕПНОВОЙ (Москва),
Дмитрия ВАЧЕДИНА (Берлин)

Германский итинерарий русских писателей: Достоевский.
Исследование Светланы ТАРХАНОВОЙ

Виртуальный круглый стол. Русскоязычные авторы
пишут на немецком: опыт переключения

